



КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

**ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ
И ИННОВАЦИИ**

**Материалы
Международной научно-практической конференции,
посвященной 45-летию кафедры криминалистики
юридического факультета**

**Минск,
12–13 октября 2017 г.**

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра криминалистики

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОБЛЕМЫ,
ПЕРСПЕКТИВЫ И ИННОВАЦИИ

Материалы
Международной научно-практической конференции,
посвященной 45-летию кафедры криминалистики
юридического факультета БГУ

Минск, 12—13 октября 2017 г.

Минск
Издательский центр БГУ
2017

УДК 343.98(06)

ББК 67.52я431

К82

Редакционная коллегия:

*В. Б. Шабанов (ответственный редактор),
А. А. Абдурахманов, В. Л. Григорович, В. С. Красиков,
Е. П. Орехова, С. Ю. Ревтова, А. М. Хлус*

Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию каф. криминалистики юрид. фак. БГУ, Минск, 12—13 окт. 2017 г. / БГУ ; редкол. : В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2017. — 243 с.
ISBN 978-985-553-440-3.

В сборник включены труды белорусских и зарубежных ученых, представленные на Международной научно-практической конференции «Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы перспективы и инновации», посвященной 45-летию кафедры криминалистики юридического факультета БГУ. Анализируются современные проблемы криминалистической науки во взаимосвязи с практической деятельностью по раскрытию и расследованию преступлений.

УДК 343.98(06)

ББК 67.52я431

ISBN 978-985-553-440-3

© Оформление РУП «Издательский центр БГУ», 2017

Раздел I. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Дулов А. В.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ КРИМИНАЛИСТИКИ

Развитие науки осуществляется на основе уже познанных закономерностей. К таким закономерностям относятся процессы интеграции и дифференциации. Интеграция проявляется в постоянно развивающихся закономерных связях между различными науками. Углубление и расширение целей научного исследования неминуемо приводит к тому, что для их достижения необходимо использовать данные других наук, тесно взаимодействовать с ними. Взаимодействие постоянно порождает новые методы, средства исследования, что и позволяет расширять сферу познания явлений, процессов.

В развитии современной науки все больше проявляются интеграционные процессы. Усложняются объекты исследования, что требует взаимодействия ряда уже сложившихся наук, создания новых отраслей знаний. Усложняющиеся процессы изучения объективного мира, социальной действительности делают интеграционные процессы обязательным условием развития наук. Такая же тенденция происходит и в праве. Появление новых объектов исследования (космос, экология и т. д.), новых углубленных задач исследований приводит к формированию новых отраслей права.

Интеграционные процессы проявляют себя и в тенденции формирования циклов, блоков наук. Необходимость этого определяется наличием общей цели, единого объекта воздействия. Такая тенденция проявляется и в праве, в частности в формировании комплекса наук, призванных обеспечить борьбу с преступностью.

Изучение взаимосвязей между науками уголовно-правового цикла постепенно становится постоянным объектом их исследования. Наиболее часто упоминают о связях между уголовным правом и уголовным процессом. В настоящее время без глубокого изучения связей нельзя развивать дальше ни уголовный процесс, ни уголовное право.

Имеются указания общего характера на взаимосвязь уголовного права и криминалистики. Интересно отметить, что наиболее точно сущность этой взаимосвязи определил еще Г. Гросс при формировании новой науки криминалистики. Он писал: «Криминалистика по природе своей начинается лишь там, где уголовное право, также по своей природе, прекращает свою работу: материальное уголовное право имеет сво-

им предметом изучение преступного деяния и наказания, формальное уголовное право (процесс) включает в себе правила применения материального уголовного права. Но каким именно способом совершаются преступления? Как исследовать эти способы и раскрывать их, какие были мотивы совершения такового, какие имелись в виду цели – обо всем этом нам не говорит ни уголовное право, ни процесс. Это составляет предмет криминалистики»¹.

К сожалению, «цикл уголовно-правовых наук» в комплексе пока не изучается. В то же время совершенно очевидно, что проблема активизации борьбы с преступностью настоятельно требует проведения таких исследований. Это, безусловно, выявит новые горизонты в управлении общим процессом борьбы с преступностью, откроет и новые возможности в развитии каждой из наук, входящих в этот цикл.

Практика крайне нуждается в подобных исследованиях. Такая потребность существует на тактическом и стратегическом уровнях. И следователь, и судья при расследовании, судебном рассмотрении уголовных дел комплексно применяют знания уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и других наук. Эти знания используются и при разработке государственных программ, мероприятий, направленных на организацию борьбы с преступностью. Отсюда требуется и комплексное изучение этих наук.

Что же надо делать для такого комплексного изучения? Прежде всего возникает необходимость формирования методологической основы исследования. Такая база имеется у уголовного права, процесса, криминалистики. Но когда ставится задача исследовать комплекс в целом, методологическая основа каждой из этих наук уже недостаточна. Новая методологическая основа обеспечивается прежде всего применением структурного подхода. Совокупность наук всего цикла должна рассматриваться как система. Это дает возможность определить содержание данной системы: какие науки должны входить в совокупность ее элементов. Причем важно установить, какие элементы науки являются системообразующими, а роль каких определяется только решением конкретных практических или теоретических проблем, возникающих в ходе борьбы с преступностью на отдельных ее этапах.

При изучении системы необходимо:

1. Определить общую цель формирования, действия создаваемой системы. Такой общей целью является борьба с преступностью. Часто считается достаточным ограничиться указанием на то, что общность

¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики: новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 8.

цикла уголовно-правовых наук определяется их относимостью к единой цели – борьбе с преступностью. Но определение общей цели является только первоначальным этапом исследования. Если мы хотим использовать все положительные свойства общности этих наук, управлять процессом воздействия этой общности на борьбу с преступностью, следует значительно глубже изучать их в комплексе, устанавливая роль каждой науки, определяя, как каждая из наук дополняет, влияет на другие для достижения общей цели – усиления борьбы с преступностью.

2. Общая цель создает «дерево» целей, которые, в свою очередь, конкретизируют ее, определяют основные пути ее достижения. В связи с этим научные исследования постоянно направлены на выявление новых элементов в общей системе целей, на выявление всех составляющих, из которых складывается обеспечение общей цели (сбор информации, предупреждение преступления, пресечение преступлений, расследование, судебное рассмотрение, исполнение наказания, ресоциализация и т. д.).

3. Определение всей системы функций, которые реализуются в деятельности по осуществлению борьбы с преступностью.

4. Определение всех видов связей в изучаемой системе.

Науки рассматриваемого цикла определяют, что является преступлением, как его можно предупреждать, выявлять, доказывать, определять вину и т. д. В этом их общая логическая связь. Но надо устанавливать и всю совокупность научно необходимых и обоснованных связей. Это составная часть системно-структурного подхода, так как структура состоит не только из элементов (наук), но и связей между ними.

Для исследования связей в изучаемой системе уголовно-правовых наук предварительно необходимо иметь достаточно полное представление о самом понятии «связи».

Следует основываться на том, что философские исследования процессов отражения и многочисленные исследования естественных и социальных наук, подтвержденные экспериментальным изучением большого эмпирического материала, убедительно показали, что связи между явлениями проявляются как взаимодействие. Значит, уголовное право воздействует на процесс, а уголовный процесс, в свою очередь, влияет на формирование уголовного права. И так во всех дисциплинах, входящих в данную систему наук.

Взаимосвязи создаются специально для достижения намеченных целей, для решения поставленных задач, имеют различные уровни, виды. Взаимосвязи могут быть причинно-следственными, выступать в виде прогнозируемых зависимостей, могут определяться результатами исследования. Они могут проявлять себя как взаимозависимости, взаи-

модействие, взаимовлияние (непосредственное, опосредованное), наконец, различными могут быть и цели взаимодействия: установление методологической или теоретической основы, взаимодействие при осуществлении функций, реализации средства, создании условий для явления, действия.

Все это указывает на исключительное многообразие роли взаимосвязей, а отсюда и сложности их изучения.

При реальном существовании множества отдельных наук формирование целостного комплекса может осуществляться только через изучение систем связей.

Для проведения подобных исследований представляется необходимым сформулировать основные методологические принципы их осуществления. Можно указать на следующие принципы:

1) изучение всех видов связей: системных, структурных, генезисных, функциональных, коммуникативных;

2) изучение всех форм проявления связей: причинно-следственных, зависимостей, спонтанных, внешне случайных и т. д.;

3) изучение связи каждой науки с основной целью образования системы. Конкретизируются цели, функции каждой науки по отношению к общей цели системы, ее функциям. Цели и функции конкретной науки основываются на общесистемных целях и функциях и в то же время конкретизируют, обогащают, совершенствуют их. Причем этот процесс может идти по следующим направлениям: а) осмысление и углубленное исследование реально существующих, функционирующих связей; б) поиски следов возможно существующей, но скрытой связи для исследования ее действительной значимости и ее полной легализации в системе наук; в) выдвижение гипотез о связях, которые надо развивать для формирования системы наук, развития каждой науки;

4) изучение всех связей с другими науками, входящими в изучаемую систему. Надо изучать связи со всеми науками, все виды связи. Только такой подход обеспечит достижение общей цели системы – организацию и активизацию борьбы с преступностью, развитие вклада каждой науки в достижение этой общей цели. Пока эти связи полностью не сформулированы, что и приводит к тому, что они изучаются недостаточно. Так, в науке уголовного права разрабатываются связи с криминологией, исправительным правом, в меньшей степени – с уголовным процессом, совсем мало – с юридической психологией, юридической этикой, теорией профилактики, криминалистикой.

Можно выделить три основные группы связей, которые надлежит изучать при исследовании системы уголовно-правовых наук.

Первая группа – системообразующие связи. Они формируют цели, методологические основы, функции системы, т. е. все то, что создает

базис любой интеллектуальной системы. Здесь создается основа связей между всеми науками: формируется их общая цель (дерево целей), функции, выполняемые системой.

Вторая группа – внешние связи системы наук. Система не существует сама по себе. Это относится и к системам наук: они определяются и зависят от потребностей общества (тех экономических, социальных, технологических систем, которым призваны служить); от других групп наук и т. д. Внешние связи влияют на формирование теоретической, методологической основы наук, условия их развития, цели и направления предмета наук. Эти связи двухсторонние: система наук через них обогащается и в то же время обогащает их своими знаниями. Связи между науками позволяют устанавливать общие методологические основы исследования образуемой системы наук.

Только анализ и синтез всех внутренних и внешних связей каждой науки позволит правильно определить общую методологию исследования, сформировать в конечном итоге эффективно действующую систему борьбы с преступностью.

Третья группа – это связи внутри системы. Они существуют между всеми элементами, системами (науками) и направлены на взаимообогащение каждой науки. Эти связи обеспечивают формирование методологической и теоретической основы каждой науки, возможность использовать уже разработанные в других науках методы, средства, рекомендации. Связи создаются для выполнения общесистемных целей, функций, что, в свою очередь, формирует системообразующие связи с целями, функциями общей системы

Реализация системного подхода и изучение группы уголовно-правовых наук закономерно должны привести и к углубленному изучению каждой науки, входящей в систему. Каждая из них, в свою очередь, рассматривается как система и изучается по вышеизложенным принципам. Это значит, что должны изучаться: 1) все внешние связи конкретной науки, которые определяют, влияют на ее содержание и развитие, и те, которые обеспечивают воздействие содержанием, результатами своих исследований на другие науки; 2) связи, формирующие самостоятельность науки; 3) связи, формирующие систему данной науки.

Конкретное изучение связей между науками, безусловно, откроет еще много нового и неожиданного. Самое главное, что это определит новые горизонты исследования, будет способствовать развитию общей системы научного обеспечения борьбы с преступностью.

Так, исследование связей закономерно приводит к созданию условий для более углубленного исследования функций как системы в целом, так и применительно к каждой науке.

Особенность цикла уголовно-правовых наук проявляется в том, что каждая из них обязательно оказывает влияние на все другие науки своего цикла, помогает их становлению и развитию. Именно поэтому они и создают единую систему. Такая специфическая взаимосвязь наук приводит к формированию в каждой из них методологической функции. Каждая наука обязана обобщать, систематизировать свои теории, методы, средства, содержание таким образом, чтобы эта информация как можно полнее могла быть воспринята другими науками.

Методологическая функция уже прочно определилась в юридической психологии, юридической этике за счет тесных связей с такими науками, как психология, этика, теория права. Но эта функция существует и у уголовного права, уголовного процесса, криминалистики, что определяется исследуемым содержанием, связями с социальными науками, общей теорией познания, отражения и т. д. Выделение такой функции будет способствовать консолидации и развитию каждой науки цикла, системы в целом.

Целостное исследование системы уголовно-правовых наук приведет к существенному обогащению методологических основ и каждой из них. Это обеспечивается внутренними связями каждой науки, общими целями и функциями, связями с другими науками, входящими в систему уголовно-правового цикла. Так, существенное развитие методологических основ закономерно ожидается от связей с развитием юридической психологии, юридической этики. Они изучают психологические, нравственные отношения в обществе, их влияние на правовую систему. Соответственно эти знания уже в качестве методологической основы будут использоваться в уголовном праве, исправительном праве, уголовном процессе, криминалистике.

Исследование связей позволит существенно активизировать изучение профилактической деятельности. У права имеется общая цель — предупреждение возникновения дефектов, опасностей, конфликтов в обществе. Решение этой задачи присуще в той или иной мере уголовному праву, уголовному процессу, криминалистике, юридической психологии. Таким образом, каждая наука выполняет профилактическую функцию.

Выявление связей, образующихся сочетанием функций профилактики в каждой науке, приводит к выводу о наличии общесистемной функции профилактики преступлений, которая уже определяет, организует, конкретизирует реализацию этой функции в уголовном праве, уголовном процессе, криминалистике и т. д. Множественность связей по функции профилактики между всеми науками требует их упорядочения,

т. е. создания самостоятельной общей теории (а возможно, и самостоятельной науки) профилактики преступлений.

Изучение систем связей способно выделить еще одну функцию – предсказательную. Появляется возможность предвидеть, какие науки, теории следует разрабатывать в пределах системы уголовно-правовых наук.

Выявление всех видов связей между науками уголовно-правового цикла является необходимым средством развития каждой науки и всей системы в целом.

Изучение связей, объединение их в группы может привести к необходимости формирования новых отраслей в существующей системе уголовно-правовых дисциплин. Это происходит в тех случаях, когда цели установленных взаимосвязей не могут быть обеспечены существующим комплексом наук. Так, последовательное применение системного подхода к изучению целей и связей позволяет сделать вывод о необходимости формирования науки управления процессами борьбы с преступностью, комплексно исследующей возможности уголовно-правовых наук в реализации общей задачи правового государства по обеспечению безопасности общества и каждой личности во всех сферах жизни.

Изучение связей может привести и к изменению системы построения отдельных наук данного цикла. Они должны в большей степени учитывать необходимость исследования всех систем связей, последовательность в их изучении. Возникает необходимость более четко определять основные блоки каждой науки (например, выделять общую и особенную часть) и изучать связи, зависимости между этими блоками. Это должно стать обязательным принципом развития всех наук уголовно-правового цикла. Так, например, в криминалистике последовательное применение системного подхода к изучению связей привело к формированию нового раздела – криминалистической стратегии.

Изложение значимости и путей исследования системных связей позволяет сделать вывод о том, что появилась потребность в формировании и разработке общей теории действия уголовно-правовой системы. Создание такой общей теории (а значит, и системы методов, средств) должно осуществляться самостоятельной наукой – теорией системы уголовно-правовых наук. Формирование такой теории явится существенным вкладом в развитие всех наук цикла, в повышение их роли в активизации практической деятельности по борьбе с преступностью, повысит системность, организованность, управляемость этой деятельностью.

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Погружение криминалистики в XXI в. вызвало к жизни активные процессы развития базовой криминалистической методологии и ее интенсивное научно-практическое вживание в виде информационно-криминалистических технологий. Речь идет не только о приспособлении криминалистики к системе изменений криминогенных процессов во внешнем мире, но и о сознательном, конструктивном воздействии криминалистики на мир криминальной реальности, которая детерминирует процессы криминалистического развития. Вместе с тем следует обратить внимание на внутренние эволюционные процессы развития криминалистики.

Классическим устоявшимся определением криминалистики мы обязаны профессору Р. С. Белкину, патриарху криминалистики.

«Криминалистика – это наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, исследования, оценки и использования доказательств, основанных на познании этих закономерностей, специальных средствах и методах судебного исследования и предотвращения преступления».

Следует отметить, что в идее закономерностей возникали многие направления современной криминалистики, например: типовые модели расследования, обвинения, защиты, алгоритмы следственных действий, программное обеспечение версий по отдельным видам преступлений и т. д.

Вместе с тем некоторые ученые отмечают, что криминалистика – это наука о раскрытии преступлений. В современных условиях это несколько ограничивает содержание криминалистики, так как криминалистическая информация широко используется в прокурорском надзоре, судебном производстве, защите по уголовным делам, хозяйственной деятельности, административном процессе и др. Закономерности отражают определенную стандартность, типичность, устойчивость, логику совершения, раскрытия, расследования преступлений. Но современное состояние судопроизводства породило новые направления развития криминалистики в сфере обвинения и защиты в том виде, в котором она должна существовать. Это вызвало потребность в функционировании новых процессуальных методов и способов в объеме реализации прав и свобод человека, а также новой криминалистической методологии.

Профессор А. В. Дулов, психологизируя криминалистику, обоснованно замечает: «В жизни закономерное и случайное, цикличное и спонтанное, непредсказуемое и предсказуемое находятся во взаимосвязи, переплетены теснейшим образом, связаны между собой, порождают

друг друга». Справедливо отмечает и профессор В. А. Образцов, что криминалистика – это наука о технологии и средствах практического следо- доведения (поисково-познавательная деятельность) в уголовном судо- производстве.

В криминалистической трактовке следы – это прежде всего то, что оставляют преступники на месте происшествия. Следы это то, что ищут и изучают оперативные работники, следователи, эксперты, судьи, по- знают по ним, что требуется выявить и доказать. Все, кто занимается этим, практические следоведы.

Ученые-криминалисты создают учение о следах, которое решает теоретические и прикладные поисково-познавательные задачи (В. А. Образцов).

В центре внимания криминалистики находятся не только следы, но и человек, который их оставляет. Криминалистика в том числе наука информативно-центрированная на личность, определившая механизмы совершения, раскрытия преступлений, закономерности расследования, обвинения и защиты по уголовным делам.

Основным объектом криминалистического исследования является информационная человеческая деятельность: с одной стороны, инфор- мация о поведении преступника (как объекта познания), с другой – ин- формация о деятельности криминалиста (как объекта управления).

Предметом криминалистики становятся закономерности и парадоксы:

- совершения, сокрытия, расследования преступлений;
- экспертного исследования вещественных доказательств;
- судебного разбирательства;
- обвинения и защиты по уголовным делам;
- создания методов раскрытия, расследования, а также профилак- тики преступлений.

Таким образом, ключевым подходом в криминалистике являются информационные и интеллектуальные технологии, которые занимают центральное место в системах криминалистического обеспечения рас- следования, обвинения, защиты и судебной деятельности. Криминали- стические информационные технологии основаны на специально подго- товленном в учебном процессе криминалистическом мнении.

Выигрывает тот, у кого выбор тактических, стратегических и тех- нологических средств воздействия больше, а также тот, кто опережает тактически противника.

В связи с этим целесообразно иметь необходимое тактическое и стратегическое средство – систему технологий, составляющих компози- цию криминалистического обеспечения оперативно-розыскной деятель- ности, расследования обвинения, защиты и судебной деятельности.

Шиенок В. П.

ИНТУИЦИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ. МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОБЛЕМЫ

На рубеже XX–XXI вв. перед криминалистикой, как и отечественной наукой в целом, со всей очевидностью встал выбор изменения мировоззренческого уровня ее методологии, поиска и апробации новой парадигмы исследования, отвечающей новой жизненной ситуации на планете, обусловленной развитием человека и общества во всем многообразии их существования.

В рамках решения данной задачи автором разрабатываются основы новой методологии белорусской юриспруденции, центральное место в которых принадлежит человеку как биосоциальной сущности, объединяющей в себе духовную и материальную стороны бытия, состоящей из души и тела. Ориентированность на человека и его нужды данной системы взглядов обусловили ее название – гуманистическая методология. Только на новой методологической основе криминалистика может выработать подлинно инновационные способы и технологии расследования и раскрытия преступлений.

Криминалистика в практическом плане – это в первую очередь деятельность людей, как правило, преследующих противоположные цели. Во-первых, это деятельность криминальная, нарушающая уголовный закон, во-вторых, – наоборот, предусмотренная законом, осуществляемая в целях предупреждения и расследования, раскрытия уголовно-наказуемых и иных подобных им деяний. Таким образом, именно люди и их деятельность представляют наибольший теоретический и практический интерес для теории и практики криминалистики, особенно в контексте разработки и внедрения реальных инновационных технологий в процесс расследования преступлений. Поэтому уже сейчас и в долгосрочной перспективе криминалистические исследования должны быть сосредоточены на изучении внутренних возможностей человека, его потенциала, разработке методик их развития и использования для решения задач, связанных с предупреждением, расследованием и раскрытием преступлений. Одной из таких внутренних возможностей человека является интуиция.

В самом общем виде интуиция – это чутье, чувствование ситуации в динамике, ее осознание за пределами логических операций ума, получение готовых экзистенциальных решений, находящихся порой за гранью рационального. Интуиция противоположна логическому способу мышления, основанному на установлении цепочки причин и следствий по схеме «если-то». Важно, что интуитивный и логический способы мышле-

ния не противостоят, а взаимно дополняют, обогащают друг друга. Интуиция может использоваться как для решения ретроспективных, так и перспективных задач. Препятствием не имеет принципиального значения в интуитивном познании, так как интуиция – это всегда новое знание.

Нет нужды много говорить о важности интуиции в криминалистике. Об этом уже писали и говорили не раз. Ее роль как способа мышления, познания мира, особо актуальна в условиях сложных, проблемных ситуаций, характеризующихся дефицитом информации, активным противодействием ему. Именно с такими ситуациями, как правило, приходится сталкиваться следователям, экспертам, оперативным работникам и т. д. при расследовании «неочевидных» и иных преступлений.

Что лежит в основе интуиции, почему она возможна? С позиций гуманистической методологии феномен интуиции объясняется: 1) пониманием всего существующего мира как непрерывного потока вибраций (колебаний) – «все есть вибрации»; 2) рассмотрением человека как «микрокосма», существа, содержащего в себе все качества и возможности, имеющиеся в мире, вселенной, «макрокосме»; 3) гипотетическим знанием о существовании информационного поля души человека, являющегося частью иных информационных полей, существующих во вселенной; 4) пониманием мысли, эмоций и т. п. явлений внутреннего мира человека как энергетических образований, оставляющих свои следы; 5) неограниченными внутренними возможностями человека как субъекта и объекта познания. В этом плане, интуиция – это голос души, истинного «я» человека.

Интуитивное мышление доступно каждому человеку, но, как и с мышлением логическим, интеллектом, волей и т. п. феноменами, люди располагают разными стартовыми способностями. Но даже, если способности хорошие, интуицию надо тренировать.

Основная проблема на пути развития интуиции – беспокойный ум, который привык все время мыслить, «болтать», постоянно и бесконтрольно проецируя свою деятельность в прошлое и будущее, генерируя поток все новых и новых мыслей. Следовательно, эксперт, оперативный работник не являются исключением в этом плане. Постоянный поток мыслей – главный фактор, затрудняющий развитие и использование интуитивного мышления.

Вторая проблема развития интуиции – тренировка внутренних феноменов человека, основана на внутреннем восприятии соответствующих процессов, сигналов, переживаний. Практически отсутствуют механизмы внешнего контроля, оценки правильности тренировки, специальные приборы и т. п. Здесь легко ошибиться, принять желаемое за действительное, впасть в фантазии, иллюзии. Очень важна высокая са-

модисциплина и самоконтроль. Роль инструктора здесь крайне высока и ответственна.

Основные этапы развития интуиции: изучение общей информации, методики и правил безопасности тренировок интуиции; осознание постоянной работы ума, постоянного потока мыслей, их многовекторности и хаотичности; успокоение сознательного ума, постепенное достижение состояния «безмыслия» и его поддержание; приобретение навыка целенаправленного взаимодействия логического и интуитивного способов мышления в ситуациях различных типов; освоение способов проверки результатов интуиции; применение приобретенных навыков интуитивного мышления в реальной криминалистической деятельности.

Шумак Г. А.

**НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ НАУЧНОЙ ШКОЛОЙ
КАФЕДРЫ КРИМИНАЛИСТИКИ БЕЛОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Одним из важнейших направлений развития и совершенствования различных отраслей науки является формирование и деятельность современных научных школ. В русле их тенденций развивается и криминалистическая наука. Примером успешного формирования и плодотворной деятельности является научная и образовательная школа кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета. В центре формирования любой научной школы, несомненно, находится фигура лидера – авторитетного представителя науки, способного своим талантом и целеустремленностью увлечь в творческий поиск коллектив последователей и соратников. Таким бесспорным лидером в области криминалистики является основатель и руководитель кафедры криминалистики БГУ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, заслуженный работник Белорусского государственного университета Дулов Андрей Васильевич. Созданная им научная школа, включающая более 60 докторов и кандидатов наук, развивалась и совершенствовалась в течение полувека соответственно задачам по борьбе с преступностью в конкретный период времени. В коротких тезисах возможно лишь обозначить основные направления развития научных исследований белорусской университетской школы криминалистики.

1. *Развитие взглядов на учение о целях и задачах криминалистики.* Одним из направлений деятельности криминалистической школы профессора А. В. Дулова является разработка теории и методологии кри-

миналистической деятельности. Криминалистическая деятельность – это сфера практического функционирования различных структур, направленная на выявление признаков правонарушений, выделение из них криминальных элементов, работа по превращению признаков преступлений в полноценные доказательства, системное представление этих доказательств как основы обвинения или оправдания. В числе одной из основных задач белорусская криминалистика ставит и решает проблему криминалистического обеспечения широкого круга видов деятельности, направленных на противодействие преступности. Исходная позиция заключается в том, что в деятельности многих государственных структур и институтов, непосредственно не занимающихся расследованием преступлений, имеется криминалистическая составляющая. В числе таких органов и сфер деятельности – хозяйственный контроль (документальные ревизии, проверки, аудит), сфера деятельности государственных инспекций, деятельность налоговых органов, сфера таможенного контроля, пограничная служба, сфера деятельности МЧС, прокурорская деятельность и др. Все эти органы и должностные лица должны обладать знаниями о системе признаков преступлений, совершаемых в сфере их деятельности, уметь элиминировать случайные признаки от закономерных, оценить их значение, обеспечить сохранность как возможных будущих доказательств, осуществить их предварительное исследование. Сотрудники этих органов должны использовать также элементы криминалистической тактики в ходе получения объяснений от проверяемых лиц, истребования документов, проведения встречных проверок и т. д. Все это есть криминалистическая деятельность. Ни одна наука, кроме криминалистики, не дает теоретического обоснования и методического обеспечения выполнения этих функций.

2. *Развитие учений о предмете криминалистики.* Учеными кафедры криминалистики БГУ разработан непосредственно криминалистический аспект изучения преступления как элемента предмета криминалистики. В отличие от уголовно-правового, криминологического и других направлений, криминалистика изучает преступление с точки зрения технологической, деятельностной, материальной. А. В. Дуловым выдвинута и обоснована, а его учениками развита и внедрена в теорию и практику идея о необходимости исследования материальной структуры преступления, которая в процессе научной разработки чаще стала называться криминалистической структурой преступления. Криминалистическая структура преступления – оригинальное учение белорусской университетской школы, рассматривающее преступление как систему взаимосвязанных и взаимодействующих *материальных* элементов, без наличия которых не было бы самого факта преступления. Обязательными

материальными элементами любого преступления являются субъект (человек, его совершивший), объект (лицо, организация, предмет, иная материальная структура), на который направлено преступное воздействие), орудие (средство) совершения преступления. Криминалистика изучает параметры каждого элемента, их специфические свойства, обеспечивающие в своем системном взаимодействии процесс слеодообразования – основу выявления и расследования преступлений.

3. *Развитие учения о методах криминалистики.* Пожалуй, именно в сфере разработки научных методов криминалистики и методов практической деятельности по выявлению и расследованию преступлений наиболее отчетливо проявилась оригинальность белорусской университетской криминалистической школы и массовость научных исследований в этом направлении. Так, предметом самостоятельных диссертационных исследований в этой области, осуществленных под руководством профессора А. В. Дулова и его учеников, были методы психологического анализа (Г. Г. Шиханцов, Ю. И. Новик), системный анализ криминалистической деятельности (А. С. Рубис, И. А. Лапина), методы организации расследования (И. А. Мороз), методы профилактической деятельности следователя (И. Р. Веренчиков), методы взаимодействия (Е. П. Чуприна), метод бухгалтерского анализа (Г. А. Шумак), метод криминалистического матрицирования (А. Е. Гучок), метод криминалистической ретроспекции (Ю. В. Пономаренко), методы расследования квартирных краж (А. В. Лапин), методы рефлексии, анализа генетического развития преступления и др.

4. *Развитие представлений о системе криминалистики.* Традиционно принятой в криминалистике считается четырехзвенная система, включающая в себя теоретические основы криминалистики, криминалистическую технику, криминалистическую тактику и методику расследования отдельных видов преступлений. Профессором А. В. Дуловым предложено включить еще один раздел – криминалистическую стратегию. Обосновывая необходимость выделения в криминалистике этого раздела, ученый обращает внимание на наличие проблем, которые не находят своего конкретного места в существующей системе криминалистики. Определяя задачи нового раздела, А. В. Дулов отмечает: «Прежде всего, это изучение того общего, что характеризует деятельность по расследованию. Необходимо углубленно изучать общие правила и принципы расследования, этапы этой деятельности, особенности мыслительной деятельности следователя при построении общего плана расследования и его отдельных этапов» [1, с. 27]. Однако, по нашему мнению, совершенствование существующей «пораздельной» системы криминалистики имеет свои пределы. Такая классификация материала весьма удобна для учебного курса, но мало пригодна для осуществления

системных научных исследований в практической области комплексного криминалистического обеспечения противодействия преступности в различных сферах. С этой целью нами предложена альтернативная система построения криминалистики. Речь идет о необходимости выделения в криминалистике отраслей по сферам деятельности, в которых осуществляется противоправная деятельность. При этом отраслевое построение криминалистики должно внедряться не взамен существующих разделов, а параллельно с ними, именно как дополнение, альтернатива. Основным критерием для выделения отраслей криминалистики является совокупность особенностей слеодообразования в той или иной сфере. Исходя из этого критерия уже сейчас представляется возможным говорить о формировании таких отраслей, как криминалистика насильственных преступлений, криминалистика взрывов и поджогов, транспортная криминалистика, банковская криминалистика» [2, с. 337–339], криминалистика информационных технологий и др. Представляется, что на сегодняшний день наибольшие предпосылки для выделения в самостоятельную отрасль имеет экономическая криминалистика. Экономическую криминалистику представляется возможным определить как отрасль криминалистики, изучающую материальную структуру преступных деяний в сфере экономической деятельности, закономерности образования экономической информации об этих деяниях и механизм криминалистической интерпретации этой информации в научное следствие с целью обеспечения деятельности по борьбе с экономическими преступлениями средствами криминалистической техники, тактическими рекомендациями и методами решения возникающих в процессе этой деятельности задач [3, с. 286–287].

В заключение представляется необходимым отметить, что развивая собственные подходы к теоретическим и практическим проблемам криминалистики, белорусская университетская криминалистическая школа решает свои задачи, оставаясь на прочном фундаменте отечественной криминалистики, сформировавшейся за многие десятилетия творческого труда большого числа ученых и практических работников в сфере борьбы с преступностью.

Список использованных источников

1. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.]; под ред. А. В. Дулова. – Минск : Эксперспектива, 1996. – 415 с.
2. Зорин, Г. А. Проблемы банковской криминалистики / Г. А. Зорин // Проблемы законности и правопорядка в Республике Беларусь : материалы респ. науч.-практ. конф., Новополоцк, 25–26 мая 2000 г. – Новополоцк, 2000. – 378 с.
3. Шумак Г. А. Экономическая криминалистика в системе криминалистической науки // Право и демократия : сб. науч. тр. / отв. ред. В. Н. Бибило. – Минск : БГУ, 2001. – Вып. 11. – С. 286–287.

Раздел II. ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Дергай Г. Б.

МОЛЕКУЛЯРНЫЙ ФОТОФИТТИНГ – ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ

С необходимостью решения идентификационных и диагностических вопросов сотрудники правоохранительных органов сталкиваются постоянно, как в ходе следственных действий, так и при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Теория криминалистической идентификации и диагностики является научной базой для инновационного развития практически всех перспективных направлений научных исследований, в частности криминалистического учения о внешнем облике человека.

Проблемам идентификации лица по признакам внешности посвящено множество научных работ, которые проводятся криминалистами с середины XIX в. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений способствует установлению личности путем использования разнообразных средств, основанных на современных достижениях естественных и технических наук.

Успехи в области микробиологии и генетики сделали возможным идентификацию лица с помощью исследования следов его биологического происхождения. Однако метод генотипоскопирования А. Джеффриса и полимеразная цепная реакция К. Муллиса не связаны с определением признаков внешности и основаны на исследовании лишь нескольких локусов гипервариабельных участков ДНК, которые не несут наследственной информации. Лишь в начале XXI в. международные научные исследования генома человека позволили вплотную приблизиться к воссозданию внешности конкретного человека на основе знания его генетического кода.

Первым научным трудом, раскрывшим криминалистическое значение данного направления исследований, является книга Т. Н. Фрудакиса «Молекулярный фотофиттинг. Определение родословной и фенотипа, используя ДНК» (2007). Предложенный автором термин фотофиттинг (от англ. глагола tofit – «соответствовать») обозначает создание наброска изображения, композиционного портрета человека на основе доступной информации о его ДНК.

В 2015 г. усилиями ученых США и Бельгии были достигнуты существенные успехи в визуализации признаков внешности человека путем анализа информации о ДНК. Многочисленные опыты группы ученых Университета в Левене (Бельгия) под руководством профессора П. Клаеса позволяют создавать достаточно похожие на оригинал электронные фотографические портреты людей на основе информации о 20 генах. В результате с помощью компьютера моделируется изображение, которое точно воспроизводит размер черепа, цвет, размер и форму глаз, форму лица и подбородка, а также взаиморасположение вышеуказанных и некоторых других элементов внешности.

Идентифицировать объект – значит установить его тождественность с самим собой в разные периоды времени или в разных его состояниях, используя для этих целей оставленные им отображения. Изменения, вызывающие различия, подразделяются на необходимые и случайные. Необходимые – это те, которые закономерно обусловлены действием какого-либо фактора (например, возрастные изменения внешности). Различия подразделяются на существенные и несущественные. Первые свидетельствуют: вещь изменилась настолько, что стала другой, или всегда отличалась от отождествляемого объекта. В процессе сравнения объектов устанавливаются как совпадающие, так и различающиеся признаки; определяется, какие из них преобладают, находятся ли различающиеся признаки в пределах допустимого, и на основе такого анализа приходят к выводу о тождестве или его отсутствии.

Диагностика исследует связи между свойствами объектов, явлений, их состоянием и сущностью. Целью диагностики является получение информации об искомом объекте или явлении, т. е. информации, характеризующей признаки объекта, определяющей функциональные его свойства, особенности реагирования объекта на внешние факторы. Задачами диагностики в числе прочего являются установление механизма происшедшего преступного события, установление временных характеристик, определение свойств объекта, явления, исследование причинно-следственных ситуаций.

Разумеется, реконструкция на основе ДНК не может визуализировать признаки ненаследственного характера, которые формируются под влиянием образа жизни и различных внешних факторов. К таким признакам относится степень упитанности, стиль прически, наличие телесных повреждений, татуировок, следов хирургического вмешательства и т. п.

Поэтому внешнее сходство портрета не может быть абсолютным, а само исследование на современном этапе развития молекулярного фотопрофитинга имеет не идентификационный, а диагностический характер.

Вместе с тем планируемое в 2017 г. увеличение числа исследуемых генов до 200 единиц позволяет прогнозировать повышение точности генетического портрета так, что его можно будет активно использовать в расследовании преступлений. Такие изображения могут оказаться полезными при проведении поисковых оперативно-розыскных мероприятий, а сама методика исследования – при назначении и проведении портретной экспертизы.

С удешевлением процесса расшифровки генетического кода и постановкой методики создания электронного портрета по ДНК «на поток» молекулярный фотофиттинг может рассматриваться в качестве перспективного направления развития отечественной криминалистики и судебной экспертизы.

Кирвель В. К.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

С 28 по 30 сентября 2016 г. в Варшавском университете (Польша) прошел Международный фестиваль криминалистики. В рамках Фестиваля криминалистики состоялся IX Конгресс кафедр криминалистики и XII Международная научно-практическая конференция «Криминалистика и судебная экспертология: наука, обучение, практика».

В контексте рассматриваемой нами темы наиболее интересным на Конгрессе был доклад профессора Академии им. Леона Козьминского (Варшава) Моники Цалкевич «Современные методы обучения в праве и криминалистике». Доклад М. Цалкевич был посвящен использованию инновационных образовательных технологий при подготовке кадров для правоохранительных органов Республики Польша. На практических занятиях по осмотру места происшествия профессор М. Цалкевич предлагает применять новый дидактический метод «Виртуальная криминалистика». В данном методе используются интерактивные симуляторы (виртуальные тренажеры) для повышения эффективности деятельности сотрудников правоохранительных органов по осмотру места происшествия, которые позволяют не просто «присутствовать» в виртуальном «криминальном» пространстве, а «участвовать» в качестве специалиста в виртуальном осмотре места происшествия, получать, применять и совершенствовать практические умения по обнаружению, выявлению, фиксации, предварительному исследованию и изъятию следов преступления и работы с криминалистической техникой на месте происшествия.

Наиболее интересными на Конференции были доклады профессора Варшавского университета Т. Томашевского «Как исправить кримина-

листику?», профессора Варминьско-Мазурского университета (Польша) Я. Мощиньского «Отказ от категорических заключений в криминалистических экспертизах – объективизация исследований или ее видимость?» и сотрудника Школы полиции в г. Пила (Польша) магистра П. Лесневского «Обнаружение и фиксация энтомологических следов».

Доклады Т. Томашевского и Я. Мощиньского посвящены актуальной проблеме допустимости и достоверности вещественных доказательств, используемых в уголовном процессе, использования идентификационных методов в криминалистике и судебной экспертизе, их научной обоснованности, надежности и верификации, вероятностным выводам и статистической погрешности. Профессор Т. Томашевский в своем докладе ссылается на отчет Консультативного совета по вопросам науки и технологии при Президенте США (далее – PCAST) «Судебная наука в уголовных судах: обеспечение научной обоснованности характеристик сравнительных методов» от 20.09.2016 г. Согласно пресс-релизу Администрации Президента США проведенное исследование PCAST призвано помочь исключить пробелы в научной обоснованности ряда идентификационных методов, применяемых при расследовании преступлений, в частности, идентификационных методов, используемых при проведении генотипоскопической экспертизы ДНК, дактилоскопической экспертизы, трасологической экспертизы следов зубов, обуви и транспортных средств, баллистической экспертизы огнестрельного оружия, почерковедческой экспертизы и микроскопического исследования волос.

По результатам проведенного исследования PCAST пришел к выводу, что только идентификационные методы, используемые при проведении генотипоскопической экспертизы ДНК из единственного источника (образец ДНК только одного человека) и простой смеси образцов ДНК (ДНК от двух человек, например, ДНК насильника и жертвы), а также дактилоскопической экспертизы следов пальцев рук, соответствуют современным критериям научной обоснованности.

Далее, PCAST приходит к выводу, что идентификационные методы, используемые при проведении трасологической экспертизы следов зубов, обуви и транспортных средств, баллистической экспертизы огнестрельного оружия, почерковедческой экспертизы и микроскопического исследования волос, не соответствуют современным критериям научной обоснованности.

В отчете PCAST объясняются критерии, по которым можно судить о научной обоснованности идентификационных методов и предлагаются рекомендации федеральным ведомствам, которые необходимо принять для укрепления правовой системы страны. Рекомендации PCAST были направлены в Национальный институт стандартов и технологий (NIST),

Управление по науке и технологиям Белого дома (OSTP), Федеральное бюро расследований, Генеральному прокурору и в Верховный суд.

Далее, в своем докладе профессор Т. Томашевский отмечает «факт создания прецедента в судебной системе США, когда судья при рассмотрении уголовного дела об убийстве 12-летнего ребенка отказал окружному прокурору в предоставлении результатов генотипоскопической экспертизы в отношении обвиняемого, как не отвечающих статистической погрешности метода».

Доклад профессора Я. Мошиньского во многом был схож по содержанию с докладом профессора Т. Томашевского, так как он также ссылается на отчет PCAST (2016). Профессор Я. Мошиньский высказал суждение о том, что в мире произошло изменение парадигмы криминалистики: «Криминалистика переходит от качественных методов исследования к количественным методам, с их научной обоснованностью, надежностью и верификацией, с вероятностными выводами и статистической погрешностью».

Доклад магистра П. Лесневского «Обнаружение и фиксация энтомологических следов» был посвящен актуальной проблеме использования специальных знаний в расследовании преступлений. Докладчик еще раз и очень ярко проиллюстрировал постулат о том, что криминалистика является наукой, которая активно интегрирует в себе знания из других отраслей науки. П. Лесневским был приведен пример расследования убийства с расчленением трупа в жилом микрорайоне годичной давности. В ходе проведенных оперативно-розыскных мероприятий сотрудниками полиции была установлена квартира предполагаемого преступника и проведен первичный осмотр квартиры, который не дал никаких результатов. Через неделю провели повторный осмотр – результат также отрицательный. Полицейские обратились за помощью к ученым-криминалистам из Школы полиции. П. Лесневским был провозглашен тезис о том, что на месте происшествия «надо видеть», а «не смотреть». Ученые-криминалисты, создав ретроспективную модель совершенного преступления, с помощью знаний энтомологии (науки о насекомых) определили, где могли остаться следы преступления (следы крови потерпевшего), которые могли перенести насекомые (мухи), так как первичные следы преступления были тщательно, в течение месяца, уничтожены преступником (владельцем квартиры). Данные следы крови были успешно обнаружены, выявлены, зафиксированы, изъяты и исследованы. По результатам генотипоскопической экспертизы был выявлен генотип, который соответствовал генотипу потерпевшего. Под грузом неопровержимых доказательств, подозреваемый в совершении убийства дал правдивые показания, изобличающие его.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, полагаем обоснованным и целесообразным обратить внимание руководителей и сотрудников правоохранительных органов Республики Беларусь на международный опыт криминалистического обеспечения расследования преступлений:

1) для мирового и европейского криминалистического и судебно-экспертного сообщества являются актуальными проблемами допустимость и достоверность вещественных доказательств, используемых в уголовном процессе, использование научно обоснованных методов в криминалистике и судебной экспертизе, с их надежностью и верификацией, вероятностными выводами и статистической погрешностью, а также доступностью этой информации для общества и отдельных граждан;

2) европейское криминалистическое сообщество констатирует факт изменения парадигмы криминалистики, т. е. начался процесс отказа от качественных методов исследования вещественных доказательств, в которых присутствует субъективизм исследователя и переход к количественным методам исследования, которые отвечают современным требованиям научной обоснованности, надежности и верификации;

3) необходимо совершенствование методического обеспечения судебно-экспертной деятельности в целом, и в частности: генотипоскопической экспертизы сложных смесей образцов ДНК, трасологической экспертизы следов зубов, обуви и транспортных средств, баллистической экспертизы огнестрельного оружия, почерковедческой экспертизы, микроскопического исследования волос, а также конкретизация научных стандартов достоверности и надежности идентификационных методов, применяемых в судебно-экспертной деятельности;

4) использование инновационных образовательных технологий (интерактивных методов и способов) в области подготовки кадров для правоохранительных органов;

5) широкое использование специальных знаний на стадии предварительного расследования из других отраслей науки, в том числе и таких «экзотических», как энтомология и др.

Исходя из убеждения, что наука интернациональна, в ней нет национальной химии и биологии, физики и математики, криминалистики и судебной экспертизы, можно сформулировать вопрос: «Как, каким образом ответит криминалистическое и судебно-экспертное сообщество и правоохранительные органы Республики Беларусь на изменение парадигмы криминалистики, провозглашенное американскими и европейскими криминалистами?», который является постановкой проблемы и первым шагом к ее решению в контексте современных проблем, перспектив и инноваций в национальном криминалистическом обеспечении расследования преступлений.

Лузгин И. И.

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ АСПЕКТЫ
ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Преступление как объект реального мира (в криминалистической интерпретации философских категорий, – отражаемого и отражающего) отображается в окружающей среде на основе проявления всеобщего свойства материи – отражения, как одной из форм степени сложности ее движения. Проявляя свое наличие в средах следовой картины отражение как степень и характер взаимодействия отражаемого с отражающим (криминалистически, – идентифицируемого и идентифицирующего, устанавливаемого и устанавливающего). Проявленная при этом форма и сложность движения материи предопределяет и степень сложности отражения. Как философски, так и криминалистически свойство отражения и проявляющееся через него отражаемое в статике объективны как фактор и свойство, но в динамике проявления (при взаимодействии со средой) данные категории приобретают свойства и качества тенденции форм и способов проявления в среде отражения, выражающиеся как процесс [1, с. 269–273].

Так сама по себе идея реализуется деятельностью соединяющей факторы и свойства в формирующий действительность процесс. Базовой основой как криминалистической, так и судебно-экспертной деятельности (СЭД), как и их технико-криминалистического обеспечения является тот факт, что в криминалистической и судебно-экспертной интерпретации категория всеобщего свойства материи, – отражение неизменно как свойство, но модифицируемо как процесс (при его проявлении во взаимодействии объектов (при различных формах и степени сложности движения материи). Тем самым в основе совершенствования решения всех криминалистических и судебно-экспертных задач может быть использована двуединая природа свойства отражения как явления (при неизменности свойства отражения как фактора при модификационности его проявления как процесса). В криминалистической интерпретации данное свойство проявляется в отражаемом на основе неизменности его свойств (как общего) при различных формах и видах его изучения и исследования (как частного) в ходе криминалистической и судебно-экспертной деятельности. Уровень технико-криминалистического обеспечения (ТКО) этих процессов позволяет использовать все формы проявления (от групповой, видовой до идентификационной) свойства отражения в процессе решения частных как криминалистических, так и су-

дебно-экспертных задач. Что можно характеризовать использование отражения как неизменного базового свойства (как общего) лежащего в основе идентификационного процесса через исследование модифицированности множеств качеств его проявления как процесса (тенденциозности и ситуационности частного, особенного и единичного по отношению к общему при неизменности его базовых свойств). Преступление как реальный системный объект (как и преступность в целом), так и отражение его следов в окружающей среде криминалистически объективно и неизменно как свойство. Но в силу тенденциозности характера его проявления при взаимодействии со средой неизменность свойства (как общего) в видах деятельности (как частном) проявляется как ситуационно отображающийся процесс. Отражение выступает первичным элементом по отношению к характеру его проявления. Тем самым в системе отражения криминалистически значимой информации (КЗИ) на уровне характера ее отображения возможна модификация качества отражения как свойства через влияние на его проявление, выраженное как взаимосвязанный с ним процесс. Неизменность свойства как фактора зависимо и взаимосвязано с качеством его проявления в следовоспринимающей среде как многоуровневый отражающий процесс. Методологическая значимость построения системы по принципу получения максимума возможного объема КЗИ заключается в том, что при изменении среды отражения изменяется не свойство (как общее, проявляющееся в частном), а его качество. Через характер отражения, выраженного взаимодействием свойства и среды, как результат модификационно воздействующего на проявление свойства процесса. Тем самым модифицируема не неизменность свойства, а его проявление, реализующееся в среде отражения как процесс. Что обеспечивает через методологически обоснованную систему построения ТКО как качественность процесса получения КЗИ, так и ее использования при решении как криминалистических, так и судебно-экспертных задач [2, с. 30–32].

Реализация данного процесса через оптимизацию его ТКО важна тем, что при неизменности отражения, как свойства материи, в его криминалистической и судебно-экспертной интерпретации возможна модификация его как процесса, на основе интеллектуализации интегрированной социальной среды и ее оптимизации в целях повышения и комплексации уровня ее криминалистически значимых отражательных свойств (КЗОС). С точки зрения информационного уровня ТКО важнее не столько следовать за оставленными видовыми следами, сколько формировать условия их отражения в максимальных объемах, прежде всего на уровне типовых задач. На основе модифицируемых объектов отражательной среды. Что позволило бы построить систему, работаю-

щую не по принципу «от следов к объекту», а «объекта со следами» на основе совершенствования отражательных свойств социальной инфраструктуры на принципах методологически обоснованной системы подлинно информационного уровня ТКО решения как криминалистических, так и судебно-экспертных задач.

Список использованных источников

1. *Лузгин, И. И.* Актуальные вопросы методологии судебно-экспертной деятельности / И. И. Лузгин ; редкол.: О. В. Негодченко [и др.] // Право, держава та громадянське суспільство в умовах системних реформ на шляху до євроінтеграції: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 21–22 лист. 2014 р. – Дніпропетровськ : Дніпропетровський гуманітарний ун-т, 2014. – С. 269–273.

2. *Лузгин, И. И.* Техничко-криміналістичне забезпечення, як мегаінструментальна технологія формування єдиного криміналістического пространства / И. И. Лузгин // Эксперт-криминалист. Федеральный научно-практический журнал. – 2010. – № 1. – С. 30–32.

Мохорев А. Н.

СРЕДСТВА ОБЩЕТЕХНИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМНОГО ОКРУЖЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Высокий уровень технизации современного общества может оказать содействие по выявлению, раскрытию, расследованию и профилактике преступлений. Современный человек постоянно в повседневной жизни использует те либо иные технические средства в быту, на работе, при проведении досуга. Для целей криминалистики имеют значение те технические средства, которые могут на себе оставить след (в любой его форме) о действиях (деятельности) субъекта, представляющего интерес для раскрытия и расследования преступлений.

При этом существует необходимость разработки и внедрения в правоохранительную деятельность практических алгоритмов изучения системного окружения преступной деятельности, следы которой могут быть отражены в средствах общетехнического (некриминалистического) назначения. К таким средствам относятся различные технические средства, выступающие в качестве элементов системного окружения материальной структуры преступления, которые способны сохранить на себе новые виды отражений человека: платежные терминалы, инфокиоски, банкоматы, мобильные телефоны, 3G-модемы, системы видеонаблюдения, автомобильные видеорегистраторы, системы записи переговоров, цифровое телевидение.

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением А. Е. Гучка о том, что формализованное представление материальной структуры преступ-

ления открывает возможности не просто разработки на несколько иных основах методик расследования отдельных видов преступлений, но и формализации самого процесса расследования, включения в него современных компьютерных технологий. Изучение динамики развития преступного деяния и его этапов позволяет выбрать соответствующие тактические средства, с помощью которых будет осуществляться сбор необходимой информации. Помимо осуществления выбора необходимых технико-криминалистических средств, необходимо осуществить выбор средств общетехнического (некриминалистического) назначения, обеспечивающих возможность выявления различных связей между элементами криминалистической структуры преступления, установления факта контакта между ними, обнаружения различного рода отражений, возникающих в результате развития системы преступления.

Так, предварительное планирование технико-криминалистического обеспечения соответствующих процессуальных действий должно осуществляться посредством моделирования механизма преступления либо технологии проведения самого действия с выделением этапов, на которых включение в работу, в том числе средств общетехнического назначения, является возможным и целесообразным.

В такого рода ситуациях решающее значение имеет правильное использование технических средств, обеспечивающих объективное отражение всех процессов развития криминалистической структуры преступления и позволяющих осуществлять сбор информации, имеющей доказательственное значение. Экономия времени сбора информации, имеющей доказательственное значение, со средств общетехнического назначения состоит в том, что имея разработанные бланки необходимых запросов, вся деятельность сводится к отправке таких запросов компетентным субъектам, могущим снять запрашиваемую информацию с соответствующих технических средств.

Получив ответы на запросы, субъект расследования преступления должен их систематизировать и построить картину имевшего места события преступления. При этом моделирование механизма преступления, на наш взгляд, наиболее эффективно осуществляется посредством проведения генезисного анализа криминалистической структуры конкретного преступления, по которому осуществляется процесс расследования.

Несомненно, формализованное представление отдельных элементов материальной структуры преступления в виде бланков, схем, таблиц обеспечивает полноту их познания, мобильность и точность в исследовании. При этом собранный по запросам материал от использования средств общетехнического назначения должен содержать минимум две информационные составляющие об элементе материальной структуры

преступления – время и место. Это позволит обеспечить наглядность объектной модели или субъектной модели за счет отражения на карте конкретной местности следов объекта (конкретного человека) или субъекта, оставленных на объектах системного окружения – средствах общетехнического назначения. Эти следы содержат различную информацию, но определяющей будет служить информация о точном месте нахождения объекта или субъекта в определенный промежуток времени. Это позволит построить вероятный маршрут движения, а следовательно, своеобразную схему формализованного представления преступления.

Наложение объектных моделей (только если это человек) и субъектных моделей на соответствующей карте позволит определить конкретные координаты места взаимодействия субъекта и объекта как элементов материальной структуры преступления. Это место взаимодействия в итоге может оказаться, в частности, и местом совершения преступления.

Таким образом, использование средств общетехнического назначения при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений поставит деятельность государственных органов по борьбе с преступностью на качественно новый уровень.

Пономаренко Ю. В.

ВЫБОРОЧНАЯ ВИДЕОЗАПИСЬ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ДОПУСТИМОСТЬ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ

Выборочная видеозапись хода и результатов следственного действия – технико-криминалистический прием, который заключается в том, что по усмотрению следователя дополнительно к протоколированию осуществляется видеозапись отдельных частей (эпизодов) следственного действия в объеме, достаточном для успешного решения задач уголовного процесса по конкретному уголовному делу. Данный технико-криминалистический прием необходимо отличать от сходных по содержанию, но отличающихся по существу ситуаций:

1) начало видеозаписи после совершения подготовительных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь 1999 года (далее – УПК);

2) приостановление видеозаписи на время перемещения участников следственного действия, для демонстрации видеозаписи либо по техническим причинам.

Потребность в применении выборочной видеозаписи может возникать при производстве таких следственных действий, как осмотр места

происшествия и трупа, освидетельствование, эксгумация, обыск, следственный эксперимент. Для допроса ст. 219 УПК устанавливает императивное правило о недопустимости видеозаписи части следственного действия. Для проверки показаний на месте, предъявления для опознания предпочтительность полной видеозаписи хода следственного действия предопределяется самим их содержанием.

В теории в отношении данного технико-криминалистического приема высказываются полярные точки зрения, на практике данный прием не применяется. Причиной является специфический подход законодателя к конструированию правил о возможности/невозможности выборочной видеозаписи: УПК формулирует правило для частного случая (допроса, ст. 219 УПК), но не формулирует общего правила (всех следственных действий). В данных условиях органы уголовного преследования применяют уголовно-процессуальный закон по аналогии. Данный подход идет в разрез с принципом процессуальной экономии, так как полная видеозапись следственного действия означает увеличение его продолжительности минимум в 2 раза (с учетом последующей демонстрации видеозаписи участникам).

Альтернативная точка зрения на допустимость выборочной видеозаписи следственного действия опирается на следующие тезисы:

- видеозапись – одно из научно-технических средств обнаружения и закрепления следов преступления (ч. 4 ст. 193 УПК);
- видеозапись должна обеспечивать полноту протокола следственного действия (ч. 1 ст. 193 УПК);
- выбор технических средств и объектов, к которым их применять, по смыслу ч. 4 ст. 193 УПК осуществляет лицо, проводящее следственное действие;
- отсутствует запрет на выборочную (частичную) видеозапись следственных действий за исключением допроса (ст. 219 УПК);
- непрерывная видеозапись не создает существенных дополнительных гарантий достоверности результатов следственного действия.

Окончательно вопрос о допустимости выборочной видеозаписи может быть решен путем внесения дополнений в ст. 193 УПК следующего содержания:

«2-1. Если иное прямо не предусмотрено настоящим Кодексом, допускается стенографирование, звуко- и видеозапись как всего следственного действия, так и его отдельной части (частей), в отношении которых протокол не может обеспечить достаточную полноту фиксации. По окончании следственного действия звуко- и видеозапись полностью воспроизводится участникам следственного действия. По окончании просмотра или прослушивания у участников следственного

действия выясняется, имеют ли они дополнения или уточнения к увиденному, удостоверяют ли правильность записи. Дополнения к звуко- и видеозаписи, сделанные участниками следственного действия, также заносятся на фонограмму и видеогамму. Звуко- и видеозапись заканчивается заявлением участников следственного действия, удостоверяющим ее правильность.»

Помимо допустимости, при принятии решения о выборочной видеозаписи следственного действия, также в расчет должна приниматься целесообразность, т. е. возможность посредством данного технико-криминалистического приема оптимальным образом решать конкретные задачи уголовного процесса применительно к проводимому следственному действию.

Критериями принятия решения о целесообразности выборочной видеозаписи следственного действия является необходимость:

- наглядно подтвердить в дальнейшем факт выполнения определенных действий, в том числе связанных с исполнением требований уголовно-процессуального законодательства;
- зафиксировать манипуляции с отдельными следами и вещественными доказательствами, а также с трупом;
- обеспечить одновременную фиксацию словесного описания и внешнего вида отдельных следов и вещественных доказательств, в том числе до начала детального осмотра;
- и т. п. ситуации.

При наличии указанных критериев должно соблюдаться еще одно условие: планируемая продолжительность фиксации перечисленных фактов существенно меньше общей планируемой продолжительности следственного действия. Частным случаем является ситуация, когда обстоятельства, обуславливающие целесообразность применения видеозаписи, выявляются, когда следственное действие уже начато.

Ритвинская Т. Ю.

СПОСОБЫ ИНТЕГРИРОВАНИЯ ФОТОИЗОБРАЖЕНИЙ В ДОКУМЕНТЫ НА ПРАВО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ГРАНИЦЫ И ИХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ПРИЗНАКИ

Согласно статистическим данным по количеству непропущенных через государственную границу лиц с поддельными документами значительную долю составляют документы, в которых произведена замена фотоизображения. Для формирования однозначного вывода, при проведении технико-криминалистической экспертизы документов, эксперт

должен обозначить совокупность криминалистически значимых признаков замены фотоизображения, что невозможно без обладания комплексом знаний современных способов интегрирования в документы фотоизображений.

В документы «старого» образца вносилась фотокарточка, выполненная на эмульсионном светочувствительном слое, нанесенном на подложку. Крепление производилось при помощи металлических скоб, пистонов, клеящего вещества, закрытие страницы с установочными данными ламинирующей пленкой без приклеивания фотокарточки.

В современных документах фотоизображение интегрируется непосредственно на страницу с установочными данными, при этом и фотоизображение, и установочные данные вносятся в один прогон и выполняются одним способом.

Внесение фотоизображения при помощи *струйного печатающего устройства*. Микроструктура изображения, выполненного на струйном принтере, образована из хаотично расположенных цветных микроклякс нерегулярного раstra, изображение, как правило, матовое [1, с. 57].

Внесение фотоизображения с помощью *лазерной электрофотографии (цветной и монохромной)*. Изображение состоит из хаотично расположенных цветных крупинок спекшегося тонера. Несмотря на хаотичное расположение точек, расположение их конгломератов может иметь явно упорядоченный характер (иметь растровую структуру). Цветные электрофотографические устройства могут работать и в монохромном режиме, в этом случае на незапечатываемых участках можно наблюдать крупинки тонера других цветов [2, с. 38].

Внесение фотоизображения при помощи *лазерного устройства* (для поликарбонатного материала-основы). Формирование фотоизображения происходит в одном из слоев поликарбонатного листа путем запекания содержащихся в нем частиц углерода с помощью лазерного луча (карбонизация). Основным признаком является своеобразная «размытая» структура штрихов. Изображение, как правило, формируется в одном из внутренних слоев поликарбонатного листа-вставки.

Внесение фотоизображения при помощи *термосублимационного печатающего устройства* позволяет получать изображение с высоким разрешением. При микроскопическом исследовании можно обнаружить следующие признаки: изображение состоит из красочных точек, имеющих правильную форму; используется специальная бумага с глянцевой поверхностью; красящее вещество располагается внутри поверхностного слоя бумаги [2, с. 38].

Внесение фотоизображения при помощи печатающего устройства, использующего принцип *термопереноса красителя*. При микроскопи-

ческом исследовании можно обнаружить следующие признаки: незначительная деформация бумаги в виде небольших вдавленностей в местах красочных точек; края красочного слоя неровные, краситель легко отделяется от бумаги; изображение состоит не из точек, а продолговатых штрихов; штрихи одного цвета имеют одинаковую ориентацию.

Метод фототехники. Крайне редко встречается способ интегрирования фотоизображения методом фототехники (национальные паспорта Федеративной Республики Германии). Перенос фотоизображения осуществляется путем проецирования его на бумагу с эмульсионным светочувствительным слоем. Изображение имеет высокое разрешение, встречается как в черно-белом, так и в цветном исполнении.

Следует отметить, что идентификация типа принтера по изображению зачастую затруднена, поэтому при криминалистическом исследовании необходимо проводить сравнение с образцом.

Список использованных источников

1. Основы криминалистического исследования документов для пересечения границы : метод. пособие для экспертов и специалистов службы пограничного контроля / О. С. Бочарова [и др.] ; НПЦ Гос. ком. судеб. экспертиз Респ. Беларусь. – Минск : Право и экономика, 2016. – 92 с.

2. Основы проведения экспертизы денежных знаков : метод. пособие / В. В. Авдошин [и др.]. – М. : Европеум-пресс, 1998. – Ч. 1 : Банкноты. – 80 с.

Романов В. И.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУЩНОСТИ И ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ (СУДЕБНОЙ) ФОТОГРАФИИ

Судебная фотография как раздел криминалистической техники начала формироваться во второй половине XIX в. Большой вклад в ее становление и развитие, разработку практических рекомендаций внесли отечественные ученые и прежде всего Е. Ф. Буринский, С. М. Потапов, А. А. Эйман, Н. А. Селиванов А. В. Дулов, М. В. Салтевский и др.

В криминалистической литературе отмечается, что судебная фотография представляет собой систему научных положений и принципов наиболее рационального и эффективного применения технических средств, приемов и методов фотографирования при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, производстве судебных экспертиз с целью обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств, а также для предотвращения преступлений [1, с. 50]. В то же время в современной теории криминалистики наряду с традиционным, первоначальным понятием «судебная фотография» все

чаще используется более точный термин «криминалистическая фотография» [2, с. 27; 3, с. 49]. На наш взгляд, это более верно, поскольку последнее определение отражает ее применение как области открытого составительного уголовного процесса, так и закрытого – в работе оперативно-розыскного характера. Более того, область применения судебной фотографии значительно расширилась, возникло такое понятие, как цифровая фотография, результатом которой является изображение в виде массива цифровых данных – файла. Ушли в прошлое, стали историей фотопленки, негативы, трудоемкий химический процесс обработки этих материалов. Кроме таких неоспоримых достоинств, как оперативность процесса съемки, меньшей вес аппаратуры, быстрое получение результатов цифровые технологии стали широко применяться при производстве экспертиз. Весь процесс съемки можно контролировать визуально на жидкокристаллическом дисплее (LCD), используемом в качестве видеосканера. С помощью этой же ЖК-панели и поставляемого в комплекте с профессиональными цифровыми камерами электронного пера можно снабжать фотоснимки подписями.

Большинство современных цифровых камер имеют дополнительный видеовыход для просмотра изображения на планшете, что создает удобство при демонстрации полученных снимков всем участникам следственного действия.

Цифровая камера достаточно быстро позволяет фиксировать изображение и вводить его непосредственно в персональный компьютер, что для многих приложений к протоколу следственного действия имеет первостепенное значение. Значительно легче получить изображение с помощью цифровой фотокамеры, чем производить фотосъемку, проявлять негативы, печатать фотоснимки и потом с помощью сканера вводить в ПК.

Однако особенность цифровых изображений заключается в простоте их редактирования и внесения изменений в первоначальное изображение. Здесь присутствуют следующие проблемы. Во-первых, возможности самих современных цифровых средств фиксации позволяют подвергать изображение обработке, не контролируемой пользователями. Во-вторых, после процесса получения цифрового изображения может последовать его обработка, которая производится в рамках использования графических редакторов как общего (Adobe Photoshop, Corel Draw и т. д.), так и специального назначения (Win Rastr, Videoscop, Expert Prof, ФОМП-К, Anaglyf Macker и др.). В-третьих, использование средств и методов получения информации в цифровом виде неразрывно связано со специфической формой ее хранения на носителях компьютерной информации (ч. 8 ст. 166 УПК РФ).

Данные условия заставляют по-новому относиться к криминалистической фотографии, интереснейшему разделу криминалистической техники. Рассматриваемая проблема многоаспектна, нуждается в тщательном изучении как с технической, так и с процессуальной точки зрения. При этом важно помнить, что ответственность за утрату объекта – носителя доказательственной информации ложится и на лицо, решившее применить графический редактор при работе с фотоснимками, так и на того, кто обращается за помощью к специалисту.

Список использованных источников

1. *Эксархопуло, А. А.* Криминалистическая техника : учебник и практикум для академического бакалавриата / А. А. Эксархопуло. – М. : Юрайт, 2017. – 134 с.
2. *Егоров, Н. Н.* Криминалистическая техника : учебник / Н. Н. Егоров, Е. П. Ищенко. – М. : Юрайт, 2015.
3. Криминалистика : конспект лекций : учеб. пособие / В. П. Лавров [и др.] ; под общ. ред. В. П. Лаврова. – М. : Проспект, 2016. – 256 с.

Романюк Д. А.

ЭЛЕКТРОННЫЙ КОНТРОЛЬ РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Развитие современного общества неразрывно связано с возрастанием объема информации, требующей постоянной обработки и анализа. В работе с большими объемами материалов незаменимым инструментарием продолжают оставаться компьютерные программы, позволяющие сократить временные затраты на данную деятельность, свести к минимуму возможность допущения ошибок, а в некоторых случаях – обеспечить своевременный дистанционный доступ к необходимой информации.

В повседневной деятельности следственных подразделений давно используется программное обеспечение, оказывающее положительное влияние как на организацию труда следователя в целом, так и предварительное следствие по уголовным делам в частности. Вместе с тем влияние человеческого фактора в работе следователя по-прежнему играет немаловажную роль, как и в любой другой сфере деятельности человека. Личный опыт предварительного следствия и анализ уголовных дел о нераскрытых преступлениях прошлых лет, приостановленных производством, показывает, что составление и выполнение плана расследования по неочевидным преступлениям порой носит формальный характер. При изучении ряда уголовных дел о преступлениях одной категории,

находившихся в производстве у одного следователя, напрашивается вывод, что план расследования составлен по определенному образцу, используемому при расследовании уголовных дел данной категории. Свидетельством тому являются идентичность выдвигаемых версий, запланированных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а иногда наличие фамилий и адресов, не имеющих отношения к расследуемому преступлению. Информация о выполнении плана и его дополнении в ходе расследования порой просто отсутствует. Дополнительный план по уголовному делу, составляемый перед приостановлением производства по нему, может иметь несущественные изменения в сравнении с первоначальным. Подобные факты не способствуют успешному расследованию преступлений и усложняют процесс анализа уголовных дел о нераскрытых преступлениях прошлых лет.

В настоящее время следователями успешно используются прикладные программы, которые способствуют совершенствованию планирования и повышению эффективности работы следователя по уголовным делам, находящимся в производстве. В качестве примера может служить программный комплекс «Автоматизированное рабочее место следователя», разработанный ООО «Криммедтех». В состав программного комплекса входят программы, предназначенные для ведения учета наиболее важной информации по уголовным делам и материалам проверок, создания черновых вариантов протоколов, постановлений и других документов, упрощения планирования текущей работы и систематизации адресной информации¹.

Совершенствованию производства по уголовным делам может служить создание и функционирование электронного комплекса, позволяющего не только организовать работу следователя, но и осуществлять электронный контроль работы каждого следователя по всем уголовным делам. Электронный комплекс должен содержать программу с планом расследования по каждому уголовному делу, возможностью отслеживания динамики его выполнения и дополнения. Внесению в программу должны подлежать сведения о времени и сроках проведения следственных действий и их результатах, принятых процессуальных решениях (с указанием даты и оснований их принятия) и другой необходимой информацией, позволяющей сделать предварительный вывод о качестве расследования.

При использовании в качестве прототипа описываемого электронного комплекса или иного аналога и технической проработке возможно-

¹ Криммедтех [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kmtkazan.ru/node/282>. – Дата доступа: 01.05.2017.

сти объединения всех электронных рабочих мест следователей в одну сеть в рамках конкретного следственного подразделения его руководителю должен быть предоставлен доступ к электронным рабочим местам подчиненных сотрудников. Это позволит дистанционно контролировать производство по всем уголовным делам и работу каждого следователя. Также важно предусмотреть сохранение информации о результатах предварительного следствия по уголовным делам для ее дальнейшего анализа и использования, в частности при расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет.

Подобный электронный комплекс позволит руководителю следственного подразделения со своего рабочего места, без истребования уголовного дела у следователя, проанализировать проводимую по нему работу. Такой анализ будет способствовать сокращению временных затрат как руководителя, так и следователя, повышению эффективности работы следственного подразделения. В случае установления признаков волокиты по уголовному делу руководитель сможет истребовать у следователя соответствующие материалы по нему для подробного изучения, дачи указаний, а также принятия мер дисциплинарного воздействия. Важную роль играет своевременность выявления подобных фактов, что позволит без нарушения сроков производства предварительного следствия устранить имеющиеся недостатки. Наличие такого электронного комплекса позволит повысить дисциплинированность следователя и совершенствовать планирование по каждому находящемуся в производстве уголовному делу.

Использование в работе следственного подразделения электронного комплекса с расширенными возможностями позволит руководителю при изучении состояния предварительного следствия по уголовным делам осуществлять такую проверку выборочно, по результатам дистанционного контроля. Это также будет способствовать оптимизации организации труда, так как проверка работы следователя, сопряженная с одновременным предоставлением им находящихся в производстве уголовных дел, фактически лишает его возможности полноценной работы на время проверки.

Электронный комплекс такого вида положительно повлияет на организацию деятельности руководителя следственного подразделения, возможность в любое время проверить работу подчиненных сотрудников по уголовным делам, оперативно принять необходимые меры. Наиболее актуальной такая возможность представляется для подразделений с большим численным составом следователей и, как правило, значительным количеством находящихся в производстве уголовных дел, что свойственно следственным подразделениям крупных городов.

В условиях деятельности следственных подразделений с использованием электронного комплекса с перечисленными возможностями каждый следователь будет осознавать, что процесс расследования по уголовным делам, находящимся в производстве, может быть проанализирован руководителем дистанционно в любой момент. Такой подход оправдан, поскольку в практических подразделениях имеются сотрудники, которым требуется контроль со стороны руководства по организации и планированию предварительного следствия. В первую очередь это относится к молодым сотрудникам, и не менее важно при контроле работы следователей, в чьем производстве находится большое количество уголовных дел.

Создание и внедрение подобного электронного комплекса на первоначальном этапе будет способствовать модернизации планирования расследования преступлений, а в последующем – улучшению анализа материалов уголовных дел о нераскрытых преступлениях прошлых лет, перспективе раскрытия таких преступлений до истечения срока привлечения к уголовной ответственности, предусмотренного УПК Республики Беларусь. В случае успешного функционирования электронного комплекса прогнозируемым результатом может стать снижение количества уголовных дел, приостанавливаемых производством по п. 1 ч. 1 ст. 246 УПК Республики Беларусь.

Таким образом, в отличие от автоматизации рабочего места одного следователя существование многофункционального электронного комплекса позволит:

- 1) повысить личную ответственность и активизировать работу следователя посредством предоставления руководителю следственного подразделения возможности дистанционного контроля и анализа его работы;
- 2) совершенствовать планирование по уголовным делам путем акцентирования внимания следователя на качестве составления плана, своевременности его дополнения и выполнения;
- 3) улучшить качество расследования и снизить количество уголовных дел, приостанавливаемых производством;
- 4) расширить программное обеспечение анализа уголовных дел о нераскрытых преступлениях прошлых лет, повысить их раскрываемость за счет снижения количества преступлений данной категории и возможности дистанционного моделирования преступного события, проведенного расследования и определения следственной перспективы.

**РАБОТА СО СЛЕДАМИ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСПЕКТОРОВ ОХРАНЫ ЖИВОТНОГО
И РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ ПО ДЕЛАМ О БРАКОНЬЕРСТВЕ**

При выявлении преступлений, направленных против объектов животного мира, должностные лица Государственной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь (далее – Государственная инспекция) до прибытия следственно-оперативной группы по общему правилу должны обеспечить неприкосновенность материальной обстановки места происшествия. Не следует допускать внесения изменений в следовую картину, не менять расположение обнаруженных объектов, так как это позволит следователю правильно воспринять обстоятельства произошедшего события, зафиксировать и изъять следы, предметы, которые в последующем станут частью доказательственной базы по уголовному делу. Однако это не всегда возможно, в силу специфики места совершения преступления (открытая местность: леса, поля, водные объекты и др.), где следовая картина перманентно подвергается изменениям, в особенности под воздействием естественных явлений (дождя, ветра, снега, солнца и др.). И может сложиться ситуация, когда по прибытии следователя большинство объектов будет безвозвратно утрачено, что ни в коем случае нельзя допустить.

В связи с этим необходимо определить круг обязанностей государственных инспекторов охраны животного и растительного мира (далее – государственный инспектор) в таких ситуациях.

Обнаружив материальные следы преступления, государственный инспектор должен:

- произвести видео- и (или) фотофиксацию по правилам ориентирующей, обзорной, узловой, детальной (с использованием масштабной линейки) фотосъемки;
- подручными материалами оградить их от внешнего воздействия (в качестве таковых можно использовать: ящики, коробки, куски клеенки, листы железа, деревянные щиты, и т. д.);
- накрыть тушу животного, его части, внутренние органы, шкуру, костные останки и др. полиэтиленовой пленкой, нетканым материалом («СпанБондом», «СпанБелом»), покрывалом и др.

При отсутствии указанных средств или неэффективности их применения сотрудники Государственной инспекции должны быть готовы к изъятию и сохранению следующих объектов:

- биологических следов (пучков шерсти, перьев, крови, чешуи, слизи, икры, молоки и др.);

- волокон тканей и иных микрообъектов;
- горюче-смазочных материалов (бензина, керосина, дизельного топлива, моторного масла и др.) на предметах-носителях (почве, различных предметах и др.);
- фрагментов лакокрасочных материалов (отколовшихся от деталей транспортных средств);
- одежды браконьеров со следами животного, растительного происхождения и др.;
- утерянных документов, листов бумаги с записями и др.;
- окурков, спичечных коробков, гильз, пороховых, дробовых пыжей, дробы и иных объектов.

При этом необходимо максимально сохранить обстановку места происшествия и не повредить изымаемые следы и предметы. Данные манипуляции в обязательном порядке должны быть документально оформлены, а также зафиксированы при помощи фото и (или) видео аппаратуры [2]. После прибытия следственно-оперативной группы изъятые объекты должны быть переданы следователю с указанием места, где они были обнаружены.

Необходимо отметить, что для выполнения указанных действий государственным инспекторам необходим определенный набор экспертно-криминалистических знаний, а в перспективе, после приобретения статуса органа дознания, всеобъемлющего «экспертно-криминалистического обеспечения деятельности по охране животного мира» [1].

В настоящее время рассматриваемому вопросу не уделяется должного внимания. Так, криминалистика и судебная экспертиза даже не входят в программы повышения квалификации сотрудников данного ведомства, при том что многие из них не имеют высшего юридического образования (а являются биологами, экологами, ихтиологами, инженерами лесного хозяйства и т. д. [2]). Разумеется, такой подход носит контрпродуктивный характер. Внедрение же экспертно-криминалистического компонента в деятельность государственных инспекторов положительно скажется не только на качестве работы со следами на месте происшествия, но и в целом отразится на расследовании преступлений, направленных против объектов животного мира.

Список использованных источников

1. Тихоненко, Р. В. Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь как ведущий субъект по борьбе с браконьерством / Р. В. Тихоненко // Юстиция Беларуси. – 2016. – № 2. – С. 75–79.
2. Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gosinspekciya.gov.by/>. – Дата доступа: 01.04.2017.

Раздел III. ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Григорович В. Л.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЛАЗЕРНОГО СКАНИРОВАНИЯ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Проведение осмотра места происшествия требует от сотрудников следственно-оперативной группы точности и оперативности. Часто приходится работать в тесных помещениях, в ограниченный промежуток времени, иметь дело с хрупкими, недолговечными, скоропортящимися объектами, а также в тех случаях, когда обстановка места происшествия подвержена быстрому изменению.

Использование традиционных средств фиксации доказательств (измерительная рулетка, фото- и видеокамеры, тахеометры, применяемые для измерения расстояний между стенами, мебелью и многими другими объектами) целесообразно дополнить инновационным, например, трехмерным наземным лазерным сканером (3D сканером).

Наземный лазерный сканер представляет собой съемочную систему, измеряющую с высокой скоростью (от нескольких тысяч до миллиона точек в секунду) расстояния от сканера до поверхности объекта и регистрирующую соответствующие направления (вертикальные и горизонтальные углы) с последующим формированием трехмерного изображения в виде облака точек.

3D лазерное сканирование – это процесс обхвата миллионов точек данных реальной среды (3D облако точек), позволяющий создать ее виртуальную модель. Облака точек могут быть использованы для получения точной, реалистичной 3D компьютерной графической модели, имеющей широкий спектр применений, включая фиксацию мест происшествий, несчастных случаев и пожаров.

Лазерное наземное сканирование является наиболее производительным и оперативным способом получения максимально полной и точной информации о пространственных объектах при следственном осмотре. Суть технологии заключается в быстром определении пространственных точных координат различных точек поверхности объекта.

Например, с помощью 360° сканирования помещения следователи могут получить координаты 10 млн точек в течение 5 минут, сканируя детали на месте с точностью до миллиметра. Высокое быстродействие и компактность лазерного сканера позволяют следователям быстро и абсолютно объективно буквально скопировать место преступления. На

месте осуществляется запись в режиме реального времени, а затем при помощи специально разработанных компьютерных программ можно получить детальную информацию по любому предмету вне зависимости от того, попали ли они изначально в поле зрения следователя или нет.

Лазерное сканирование проводится при помощи специальных средств – лазерных сканеров, портативного компьютера и специального программного обеспечения. После процесса 3D сканирования все необходимые данные о строении и форме изучаемого объекта поступают в компьютер, где уже происходит анализ полученных данных и построение точной компьютерной модели объекта. Для просмотра виртуальной 3D модели может применяться 3D монитор, для создания реальной 3D модели (в уменьшенном или увеличенном масштабе) может быть использован 3D принтер, устройство, использующее метод послойного создания физического объекта на основе виртуальной 3D модели.

Принцип работы трехмерных лазерных сканеров аналогичен свойствам безотражательных электронных тахеометров и заключается в измерении точного времени прохождения лазерных лучей от излучателя до отражающих поверхностей и обратно к приемнику. Путем деления полученного времени на скорость распространения лазерных лучей определяется расстояние к исследуемому объекту.

Лазерный наземный сканер состоит из специального дальномера, адаптированного для работы с высокими частотами, и блока развертки луча лазера. Блок развертки представлен сервоприводом и полигонным зеркалом или призмой. Сервопривод отклоняет на заданную величину лазерный луч в горизонтальной плоскости путем поворотов верхней части сканера. Развертка в вертикальной плоскости производится за счет качания или вращения зеркала.

Гарантия успеха в выполнении качественной работы по лазерному сканированию зависит от правильно подобранного инструмента. По своему назначению и характеристикам лазерные сканеры довольно сильно между собой различаются, поэтому определенный тип прибора применяется для решения определенного круга поставленных задач. Сканеры классифицируют по принципу определения пространственных координат на фазовые, импульсные и триангуляционные.

Импульсные 3D сканеры реализуют метод определения расстояния, который основан на точном определении времени распространения импульса до объекта и обратно. Такие приборы обладают более высокой мощностью, а точность измерения может достигать несколько миллиметров.

Фазовый 3D сканер обладает дальностью действия в пределах не более 100 метров. В данном типе оборудования для определения рас-

стояния используется световой модулированный сигнал. Благодаря небольшому радиусу действия, расстояние измеряется с точностью до одного миллиметра. В данном виде сканера используется безопасная для глаз технология, а скорость измерения превосходит скорость импульсного прибора в несколько сот раз.

Высокоточные лазерные сканеры реализуют триангуляционный метод исследования. Особенностью таких устройств является то, что приемник и излучатель сигнала разнесены на определенное расстояние, а определение пространственного положения точек объекта, таким образом, сводится к решению обычного треугольника, в котором известны два прилежающих угла и длина одной стороны. Лазерные триангуляционные 3D сканеры выполняют измерения с точностью до сотых долей миллиметра, но обладают очень небольшим, в несколько метров, радиусом действия.

Специальное программное обеспечение, поставляемое в комплекте с лазерными сканерами, разработано именно для маркшейдерского и горного дела, поэтому совершенно не обременено никакими лишними функциями и имеет понятный интерфейс, практически ничем не отличающийся от стандартного тахеометра.

Таким образом, дополнение традиционных средств криминалистической техники лазерными сканерами позволяет осуществлять полную и качественную фиксацию объектов при осуществлении осмотра места происшествия. Данные, собранные при помощи лазерного сканирования, являются гораздо более точными и совершенными по сравнению с данными, собранными с помощью рулетки или тахеометра.

Гусева И. И.

О ПЕРСПЕКТИВАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Проблемы криминалистического обеспечения достаточно широко освещаются в юридической литературе. Однако большая часть работ посвящена вопросам совершенствования тактико-криминалистических рекомендаций применительно к производству следственных, процессуальных действий, пресечению преступлений и методике расследования. На наш взгляд, такой подход ограничивает реальные возможности криминалистики, которые уже давно вышли за рамки только получения доказательств. Существенное расширение научно-технических ресурсов, усовершенствование методик и положений в криминологии, оперативно-розыскной деятельности, психологии и других науках, непосред-

ственно взаимосвязанных с криминалистикой, позволяют глубже внедрить в процесс расследования преступлений имеющийся потенциал.

Перспективным в тактико-криминалистическом обеспечении расследования преступлений должно стать направление, гарантирующее эффективный выбор и реализацию (исполнение) меры пресечения в отношении конкретных лиц в определенных следственных ситуациях. Оно должно включать: исследование проблемы, разработку новых и совершенствование (приспособление) уже имеющихся рекомендаций по применению криминалистических средств, поиск наиболее целесообразных приемов и тактических комбинаций при применении мер пресечения. Особое внимание следует уделить мерам пресечения, не связанным с заключением под стражу.

По вопросу оптимизации применения мер пресечения, в особенности альтернативных заключению под стражу, проведено много научных исследований, затрагивающих, как правило, уголовно-процессуальный аспект. В то же время несовершенство уголовно-процессуального законодательства и отсутствие криминалистических разработок по данному вопросу не способствуют удовлетворению потребностей практики.

Своевременность и правильный выбор меры пресечения, безусловно, способствуют предупреждению и пресечению противозаконных действий подозреваемого, обвиняемого, обеспечивают его явку по вызовам. Вместе с тем использование криминалистических технологий при определении необходимости применения той или иной меры пресечения либо ее изменения, установлении оптимального срока ее избрания может оказать содействие в раскрытии и расследовании преступления.

Особое значение это имеет при применении мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества. Результаты анкетирования, проведенные автором в ходе исследования проблемы, показали, что 86 % опрошенных респондентов оценивают меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, лишь как средство обеспечения явки к следователю (дознавателю), в суд либо предупреждение действий обвиняемого, направленных именно на уклонение от явки.

В то же время верно подобранные технические средства, формы взаимодействия с различными службами, оперативно-криминалистические методики позволят, кроме основных задач, решаемых при избрании меры пресечения, выявить нежелательные контакты с соучастниками преступления, установить места сокрытия доказательств или нахождения скрывающегося сообщника, получить прочую доказательственную информацию, необходимую для скорейшего и более полного расследования уголовного дела.

В настоящее время провести такого рода тактическую комбинацию удастся лишь сотрудникам, имеющим солидный практический опыт

расследования уголовных дел, и, как правило, во взаимодействии с оперативными подразделениями и иными службами.

Применение мер пресечения может достигнуть своей эффективности лишь при повсеместном распространении этого опыта, внедрении его в практику применения следователями, дознавателями, при обязательном технико-криминалистическом и информационном обеспечении, а также надлежащем правовом регулировании данного вопроса.

Назрела необходимость разработки комплексных методико-криминалистических рекомендаций для следователей (дознавателей), сотрудников оперативных служб и уголовно-исполнительных инспекций. Кроме алгоритма действий каждого из сотрудников в ходе применения и организации исполнения мер пресечения, не связанных с заключением под стражу, данные рекомендации должны содержать описание тактических приемов, комбинаций, криминалистических и иных технических средств, которые могут быть использованы в различных ситуациях.

Следующим этапом совершенствования тактико-криминалистического обеспечения должна стать подготовка высококвалифицированных кадров, не только освоивших теоретические знания правового регулирования вопросов применения мер пресечения, но и умеющих эти знания эффективно применять в конкретной ситуации по уголовному делу. Этого можно достичь путем пересмотра рабочих учебных планов в юридических вузах, уделив больше аудиторных часов специальным дисциплинам, а также путем повышения квалификации кадрового аппарата.

Достижение достаточного уровня тактико-криминалистического обеспечения деятельности сотрудников в ходе применения мер пресечения, не связанных с изоляцией от общества, позволит одновременно разрешить несколько вопросов: своевременно установить и по возможности пресечь нарушения со стороны обвиняемого (подозреваемого), в некоторых случаях получить дополнительные сведения для производства следственных действий или разрешения уголовного дела. В то же время активная деятельность со стороны следователя (дознавателя) будет стимулировать обвиняемого (подозреваемого) на правомерное поведение.

Переосмысление роли и места мер пресечения в процессе расследования и предупреждения преступлений, выработка предложений по их тактико-криминалистическому обеспечению, внедрение в практику новых форм контроля за надлежащим поведением обвиняемых (подозреваемых), в отношении которых применены меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, оптимизируют процесс расследования уголовных дел.

Князев И. М., Драгун М. Д.

ОБЫСК И ВЫЕМКА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О СОЗДАНИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ И ФИНАНСИРОВАНИИ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ

В апреле 2016 г. в Республике Беларусь введена уголовная ответственность за создание экстремистского формирования и финансирование его деятельности (ст. 361-1 и ст. 361-2 Уголовного кодекса Республики Беларусь). До настоящего времени уголовные дела об указанных преступлениях в нашей стране не возбуждались и не расследовались. Практически не исследовалась данная проблема и в отечественной юридической науке. Однако указанная правоприменительная практика, а также соответствующие научно-прикладные разработки имеются в других государствах (например, в Российской Федерации). Обобщение имеющегося практического опыта, а также теоретических исследований в рассматриваемой сфере позволяет отметить некоторые организационно-тактические аспекты (рекомендации) относительно проведения обыска и выемки в ходе производства по уголовным делам о создании экстремистского формирования и финансировании его деятельности.

При проведении обыска в процессе расследования уголовных дел об указанных преступлениях целесообразно изымать: машинные носители информации; фото- и видео материалы, литературу с признаками экстремистского характера; мобильные телефоны, смартфоны, SIM-карты, планшеты, ПЭВМ; символику, иную атрибутику формирования; листовки-наклейки, транспаранты, флаги, баннеры и т. д.; учредительные документы организации, контракты, договоры, ведомости и иные документы, подтверждающие факт создания экстремистского формирования и финансирования его деятельности; крупные суммы денежных средств (как правило, в иностранной валюте), ценные бумаги, банковские карты и т. д.

С учетом того обстоятельства, что изымать необходимо различные устройства, обладающие функциями ЭВМ, к участию в обыске следует привлекать специалиста в области компьютерной техники. Это позволит квалифицированно осмотреть технические средства, наиболее полно описать их в протоколе обыска, а также получить консультацию относительно назначения последующих компьютерно-технических экспертиз.

При проведении выемки по уголовным делам о создании экстремистского формирования, финансировании его деятельности преследуется цель изъятия предметов и документов, имеющих значение для данных

дел, при условии, если точно известно, где и у кого они находятся. Перечень изымаемых при выемке объектов примерно такой же, как и при обыске.

В ходе выемки в кредитно-финансовых учреждениях (банках, небанковских кредитно-финансовых организациях) изъятию, как правило, подлежат:

1) документы кредитно-финансовой организации нормативного характера (инструкции, типовые положения и другие нормативные документы, определяющие порядок и условия проведения финансовых операций; служебные инструкции и функциональные обязанности должностных лиц, отвечающих за совершение указанных операций; перечень документов, входящих в досье субъекта, предоставившего финансовые средства, и субъекта, получившего эти средства);

2) документы, которые характеризуют экономическую структуру и организационно-правовой статус кредитно-финансовой организации (учредительные документы – устав, учредительный договор, свидетельство о государственной регистрации, свидетельство о постановке на учет в налоговой инспекции, список акционеров и др.; отчетные документы – налоговые декларации, формы бухгалтерской отчетности, акты налоговых проверок, инвентаризаций, ревизий и др.);

3) документы по открытию счета в банке либо иной кредитно-финансовой организации (заявление об открытии расчетного счета за подписью руководителя и главного бухгалтера; договор о предоставлении расчетно-кассового обслуживания; распоряжение об открытии или закрытии расчетного счета и др.);

4) документы, представленные субъектом, предоставившим финансовые средства, и субъектом, получившим эти средства (например: кредитная заявка; справка банка, в котором открыт расчетный счет получателя финансовых средств; документы финансово-бухгалтерской отчетности и др.);

5) документы о наличии и движении финансовых средств (выписки с расчетного счета о наличии на нем средств; выписки о движении денежных средств; платежные поручения; расходные кассовые ордера и др.).

Приведенный перечень документов, изымаемых при проведении выемки в кредитно-финансовых организациях, не является исчерпывающим. В конкретных ситуациях расследования уголовных дел о рассматриваемых преступлениях он может быть дополнен и уточнен.

При подготовке к выемке в кредитно-финансовом учреждении целесообразно получить консультации у экономистов и бухгалтеров, которые не заинтересованы в исходе дела. По возможности, соответствующего специалиста в области финансовой деятельности следует при-

влечь непосредственно к участию в проведении указанного следственного действия.

В процессе расследования уголовного дела о создании экстремистского формирования должностным лицом при выемке в учреждении (организации), где работает это лицо, должны быть изъяты документы, подтверждающие его соответствующую должностную принадлежность (например, приказ о назначении на должность) и определяющие его служебные полномочия (например, должностная инструкция).

Кучин О. С.

ЗНАЧЕНИЕ ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит большое число преступлений, которые могут совершаться представителями власти и относятся к преступлениям коррупционной направленности, а именно: преступления, предусмотренные гл. 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»; преступления, предусмотренные статьями 142, 148, 169, 170, 174, 178, 179, 183, 185, 196, 197, 246 УК РФ и ряд др.

Наука криминалистика, а также действующее российское федеральное законодательство, относит все эти деяния к преступлениям коррупционной направленности, объединяет их в отдельный криминалистический вид преступлений, расследование которых охватывается единой видовой криминалистической методикой.

Расследование каждого из этих коррупционных преступлений обладает определенной спецификой, которая рассматривается самостоятельно. В то же время имеются общие положения, которые являются определяющими для успешного расследования коррупции. На примерах расследования таких преступлений, как взяточничество, халатность и служебный подлог, которые являются основным ядром коррупционных преступлений, могут быть раскрыты общие положения и особенности привлечения к уголовной ответственности коррупционеров – лиц, наделенных властными полномочиями и распорядительными функциями в силу занимаемого ими служебного положения, которое они используют для личного обогащения.

Анализируя алгоритмы расследования каждого из вышеперечисленных преступлений и исходя из их частной методики расследования, видовая методика определяет, что одним из основных следственных действий при расследовании всех коррупционных преступлений являет-

ся обыск, который криминалистика рассматривает как специальную тактическую операцию.

Основаниями для проведения обыска по делам о коррупции являются:

1) данные, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий;

2) сведения, полученные в результате проведения следственных действий, предусмотренных УПК РФ;

3) информация, полученная из иных официальных (не процессуальных) источников.

Основанием для проведения обыска является наличие достаточных данных (в том числе и оперативно-розыскного характера) о том, что искомые предметы, документы, ценности могут находиться в конкретном или возможном месте. Обыски в отношении дел о получении взяток могут быть: по месту жительства подозреваемых и членов их семей, по месту работы соучастников получения взятки, по месту службы (работы) взяткополучателей и в других местах в зависимости от информации, полученной от достоверных источников. Обыски производятся в целях обнаружения и изъятия: предмета взятки, упаковки предмета взятки; документов, подтверждающих или опровергающих взятку; дневников, записей, квитанций, записок, писем; служебных и иных документов, подтверждающих или опровергающих причастность к решению вопросов, связанных с выполнением конкретных служебных действий в интересах взяткодателя.

В ходе проведения обысков обычно изымается: личная документация (переписка, адреса и номера телефонов, мобильные телефоны с записями адресов, номеров телефонов и иной информацией); дарственные предметы и книги с дарственными надписями, последние могут служить основанием о знакомстве участников преступления.

Целью обыска также являются: определение материального достатка (путем изъятия и изучения банковских сберегательных книжек, исследования доходов и расходов членов семьи), выявление фактов денежных трат и фактов приобретения дорогостоящих предметов и ценностей. По окончании обыска у взяткополучателя следователь должен наложить арест на имущество.

Обыски производятся в целях получения фактических данных об источниках получения средств для дачи взятки, а также в целях обнаружения в обыскиваемом объекте криминалистически важных материальных следов соучастников преступления, а именно: следов рук, почерка, подаренных, забытых или оставленных на сохранение предметов и т. д. По окончании обысков у взяткодателя следует наложить арест на имущество.

Обыски следует проводить не только в местах официального проживания подозреваемых, но и в местах их временного нахождения, на дачах, у родственников, у знакомых. В ходе обысков следует обращать внимание на электронные носители информации: персональные компьютеры, сотовые телефоны, планшеты, айфоны, флэшки, диски и т. п.

По делам о коррупции следует производиться все виды обысков: а) личный обыск; б) обыск жилища подозреваемого и помещений, занимаемых его семьей и близкими, а также иных подсобных помещений; в) обыск служебных и производственных помещений, хранилищ; г) обыск транспортных средств (яхт, катеров, самолетов, автомашин).

Рекомендуется проводить обыска как одно из первоначальных следственных действий и одновременно во всех установленных метях. Наука криминалистика рассматривает обыск как тактическую операцию, поэтому к нему следует подготовиться, определить все силы и средства, подобрать составы следственно-оперативных групп. Проведение обыска в первые дни, а иногда и часы начала расследования является характерным для данной категории преступлений. Однако первоначальный обыск нередко не дает возможности обнаружить и изъять предметы и документы, имеющие значение непосредственно по расследуемому преступлению. В этой связи следует планировать производство повторного обыска, который может быть результативнее первого.

Успешно произведенный обыск может дать такие результаты, которые по существу определяют успех следствия. Обнаруженные при обыске вещественные доказательства нередко позволяют полностью изобличить обвиняемого. В ряде случаев обыск может быть единственным средством получения доказательств совершенного или совершающегося преступления.

Петрусович М. Г.

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАСКРЫТИИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ

В процессе раскрытия массовых беспорядков правоохранительные органы сталкиваются с объективными трудностями при установлении лиц, причастных к данному преступлению. Преодоление некоторых из них, используя только традиционные методы раскрытия, не всегда эффективно. Одним из перспективных направлений решения данной проблемы представляется использование информационных технологий в процессе раскрытия рассматриваемого преступления.

Проведенное нами исследование позволило выявить несколько перспективных направлений использования информационных технологий в процессе раскрытия массовых беспорядков:

- поиск информации, представляющей интерес для раскрытия массовых беспорядков;
- розыск лиц, причастных к массовым беспорядкам (организаторов, активных участников и др.).

В рамках первого направления объективно востребованным представляется мониторинг общедоступных сведений в социальных сетях («В Контакте»; «Одноклассники»; Facebook и др.). Это позволяет не только оперативно установить социальные связи, материальное и семейное положение, но и выдвинуть версии о местах отдыха, наличии собственности, автотранспорта, образе жизни и др.

Возможности сети Интернет не ограничиваются поиском размещенной в ней информации. Размещение фотографий лиц, причастных к беспорядкам, на интернет-страницах государственных органов, правоохранительных структур, средств массовой информации, в социальных сетях позволит привлечь к их розыску значительную аудиторию пользователей.

Повсеместное использование различных гаджетов при проведении протестных акций и в процессе массовых беспорядков детерминирует необходимость получения информации, содержащейся в них. Исследование информационного содержания мобильного телефона, SIM-карты, карты памяти может быть затруднено различными обстоятельствами: отсутствием достаточного опыта обращения с данными объектами; необходимостью привлечения специалиста, необходимостью использования соответствующих программно-аппаратных средств и т. д. Данные проблемы можно решить благодаря современным технологиям. Так, программа «Мобильный криминалист» получает максимум информации, которая хранится или ранее находилась на мобильном устройстве с наиболее распространенными платформами (Android, Apple iOS, BlackBerry и т. д.). С ее помощью удастся получить сведения о посещенных адресах в сети Интернет, пароли с идентификаторов от облачного хранилища iCloud (в случае с Apple) либо учетных записей с Android-устройства. Кроме того, могут быть доступны данные из более 400 приложений, таких как Facebook, Viber, Whats App и т. п. [1] Используя полученные сведения, можно отследить финансовые операции преступника, его переписку или местоположение за определенный период времени.

Для розыска лиц, причастных к массовым беспорядкам, акцентируем внимание на широко используемых в ряде стран технических сред-

ствах, основанных на системе идентификации по форме лица, отдельным деталям лица, соотношении частей лица между собой и его геометрическими параметрами. Некоторые из указанных средств производят распознавание на расстоянии, при этом скорость обработки данных достигает около одного миллиона изображений в секунду, а точность распознавания составляет 94 % [2; 3]. Направления использования указанных средств и их технические характеристики достаточно детально были описаны в работе А. Н. Толочко [4], однако до настоящего времени не получили широкого применения на практике, хотя содержат в себе огромный потенциал для совершенствования розыскной деятельности.

Указанные направления использования информационных технологий в процессе раскрытия массовых беспорядков не являются исчерпывающими, что детерминирует необходимость дальнейшего развития и совершенствования данной деятельности.

Список использованных источников

1. Модуль извлечения данных [Электронный ресурс] // Мобильный криминалист. – Режим доступа: <http://www.oxygen-forensic.com/ru/order/oxygen-forensic-extractor>. – Дата доступа: 27.01.2015.
2. Автоматизированная информационно-поисковая система (АИПС) идентификации личности по изображению лица с самообучением // Иностранная печать о техническом оснащении полиции зарубежных государств : ежемесяч. информ. бюл. / Всерос. ин-т науч. и техн. информ. – 2007. – Вып. 1. – С. 42–43.
3. Автоматизированная система распознавания и идентификация личности по изображению лица человека «Face Интеллект» // Иностранная печать о техническом оснащении полиции зарубежных государств : ежемесяч. информ. бюл. / Всерос. ин-т науч. и техн. информ. – 2005. – Вып. 8. – С. 16–18.
4. Толочко, А. Н. Розыск обвиняемых, скрывающихся от предварительного следствия: на примере работы оперативных подразделений органов внутренних дел : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Н. Толочко – Минск, 2011. – 177 л.

Раздел IV. ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Берестень В. И.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУПТИРОВАННОГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА

В национальном уголовном законодательстве термин «коррупция» не использовался и пока не применяется. В. М. Хомич считает, что «коррупция – скорее синтетическое социальное или криминологическое понятие, чем правовое, поэтому ее надо рассматривать не как конкретный состав преступления, а как совокупность родственных видов деяний» [5, с. 276].

Под коррумпированием, по мнению С. Ю. Журавлева и А. Ф. Лубина, следует понимать «...подкуп или постановку в зависимость от коррумпирующей структуры представителя законодательной, исполнительной или судебной власти» [3, с. 13].

Противоправные деяния, подлежащие уголовному преследованию, дифференцируют на две группы преступлений. К первой группе, как отмечает В. В. Голубев, относятся коррупционные преступления, соотносящиеся с преступлениями, связанными с коррупцией. Эта группа им рассматривается как часть и целое, аргументируется тем, что коррупционные преступления могут быть не только различного рода злоупотреблениями служебными полномочиями. «Продажа» интересов службы, как правило, сопряжена с различного рода хищениями и иными преступлениями против собственности. Должностные лица и их сообщники, совершающие коррупционные преступления, могут принимать меры, направленные против конституционных и иных законных интересов граждан, общественной безопасности и общественного порядка. Эти действия ими совершаются с целью сокрытия своей преступной деятельности [2, с. 24].

К другой группе относятся непосредственно коррупционные преступления. По этому поводу продолжается дискуссия среди ученых и практиков. Л. А. Жуков подразделяет коррупционные правонарушения на три условные группы: взятка – вознаграждение, взятка – подкуп и коррупционная связь. По его мнению, коррупционная связь – это «незаконные или преступные действия, направленные на создание условий использования организованными преступными группами государственных структур в своих целях, относится к особо опасной форме правонарушений» [3, с. 17].

Определив коррупционные преступления как самостоятельный вид преступлений, мы можем классифицировать их по основанию однотипности противостоящих им мероприятий государства и общества, что выходит за рамки характеристики структуры преступности, но необходимо для определения структуры системы противодействия коррупции. На основании этого мы можем сделать вывод, что понятие преступлений, связанных с коррупцией, шире по сравнению с понятием «коррупционные преступления».

Многие ученые-правоведы в структуре криминалистической методики расследования коррупционных преступлений, совершаемых должностными лицами, исследуют криминалистическую характеристику совершения коррупционных преступлений, предварительного расследования дел данной квалификации, судебного разбирательства по делам о коррупционных преступлениях. По нашему мнению, целесообразно в вышеуказанную методику включить процесс исполнения наказаний за коррупционные преступления, что позволит всесторонне осуществлять криминалистическое обеспечение оперативно-розыскной, следственной и судебной практики в сфере противодействия коррупции. Данная проблема недостаточно исследована. Криминалистическая характеристика лиц, отбывающих наказание за совершенные коррупционные преступления, пополнит объективное представление о коррупционных отношениях (возникновение, развитие, прекращение), имеющих значение для предотвращения коррупционного преступления.

Анализ научно-методической литературы свидетельствует, что формирование научного понятия «криминалистическая характеристика преступлений» продолжается. Пока остается дискуссионной ее научная концепция. В современных методиках расследования отдельных видов преступлений выделяют криминалистическую характеристику как общее понятие и в контексте объекта преступного посягательства, а также отдельных групп (видов) преступлений.

Знание криминалистической характеристики коррупционных преступлений позволяет качественнее уяснить сущность конкретного изучаемого события, связанного с коррупцией в органах государственного управления, что особенно важно на этапе доследственной проверки и первоначальном этапе расследования в условиях дефицита информации о коррупционных отношениях, образующих своеобразные «коррупционные сети». В этих условиях возрастает значение знаний о криминалистической характеристике коррумпированного должностного лица. Они позволяют лучше понять роль и место выявленных фактов совершения коррупционных правонарушений либо правонарушений, создающих условия для коррупции, их взаимосвязи, вникнуть в конкретную кор-

рупциогенную обстановку расследования, выбрать наиболее оптимальный вариант действий по закреплению доказательств в уголовно-процессуальном порядке, выделить приоритетные направления расследования, пути поиска дополнительной значимой криминалистической информации. Поисковое значение криминалистической характеристики особенно весомо при расследовании коррупционных преступлений, совершенных группой лиц.

К элементам криминалистической характеристики коррупционных преступлений, совершаемых должностными лицами органов государственного управления, многие исследователи относят: сведения о личных особенностях коррумпированного должностного лица (в зависимости от занимаемой должности); сведения, раскрывающие личностные особенности потерпевшего (потерпевших); информационные документальные материалы об обстановке совершения коррупционного преступления (преступлений); информация о формировании коррупционного замысла и коррупционного поведения, способах приготовления, совершения и сокрытия коррупционных преступлений, механизме следообразования на каждом этапе коррупционного процесса, а также объекте и предмете преступного посягательства.

Криминалистическая характеристика коррупционных преступлений формируется на базе уголовно-правового понятия состава преступления коррупционной направленности во взаимосвязи с криминологической и оперативно-розыскной ее составляющей.

Специфика криминалистического познания личности коррумпированного должностного лица как субъекта коррупционного преступления включает в себя закономерные его связи, проявляющиеся в различных следах действия либо бездействия при совершении коррупционного правонарушения. Целесообразно получить сведения о социально-психологическом характере личности должностного лица, характеризующем его профессиональную и противоправную деятельность, раскрывающие способы ухода от дисциплинарной, административной, гражданско-правовой и уголовной ответственности при совершении коррупционного правонарушения.

Криминалистическая характеристика личности коррумпированного должностного лица является системно образующим элементом криминалистической характеристики коррупционных преступлений.

Список использованных источников

1. *Андреев, И. С.* Криминалистика : учеб. пособие / И. С. Андреев, Г. И. Грамович, Н. И. Порубов ; под ред. Н. И. Порубова. – Минск : Выш. школа, 1997. – 344с.

2. *Голубев, В. В.* Квалификация коррупционных преступлений / В. В. Голубев. – М. : Всесоюз. науч.-исслед. ин-т МВД России, 2002. – 48 с.

3. Жуков, Л. А. К вопросу о коррупции / Л. А. Жуков // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в сфере экономики : материалы науч.-практ. конф., 18–19 апр. 1995 г. : в 2 вып. / Моск. ин-т ; редкол.: Н. П. Володько [и др.]. – М., 1995. – Вып. 2. – С. 13–18.

4. Ермолович, В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В. Ф. Ермолович. – Минск : Амалфея, 2001. – 304 с.

5. Хомич, В. М. О перечне коррупционных преступлений в УК Республики Беларусь / В. М. Хомич // Актуальные проблемы государства и права в славянском мире : материалы Междунар. науч. конф., Витебск, 26–27 апр. 2007 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. А. Бочков (отв. ред.) [и др.]. – Витебск, 2007. – С. 276–277.

6. Шабанов, В. Б. Криминалистическая характеристика преступной среды в местах лишения свободы / В. Б. Шабанов // Проблемы борьбы с преступностью в Центральном федеральном округе Российской Федерации : материалы междунар. науч.-практ. конф., Брянск, 28–29 нояб. 2001 г. / Брян. фил. Моск. ун-та МВД России ; под ред. А. М. Никитина. – Брянск, 2002. – Ч. 3. – С. 102–105.

Дмитренко Д. И.

МОДЕЛИРОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ГОЛОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

В современной криминалистике существует множество в какой-то мере противоречивых, в какой-то мере дополняющих или развивающих друг друга научных представлений о преступлении. Однако идеальное представление о преступном деянии «в полной мере зависит от того, насколько точно в нем отражаются составляющие реальной системы преступления, а также закономерно существующие и функционирующие в ней системообразующие связи» [2, с. 39]. Наиболее последовательные взгляды в данном аспекте высказывали такие творцы научной мысли, как О. М. Глотов, Г. А. Густов, А. В. Дулов, Г. А. Шумак, А. В. Лапин, А. С. Рубис, И. Р. Веренчиков, А. Е. Гучок и др., большинство из которых представляют белорусскую криминалистическую школу, чьим центром стала в свое время кафедра криминалистики БГУ.

Плеяда этих ученых подготовила серьезную теоретическую площадку для построения информационной модели преступного события на основе исследования материальной структуры преступления (далее – МСП), что, по нашему мнению, необходимо осуществлять с учетом имеющихся аналитических и аппаратных возможностей, характерных для современного криминалистического знания. Напомним, что к числу элементов МСП относятся: а) субъект, совершающий преступление; б) объект преступного посягательства; в) средство совершения преступ-

ления; г) предмет преступного посягательства; д) предмет преступления [2, с. 62]. Типы связей между ними различны: причинно-следственные, пространственно-временные, коммуникационные, связи взаимодействия и др. [1, с. 55].

Совокупность гностических процессов, присущих организации и проведению расследования, непосредственно «...реализуется через моделирование» [3, с. 279]. При этом создание информационной модели преступления представляется как промежуточная и неотъемлемая цель правоохранительной деятельности, необходимая для понимания преступления в виде системного явления.

В ходе информационного моделирования материальной структуры преступного события решаются следующие приоритетные задачи:

1) обобщение доказательственной информации через составление реалистичной модели места происшествия как кульминационной результирующей произошедшего;

2) построение вероятностных ретроспектив передвижения участников преступления на основе исследования совокупности связей между ними и иными элементами МСП;

3) наглядное (демонстрационное) сопоставление материальных источников доказательств и поисковых фактов;

4) версионное исследование механизма совершения преступления, представляемое в виде возможности определить достоверные этапы формирования следовой картины;

5) преактивно-ситуационный анализ возможных поведенческих линий подозреваемого в ближайшем будущем, т. е. прогностическая алгоритмизация возникновения похожих следовых отображений в ситуационных условиях, подобных исследуемым ранее.

Указанные задачи могут решаться различными путями, однако современные аппаратно-программные системы позволяют, наряду с существованием традиционных мысленных, таблично-матричных, схематично-графических (схематизированных) и фотографических информационных моделей МСП, создать более инновационный вариант последних – голографические проекции системы преступления, управляемые на цифровой платформе.

Полученные подобным способом образцы трехмерной визуализации являются особыми моделями, в которых сочетаются: фоновые черты обстановки места происшествия, цифровые копии следовых отображений преступного события в данном пространстве, особенности и последовательность возникновения следов, а также (!) формализованные виртуальные участники преступного события, вероятностная ретроспекция поведенческих линий данных лиц (развивающихся самостоя-

тельно и при взаимодействии друг с другом), формализованные виртуальные образы средств (орудий) совершения преступления в их динамическом и постдинамическом состоянии и др.

Генерирование динамической трехмерной картины преступного события носит активный характер, который отвечает за построение объемной цифровой голографической модели, максимально приближенной к реальной схеме течения преступного события на месте происшествия, включая механизм слеодообразования.

Таким образом, пространственная голографическая динамика представляет собой ожидаемый эволюционный этап ближайшего технологического будущего, ведь в современной криминалистике, несмотря на господство подхода по созданию статических голограмм, существует обоснованная потребность в следующем научно-техническом витке голографии – интерактивно-цифровом. Он реализуется посредством использования оптического квантового генератора через моделирование интерактивной управляемой голограммы целостной картины расследуемого преступного события в рамках ретроспективного анализа происхождения, развития и разрыва следовых и иных связей между элементами МСП.

Список использованных источников

1. Гучок, А. Е. Криминалистическая структура преступления / А. Е. Гучок. – Минск : БГУ, 2007. – 151 с.
2. Гучок, А. Е. Основы криминалистического учения о материальной структуре преступления / А. Е. Гучок. – Минск : Тесей, 2012. – 228 с.
3. Криминалистика : учеб. пособие / А. В. Дулов [и др.]; под ред. А. В. Дулова. – Минск : Экоперспектива, 1998. – 415 с.

Жук А. В.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Полнота познания преступления в уголовном процессе зависит от совершенства моделей, которые используются для его описания. Модели конкретного преступления в криминалистике строятся на основе криминалистической характеристики преступления. Системно преступление исследуется посредством изучения составляющих его элементов и этапов развития, а также связей с другими системами.

В криминалистической характеристике взяточничества его развитие рассматривается путем описания способа совершения и сокрытия преступления от момента возникновения умысла до использования результатов преступной деятельности.

Известны подходы к изучению преступления, в соответствии с которыми криминалистическая структура преступления рассматривается в качестве одного из элементов его криминалистической характеристики.

Принято считать, что криминалистическую структуру отдельных видов преступлений составляет двухуровневая совокупность взаимосвязанных между собой элементов. Первый уровень – наиболее общие элементы преступления: субъект, совершающий преступление, объект, на который направлены его действия, и орудия, средства совершения преступления, средства воздействия на объект. Применительно к взяточничеству – это взяткодатель, посредник, взяткополучатель, другие соучастники, предмет взятки, а также различные документы, в которых отражается характер действий (бездействия) взяткополучателя в интересах взяткодателя.

Второй уровень – взаимодействие элементов в процессе совершения преступления (механизм совершения преступления).

Следообразование как результат взаимодействия вовлеченных в процесс совершения преступления элементов предлагается рассматривать как объект исследования на следующих этапах:

1) возникновение умысла, как следствие стечения различных обстоятельств (трудная жизненная ситуация, нехватка денежных средств и др.);

2) подготовка к совершению преступления (выбор места, времени и способа совершения и сокрытия преступления; ознакомление с местом, в котором предполагается совершить преступление, и с условиями его совершения; подготовка средств; подбор соучастников и др.);

3) совершение преступления – реализация запланированных преступных действий;

4) сокрытие следов преступления – уничтожение или сокрытие следов;

5) использование преступного результата – использование средств, полученных преступным путем и др.

В то же время среди представленных этапов не упоминается стадия формирования условий либо функционирования механизмов, допускающих безнаказанное, по мнению преступника, совершение преступления. Такие условия могут создаваться не обязательно (и не только) субъектом, планирующим или осуществляющим преступную деятельность. Различные ситуации, способствующие формированию умысла на совершение взяточничества, могут возникать вследствие неконкретности правового регулирования, недостаточного социального контроля за деятельностью должностных лиц, наделения их чрезмерными полномочиями, снижения активности органов, осуществляющих борьбу с коррупцией и др.

Такие ситуации сохраняют криминогенно-неблагополучный потенциал, который реализуется с интегрированием в них должностных лиц, склонных к совершению коррупционных преступлений. Изучение практики по уголовным делам показывает, что глубокий и детальный анализ рассматриваемых ситуаций, как правило, не проводится. Орган уголовного преследования обычно ограничивается внесением в соответствующие организации или должностному лицу представления о принятии мер по устранению нарушений закона, причин и условий, способствовавших совершению преступления.

По нашему мнению, исследование рассматриваемого этапа должно осуществляться не только по результатам расследования конкретных уголовных дел, но и как самостоятельное направление практической деятельности органов дознания и научно-познавательной деятельности специалистов, ученых с целью профилактики и выявления признаков совершенных и готовящихся преступлений.

Жук М. Г.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В МЕТОДАХ КРИМИНАЛИСТИКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Негативная социальная, экономическая и правовая обстановка способствует совершению налоговых преступлений. Специфика налоговых преступлений состоит в том, что в налоговую систему страны вливается огромное количество республиканских и местных налогов. Уклонение от уплаты любого из них может повлечь наступление уголовной ответственности. Каждый из этих налогов имеет свой режим правового регулирования, сроки, порядок исчисления и уплаты, а иногда и специфического налогоплательщика. Другими словами, преступное уклонение от уплаты каждого из видов налогов, входящих в налоговую систему, имеет свою специфику, иногда весьма существенную [1, с. 67].

Большинство способов налоговых преступлений основано на использовании пробелов, несовершенств и противоречий законодательства, а также сложностей учета и контроля за поступлением налоговых платежей. Криминальная деятельность налоговых преступников состоит из неправомерных бухгалтерских и (или) хозяйственных операций, проводимых под видом законных в целях неуплаты налогов или страховых взносов. Из всей совокупности налогов и сборов выделяются наиболее финансовоемкие как наиболее криминализированные, такие как налог

на прибыль, налог на добавленную стоимость и подоходный налог. В связи с этим основными методами выявления налоговых преступлений являются криминалистический анализ документов, оптимальный учет налогоплательщиков, документальные проверки, методы экономического, бухгалтерского, финансово-банковского и иных видов анализа.

По мнению Е. С. Лехановой и А. Н. Мамкина, в настоящее время круг противоправных деяний, выявляемых с помощью анализа экономической информации, значительно расширился: это и уклонение от уплаты налогов, легализация преступных доходов, криминальные банкротства и др. [2, с. 30–32].

Информационную базу экономического анализа составляют отчетность организаций (статистическая, финансовая, налоговая), иные доступные экономические показатели, в том числе и натуральные. Одним из путей повышения эффективности выявления налоговых преступлений является использование более совершенного метода исследования криминалистически значимой экономической информации – криминалистического метода налогового анализа. Криминалистически значимую информацию, определяющую содержание расследования налоговых преступлений, целесообразно структурировать в рамках трех базовых понятий: «налогообложение», «криминалистическая характеристика налоговых преступлений» и «криминалистическая характеристика расследования налоговых преступлений». Для использования оперативного экономического анализа необходимо обеспечить сотрудников органов специальным операционным аналитическим инструментарием, способствующим решению вопросов способом экспресс-исследования финансово-экономической информации. Такой аналитический инструментарий можно будет назвать криминалистическим методом оперативно-экономического исследования с использованием экономической информации. В экономической информации находят закономерное отражение признаки и следы преступлений в сфере экономической деятельности. Такие признаки и следы содержатся в носителях этой информации, как правило, в неявном, скрытом виде [3, с. 312–314].

Структура криминалистической характеристики расследования преступлений, в том числе налоговых, состоит из трех, в значительной степени самостоятельных, структурных блоков:

- 1) оценка информации – деятельность, определяющая содержание следственных ситуаций;
- 2) анализ информации – деятельность, определяющая содержание следственных версий;
- 3) использование информации – деятельность, определяющая содержание следственных действий.

В зависимости от объема полученной информации могут быть различными проверочные действия, а именно: инвентаризации и ревизии финансово-хозяйственной деятельности организации; осмотры помещений и документов; контрольные закупки для получения образцов сырья, полуфабрикатов, готовой продукции; допросы должностных и материально ответственных лиц.

Проанализировав полученную информацию, можно выдвигать такие общие версии: 1) налоговое преступление совершено при обстоятельствах, известных из имеющихся материалов; 2) его совершила организованная группа; 3) преступления нет, но имеются признаки совершения иных уголовно наказуемых деяний. Взвесив и оценив информацию, выдвигают типичные частные следственные версии: 1) о соучастниках налогового преступления и характере их взаимоотношений; 2) способах сокрытия налогооблагаемой базы; 3) источниках получения сырья и полуфабрикатов; 4) путях реализации выпущенной продукции; 5) способах получения налоговых льгот; 6) криминальных связях подозреваемых.

Уголовное дело расследуется по материалам оперативно-розыскной деятельности. Следы совершения налоговых преступлений отличаются от следов, характерных для других экономических преступлений. В большинстве своем они не носят явного характера, являются скрытыми, а их замаскированные признаки отражаются в документах не только бухгалтерского, налогового, но и других видов учета. Зачастую между моментом совершения налогового преступления и его обнаружением проходит большой промежуток времени, что нередко приводит к их утрате. Своевременное использование экономической информации позволяет сформировать качественную доказательственную базу и способствует повышению эффективности расследования этой категории преступлений.

Список использованных источников

1. *Белкин, Р. С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике / Р. С. Белкин. – М., 2008. – 260 с.
2. *Леханова, Е. С.* Экономико-криминалистический анализ : учеб. пособие / Е. С. Леханова, А. Н. Мамкин ; под. общ. ред. проф. С. П. Голубятникова. – М. : ЦОКР МВД России, 2007. – 112 с.
3. *Жук, М. Г.* Использование экономической информации при выявлении и раскрытии преступлений / М. Г. Жук // Теория и практика правотворчества и правоприменения: Республика Беларусь в условиях интеграционных процессов: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 13–14 апр. 2007 г. / Гродн. гос. ун-т; редкол.: И. Э. Мартыненко (отв. ред.) [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2007. – С. 312–314.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЯЖЕСТИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Анализ статистических данных о состоянии преступности за январь–декабрь 2016 г. показывает, что на территории России за анализируемый период зарегистрировано 2 160 063 преступлений. Из них против личности – 347 322 преступления, убийство и покушение на убийство составило 10 444, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 27 442 преступления [1].

Причинение вреда здоровью – это комплексное понятие, объединяющее ряд преступлений, отличающихся по форме вины, обстоятельствам совершения, степени тяжести последствий [2].

В любом случае, несмотря на разнообразие преступлений, общим является то, что в результате совершенных противоправных действий человеку причиняется вред здоровью.

Вред здоровью – это нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей человека в результате воздействия физических, химических, биологических и психогенных факторов внешней среды (п. 2 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных постановлением Правительства РФ от 17.08.2007 № 522).

Полное, правильное и своевременное использование возможностей судебно-медицинской экспертизы положительно влияет на качество, полноту и сроки расследования преступлений правоохранительными органами.

Определение тяжести причиненного вреда здоровью вследствие имеющихся телесных повреждений осуществляется в рамках судебно-медицинской экспертизы.

Однако, как показывает практика, в некоторых заключениях эксперта при проведении судебно-медицинских экспертиз вред здоровью и механизм повреждений не определен.

Учитывая актуальность проблемы, мной изучен архив отдела потерпевших, обвиняемых и других лиц Красноярского краевого бюро судебно-медицинской экспертизы за 2016 г.

Проведенный анализ показал, что в отделе потерпевших, обвиняемых и других лиц г. Красноярска в 2016 г. было проведено 13 315 судебно-медицинских экспертиз и обследований.

Значительное место среди экспертиз составляют экспертизы по определению тяжести вреда здоровью – 13 180. Из них легкий вред здоро-

вью составили 1088 экспертиз и обследований, вред здоровью средней тяжести – 891, тяжкий вред здоровью – 872, без оценки вреда здоровью – 9012 и повреждения не были обнаружены в 1317 случаях. По определению половых состояний (преступлений) – 134 экспертизы, по определению возраста проведена 1 экспертиза.

Наибольшее количество экспертиз приходится на определение тяжести вреда здоровью, они составляют 99 % от общего числа проведенных экспертиз. Экспертизы половых преступлений и состояний составляют 1,0 %.

Практика показала, что значительное место среди экспертиз по определению тяжести вреда здоровью, занимают экспертизы без определения вреда здоровью, они составляют 68,4 %. Экспертизы по причинению легкого вреда здоровью, вреда здоровью средней тяжести, тяжкого вреда здоровью составили соответственно 8,3 %, 6,7 % и 6,6 %.

Следует отметить, что в большинстве случаев из экспертиз без определения вреда здоровью, вред здоровью и механизм не установлен ввиду того, что представленные следователем на экспертизу медицинские документы не содержали достаточно сведений, в том числе результатов инструментальных и лабораторных методов исследования, без которых не представляется возможным судить о характере и степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека.

Так, по данным отдела потерпевших, обвиняемых и других лиц КГБУЗ ККБСМЭ г. Красноярска, очень часто встречается диагноз «ушиб мягких тканей ... », который при оценке степени тяжести вреда здоровью не может быть учтен, так как он не подтвержден объективными морфологическими данными (поверхностные повреждения, в том числе: ссадина, кровоподтек, ушиб мягких тканей, включающий кровоподтек и гематому, поверхностная рана и другие повреждения), свидетельствующими о наличии точки приложения силы в данной области. В данном случае вред здоровью и механизм повреждений не определен, так как в медицинских документах врачом, проводившим обследование в медицинском учреждении, не описаны морфологические свойства данных повреждений (кровоподтеки, ссадины и др.).

Считаю, что определяющим моментом в объективности сформулированных выводов экспертов является наличие оригиналов первичной медицинской документации, форма и содержание которых должны соответствовать требованиям законодательства РФ и ведомственных положений Минздрава России. На практике же полноценные медицинские документы встречаются редко; часть из них являются шаблонными, не содержащими достаточных сведений; не единичны случаи полной утраты или предоставления ксерокопий, в медицинских документах недос-

таточно либо совсем не описаны повреждения и их свойства. В связи с этим вред здоровью и механизм повреждений судебно-медицинскими экспертами в данных случаях не определен.

Список использованных источников

1. ФКУ Главный информационно-аналитический центр Министерства Внутренних Дел России. Состояние преступности за январь-декабрь 2016 года [Электронный ресурс]. – URL: [http:// мвд.рф](http://мвд.рф). – Дата доступа: 30.04.2017.

2. *Космодемьянская, Е. Е.* Расследование преступлений, связанных с причинением вреда здоровью : учеб. пособие / Е. Е. Космодемьянская – Красноярск : Сибирский юрид. ин-т ФСКН России, 2014.

Злобина Л. А.

ОСОБЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ УСТАНОВЛЕНИЮ В СВЯЗИ С РАССЛЕДОВАНИЕМ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

Обстоятельства, подлежащие доказыванию и представляющие собой систему элементов предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ) и диспозиций соответствующих статей УК РФ, в криминалистике обобщаются и в совокупности с другими – промежуточными (косвенными, вспомогательными) фактами, отсутствующими в указанной статье кодекса, приобретают новое качество, становясь важным элементом общих положений криминалистической методики (А. Г. Филиппов, В. А. Образцов, Р. С. Белкин и др.¹).

Изложенную позицию указанных авторов возможно поддержать на примере содержания обстоятельств, подлежащих установлению в связи с расследованием *убийства матерью новорожденного ребенка*. Результаты проведенного исследования (анкетного опроса 117 следователей и дознавателей, 94 участковых уполномоченных полиции и оперуполномоченных, изучения 30 архивных уголовных дел, законченных расследованием по нормам ст. 106 УК РФ) показали, что наиболее характерными в этом плане могут быть:

1. *Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемой:*
1) паспортные данные: фамилия, имя, отчество; возраст; гражданство и место жительства; 2) биологические данные: является биологической или суррогатной матерью: а) традиционное; б) гестационное (полное: оплодотворенный эмбрион (без генетической связи с суррогатной матерью) переносится в матку суррогатной матери); 3) социальное положение

¹ См.: *Филиппов А. Г.* Проблемы криминалистики. Избранные статьи. М.: Юрлитинформ, 2007.

ние: а) образовательный уровень: род занятий и место работы; б) семейное положение: количество детей, разводов, браков; в) материальное положение, прожиточный минимум и т. п.; г) наличие приводов в полицию, а также судимости; 4) психолого-психиатрические особенности: а) эмоциональная напряженность, вызванная длительной перегрузкой и т. п.; б) расстройство психики, характеризующееся отрицательным ее изменением, а поведения – с нормального на деструктивное; в) наличие вредных привычек: алкогольной, лекарственной и прочей зависимости); 5) виновность лица, форма его вины и мотивы: а) прямой или косвенный умысел; б) мотив совершения убийства: стыд за рождение ребенка вне брака; эгоцентризм (по мнению женщины, ребенок препятствует ее личному счастью, карьере и т. п.). Так, на момент совершения детоубийства, замужними являлись 16 % женщин; работающими стабильно – немногим более 12 %; страдающими наркозависимостью – 16 %, алкоголизмом – около 34 %.

2. *Обстоятельства, характеризующие потерпевшего (новорожденного ребенка)*: 1) пол новорожденного; 2) определение мертворожденности и живорожденности (полное удаление или изъятие из утробы матери ребенка (независимо от продолжительности беременности, отделилась плацента или нет, перевязана или нет пуповина), который после отделения дышит или подает другие признаки жизни); 3) виды родов: а) традиционные роды: в медицинских условиях, б) домашние роды; в) нетрадиционные роды: водные роды; кесарево сечение; 4) установление признаков новорожденности: а) возраст новорожденного: во время родов; с момента рождения до конца первых суток; при наличии психотравмирующей ситуации или состояния психического расстройства, не исключаемого вменяемости, не более 1 месяца после родов; б) наличие сочной, влажной пуповины; в) сыровидной смазки; г) родовой опухоль; д) помарок крови; ж) мекония (первородный кал); з) плаценты; 5) установление жизнеспособности ребенка на момент убийства; 6) причина смерти: насильственная, ненасильственная (Экспертиза трупов плодов и новорожденных: метод. рекомендации / В. В. Колкутин [и др.]. – М. : РЦСМЭ, 2002).

3. *Обстоятельства, характеризующие событие преступления*: 1) точное место убийства (в 53 % случаев место происшествия не является местом преступления); 2) время и обстановка его совершения; 3) способ совершения: а) действие: удушение; сдавление головы и т. п.; утопление в водоеме, ванной и т. п.; воздействие на новорожденного температурой; причинение телесных повреждений; отравление ядами и др.; б) бездействие: обвиняемая обоснованно рассчитывала на наступление смерти новорожденного (отказ от кормления, оставление с непе-

ревязанной пуповиной); 4) использовалось оружие или предметы в качестве орудия убийства; 5) количество убитых (в случае рождения близнецов или тройни); 6) наличие соучастников и вид соучастия.

4. *Обстоятельства, характеризующие условия психотравмирующей ситуации или состояния психического расстройства, не исключающее вменяемости:* 1) наличие психотравмирующей ситуации и ее обстоятельства: а) социальные: сложные материальные условия, отрицание биологического отцовства, изнасилование и др.; б) биологические (медицинские): роды в тяжелых условиях и др.; в) состояние матери в момент убийства: трезвый рассудок, алкогольное или наркотическое опьянение, крайнее нервное возбуждение; г) послеродовая горячка; психопатия различной степени и др. Так, около 60 % рожениц находились в психотравмирующей ситуации, а в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, – около 30 % женщин; при этом, на учете в психоневрологическом диспансере состояло более 13 % обвиняемых.

Таким образом, обстоятельства, подлежащие установлению в связи с расследованием преступления данного вида, имеют важное криминалистическое значение как элемент общих положений методики раскрытия и расследования преступлений.

Каменецкий Ю. Ф.

ТИПИЧНЫЕ ВЕРСИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ПУТЕМ ЗЛУОПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ

Наиболее эффективным методом познания следователем сложного механизма хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере является многоуровневая система версионной работы, обеспечивающая переход от вероятности до достоверного знания. Версиям, по мнению В. Ф. Ермоловича, справедливо отводится промежуточное место между криминалистической характеристикой и следственными ситуациями [1, с. 258], поскольку они находятся в причинно-следственной связи между имеющимися у следователя знаниями об установленных признаках преступления, его абстрактной информационной модели, а также задачами объективного, всестороннего, полного и оперативного расследования.

Под версией понимается основанное на полученной следователем (органом дознания) информации предположительное (вероятное) объяснение сущности изучаемого события или отдельных его обстоятельств, причинной связи между фактами, построенное в целях уста-

новления истины по делу [2, с. 17]. Обосновывая такой подход к версии, С. И. Цветков пояснил, что версия является частью тактического решения, методы ее выдвижения – важнейшей частью информационно-аналитической работы и методов принятия тактического решения [3, с. 15]. Таким образом, в основании версии должна лежать конкретная тактическая цель, иначе ее выдвижение не даст искомого результата.

Версии принято классифицировать: по степени общности (общие и частные); по сфере использования (следственные, экспертные, оперативно-розыскные и судебные); по субъектам выдвижения (следователя, сотрудника органа дознания, судьи, прокурора, подозреваемого, свидетеля и др.); по степени вероятности (маловероятные и наиболее вероятные); по времени построения (первоначальные и последующие); по отношению к предмету доказывания (обвинительные и оправдательные); по времени протекания: ретроспективные и прогностические [4, с. 9–10; 5, с. 55]. Применительно к разработке методики первоначального этапа расследования хищений путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере следует выделить типичные версии, поскольку они дают предположительное типичное объяснение фактам и их связям при минимальном объеме исходных данных следственной ситуации и определяют направление расследования.

В связи с этим принципиальное значение приобретает вопрос содержания и систематизации типичных исходных версий по делам указанной категории. Как справедливо отмечает В. Я. Колдин, «пределы детализации анализа должны быть разумно достаточны, так как излишняя детализация обременяет следственное производство «информационным шумом», а недостаточная – чревата в установлении существенных обстоятельств» [5, с. 6]. Представляется, что решение данной задачи может быть осуществлено на основании целостной системы, состоящей из версий трех уровней (*об обстоятельствах совершения хищения путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере, о действиях расхитителя по сокрытию следов преступления и противодействию расследованию, а также иных обстоятельствах, обеспечивающих эффективность расследования*) и включающей более десяти блоков [4, с. 38–41]. В этом случае «уровневая структуризация показывает степень удаленности конкретной операции анализа от ствольной версии, характеризуя таким образом информационное и доказательственное значение получаемой на этих уровнях информации» [5, с. 134].

Придерживаясь данных положений, на основании результатов анализа материалов уголовных дел о преступлениях рассматриваемой категории для формирования уровней и блоков типичных версий можно выделить следующую информацию:

1) *об обстоятельствах совершения хищения путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере:* а) о механизме конкретного хищения и следах, указывающих на его признаки (например, необоснованные резервы денежных средств созданы посредством фиктивного трудоустройства работника, необоснованного табелирования ему рабочего времени и начисления на основании этого заработной платы. Впоследствии деньги изъяты директором при помощи пластиковой карточки или необоснованной выдачи денежных средств кассиром); б) о наличии или отсутствии признаков хищения путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере; в) о возможном наличии другого преступления или связи рассматриваемого хищения с административным правонарушением (например, служебного подлога, злоупотребления служебными полномочиями); г) о наличии или отсутствии квалифицирующих признаков состава преступления, а также обстоятельств, отягчающих и смягчающих уголовную ответственность и наказание (например, наличие преступной группы); д) об обстоятельствах, исключающих применение уголовной ответственности и наказания в отношении конкретных лиц (например, работники кадрового подразделения, бухгалтерии и табельщик были введены в заблуждение относительно правомерности действий руководителя либо руководствовались псевдосоциальными мотивом (поддержать представительские расходы), страхом, корыстной заинтересованностью);

2) *о действиях расхитителя по сокрытию следов преступления и противодействию расследованию:* а) о сокрытии следов преступления; б) о создании условий, объективно способствовавших причинению ущерба, сокрытию следов, либо уклонении преступника от уголовной ответственности и наказания; в) о противодействии установлению истины по уголовному делу, проявляющемся независимо от воли и желания человека (нет следов, невозможно провести проверку финансово-хозяйственной деятельности, экспертизу, уничтожены документы);

3) *иных обстоятельствах, обеспечивающих эффективность расследования:* а) установление личности и задержания расхитителя; б) отыскание орудий и средств, используемых при совершении хищения (например, пластиковая карточка, оформленная на лжеработника, хранится у расхитителя при себе, по месту работы или жительства); в) возмещение причиненного ущерба, поиска имущества, подлежащего аресту в целях последующей конфискации.

Таким образом, предложенная система типичных версий по делам о хищении путем злоупотребления служебными полномочиями в бюджетной сфере, представляя собой форму отражения объективной действительности, дает возможность следователю конкретизировать тактиче-

ские задачи расследования, осуществить оптимальный выбор тактических средств (тактических приемов и операций), позволяющих своевременно установить правильную очередность и последовательность (одновременность) следственных и иных процессуальных действий, а также их эффективность.

Список использованных источников

1. *Ермолович, В. Ф.* Криминалистическая характеристика преступлений / В. Ф. Ермолович. – Минск : Амалфея, 2001. – 304 с.
2. *Дубровицкая, Л. П.* Планирование расследования : учеб. пособие / Л. П. Дубровицкая, И. М. Лузгин. – М. : Высш. шк. МВД СССР, 1972. – 54 с.
3. *Цветков, С. И.* Информационно-аналитическая работа, версии и планирование при расследовании деятельности преступных структур: лекция / С. И. Цветков. – М. : Моск. ин-т МВД России, 1994. – 31 с.
4. *Ермолович, В. Ф.* Построение и проверка версий / В. Ф. Ермолович, М. В. Ермолович ; под общ. ред. И. И. Басецкого. – Минск : Амалфея, 2000. – 176 с.
5. *Колдин, В. Я.* Версионный анализ / В. Я. Колдин. – М. : Юрлитинформ, 2014. – 145 с.

Карачевцев Я. Н.

РАССЛЕДОВАНИЕ ДТП, КОГДА ВОДИТЕЛЬ СКРЫЛСЯ С МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

В следственной практике возможны два варианта развития события после совершенного преступления: когда водитель скрывается, оставляя на месте происшествия машину, и когда водитель скрывается вместе с машиной, участвовавшей в аварии.

В обоих случаях разработаны довольно детализированные криминалистические тактики расследования дорожно-транспортного происшествия.

Не вдаваясь в подробности их анализа, отметим, что по прошествии нескольких десятилетий некоторые следы ДТП вследствие изменения технологии производства становятся не идентифицируемыми и поэтому не позволяют извлечь информацию, необходимую для раскрытия преступления.

К ним относятся лакокрасочные покрытия транспортных средств повышенной прочности, которые после контакта с препятствием не имеют на себе его следов и не допускают взаимного проникновения веществ покрытия на одежду жертвы и не остаются на месте происшествия. Высокопрочные защитные полимеры фар, которые при ДТП не разбиваются, и поэтому не оставляют следов на месте происшествия.

В то же время научно-технический прогресс, достижениями которого пользуются водители автотранспортных средств, приводит к появлению новых следов ДТП, которые часто не принимаются во внимание при расследовании дорожно-транспортных происшествий. К ним относятся видеорегистраторы, камеры наружного наблюдения физических и юридических лиц, камеры автоматической фиксации нарушений ПДД и мобильные телефоны. Использование в комплексе этих технических средств позволяет предоставить следователю дополнительную информацию при расследовании ДТП.

Так, по времени причинения телесных повреждений или наступления смерти и по данным базовых станций операторов мобильной связи можно установить, какие номера мобильных телефонов были зарегистрированы в сети в момент ДТП. По данным с базовых станций, расположенных вблизи автотранспортных дорог можно определить номера мобильных телефонов, которые находились у водителей и пассажиров автотранспортных средств, находящихся в районе до и после ДТП, а также приблизительную скорость и маршрут движения. Кроме того, время ДТП может быть также установлено моментом потери связи мобильного телефона жертвы с базовой станцией. По скорости передвижения можно выявить предполагаемых свидетелей происшествия и подозреваемых. После этого предполагаемых свидетелей можно опросить, где они были в момент ДТП, и что они могут сообщить для раскрытия преступления, а также получить записи с видеорегистраторов, которые являются вещественными доказательствами и могут зафиксировать марку, номер автотранспортного средства предполагаемого правонарушителя, а также его фотопортрет.

Данная методика актуальна для расследования преступлений, совершенных в ночное время, при отсутствии свидетелей, а также при малом потоке автотранспортных средств, когда ситуация объективно способствует правонарушителю покинуть место происшествия. В таком случае сравнительно небольшой объем данных с базовых станций позволит оперативно получить необходимую информацию для расследования преступления.

Для достижения максимальной информативности данная методика должна быть осуществлена в течение короткого промежутка времени, что требует безотлагательного составления заявления о доступе к информации, содержащейся в телекоммуникационных сетях, передачи его в суд, вынесения судебного решения, его исполнения, анализа полученной информации следователем и экспертом, и обуславливает необходимость круглосуточного дежурства лиц, чьи действия необходимы для расследования преступления с помощью предложенной методики.

МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Эффективная деятельность правоохранительных органов по выявлению и расследованию преступлений в сфере экономики предполагает использование научно обоснованных рекомендаций, обеспечивающих комплекс теоретических и практических знаний, необходимых для выработки основных навыков расследования и предупреждения преступлений. Социальная значимость и распространенность преступлений в сфере экономики, их низкая раскрываемость вызывают необходимость широкого применения методов, основанных на использовании экономических и криминалистических знаний.

В качестве средств обнаружения признаков преступлений в сфере экономики рассматривают методы фактического контроля (осмотр; обследование; инвентаризацию; обмер выполненных работ; контрольный запуск сырья и материалов в производство (эксперимент); анализ сырья, материалов и продукции; получение объяснений и справок) и документального контроля (анализ соблюдения правил составления и оформления документов, их подлинности содержащихся в них реквизитов и записей, соответствия отраженных в документах операций (действий) установленным правилам; счетную и нормативную проверку).

Изучение специальной литературы позволяет утверждать, что особое внимание исследователи уделяют аналитическим методам. Они позволяют повысить эффективность оперативно-поисковых мероприятий за счет оптимизации процесса обработки поступающей информации об экономической деятельности хозяйствующих субъектов. Поисковая работа по собиранию доказательственной информации ведется по предприятиям, на которых выявлены признаки преступлений экономической направленности и по определению иных «подозрительных» предприятий и организаций для проведения предварительной оперативной проверки с целью выявления признаков преступлений в сфере экономики. Предприятия определяются результатами анализа финансово-хозяйственной деятельности экономических субъектов, который позволяет сформировать своеобразную модель функционирования предприятия в целях прогнозирования возможности совершения преступлений и использования определенных способов их маскировки, определить технологическую операцию, нарушение которой создаст условия для противоправного завладения ценностями.

В криминалистической литературе упоминается метод вероятного диагноза, который, как представляется, может быть положен в основу криминалистической диагностики с использованием экономической

информации о преступлениях, в качестве последствия совершения которых выступают их признаки и следы, отраженные в учетных документах, бухгалтерском и налоговом учетах, финансовой и налоговой отчетности. Преступления в сфере экономики совершаются в процессе и под видом законных хозяйственных операций. Субъекты противоправной деятельности создают видимость документальной обоснованности минимизации обязательств перед бюджетом и внебюджетными фондами. Учитывая особенности отражения преступной деятельности на уровне экономической информации, исследователи предлагают наряду с общим понятием «криминалистическая характеристика» формировать специальную категорию «экономико-криминалистическая характеристика», что позволяет более четко объяснить закономерности взаимодействия системы преступной деятельности и системы экономической информации хозяйствующего субъекта. Рассматривая тему использования методов при выявлении и расследовании преступлений в сфере экономики, нельзя не остановиться на вопросах применения экономико-правового анализа, состоящего в изучении изменений технико-экономических показателей производственно-хозяйственной деятельности предприятий, характеризующих состояние сохранности собственности; изменений в нормативном регулировании хозяйственной деятельности; сохранности имущества на объекте и определении фактического уровня посягательств на него.

В специальной литературе рассматриваются понятие и объекты экономико-криминалистического анализа, аналитические приемы, используемые при криминалистическом анализе показателей хозяйственной деятельности, возможности факторного анализа обобщающих показателей и метода сопряженных сопоставлений. Самое ценное и привлекательное, что появилось в современных публикациях, – это обобщение опыта работы подразделений оперативно-экономического анализа, формирование поисковых методик и систем специальных аналитических приемов для их реализации, перечень показателей финансового положения организации или предприятия, отражающих способы совершения преступлений, методика распознавания криминальных проявлений путем анализа искажений бухгалтерской отчетности

В настоящее время используются такие понятия, как «экономико-правовой», «экономико-криминалистический», «оперативно-экономический» и «бухгалтерский» анализ для выявления признаков преступлений в сфере экономики, которые, как представляется, могут быть объединены одним термином – «экономико-криминалистический метод». Под экономико-криминалистическим методом целесообразно понимать основанную на законе познавательную деятельность уполномоченных

субъектов правоохранительных органов, осуществляемую с использованием приемов криминалистической диагностики экономической информации в целях обеспечения оперативного поиска признаков преступлений. Главное назначение экономико-криминалистического метода видится в его использовании для вооружения сотрудников органов внутренних дел, в особенности оперативно-розыскных подразделений, системой специальных экономических знаний, которые в сочетании с возможностями оперативно-розыскных мероприятий призваны поднять на новый уровень деятельность по выявлению и расследованию преступлений в сфере экономики.

Маховская А. А.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ, КАК ЭЛЕМЕНТ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В разработке криминалистических методик расследования, наряду с другими ее элементами, важное место занимает и такой, как обстоятельства, подлежащие установлению, от которых зависит качественное рассмотрение сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ), своевременное принятие обоснованного решения по его результатам (ст. 145 УПК РФ), правильная квалификация преступного деяния и эффективная организация расследования преступления в целом на первоначальном этапе.

В течение последних 8–10 лет криминалистическая теория показывает устойчивую тенденцию именно такого понимания роли данного элемента криминалистической характеристики. Учитывая это, а также результаты анкетного опроса 125 следователей, 89 оперуполномоченных уголовного розыска и анализа 24 уголовных дел, законченных расследованием по ст. 127 УК РФ, мы пришли к выводу о том, что источниками формирования обстоятельств, подлежащих установлению в связи с расследованием *незаконного лишения свободы*, являются три блока (группы) элементов, содержащихся: в ст. 73 УПК РФ (Обстоятельства, подлежащие доказыванию), ст. 421 УПК РФ (Обстоятельства, подлежащие установлению) и в ст. 127 УК РФ (Незаконное лишение свободы).

Содержание трех элементов, наиболее характерных для рассматриваемого состава преступления, выглядит следующим образом.

1. *Событие преступления*: а) точное место, время и обстановка его совершения; б) способ совершения: применялось ли физическое или психическое насилие и его характер; использовалось ли оружие или

предметы, в качестве оружия; при этом устанавливается разграничение с составом ст. 126 УК РФ (Похищение человека); в) совершено преступление одним лицом или группой лиц и был ли предварительный сговор; не совершено ли преступление организованной группой лиц, причинившей по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия; г) совершено ли преступление в отношении заведомо несовершеннолетнего или женщины, заведомо для виновного, находящейся в состоянии беременности, а также в отношении одного, двух или более лиц; имело ли место виктимное поведение потерпевшего; д) на какое время потерпевший был лишен свободы, каким способом он удерживался и осознавал ли при этом, что его право свободно перемещаться незаконно нарушено против его же воли. Так, по результатам исследования, около 25 % потерпевших от незаконного лишения свободы не обращались в правоохранительные органы, поскольку, в силу разных причин, не посчитали действия в отношении себя преступными.

2. Виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы: а) характер и содержание причастности лица к совершению незаконного лишения свободы; б) наличие прямого умысла либо неосторожного причинения смерти потерпевшему, как следствие незаконного лишения свободы; в) мотив совершения преступления: ревность, месть, неприязненные отношения, совершение (сокрытие) другого преступления и т. д. Так, после избиения своей жены, которая в результате этого потеряла сознание и упала на пол, ее муж – Хатимов Д. Д., осознавая содеянное и желая избежать наказания, незаконно лишил свободы Хатимову А. Д., тем самым не допустив обращения ее с заявлением в правоохранительные органы (Приговор саткинского городского суда от 12.10.2011 по делу № 1-239/2011 // <https://rospravosudie.com> (дата обращения: 21.04.2017)).

3. Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого: а) демографические: фамилия, имя, отчество; пол, возраст, гражданство и место жительства; б) социальные: образовательный уровень, род занятий, профессия, семейное положение, наличие судимости и др.; в) нравственные установки: поведение дома, на работе, в общественных местах; г) психофизиологические особенности: наличие серьезных соматических заболеваний, психических расстройств или иных психических заболеваний; д) данные из ГИАЦ МВД РФ и региональных информационных центров об административных правонарушениях, в том числе посягающих на общественный порядок и общественную безопасность; е) состояние подозреваемого в момент совершения преступления: трезвый рассудок, алкогольное или наркотическое опьянение, обстановка психотравмирующей ситуации и т. п.; ж) в отношении несовершенно-

нолетнего еще устанавливаются: условия жизни и воспитания, влияние на него старших по возрасту лиц и т. п. Так, среди лиц, совершивших незаконное лишение свободы, около 4 % состоит на учете в комиссии по делам несовершеннолетних.

Кроме рассмотренных, в обязательном порядке устанавливаются и обстоятельства, связанные: *а) с характером и размером причиненного вреда; б) с возможным освобождением от уголовной ответственности и наказания; в) с возможным признанием действий в состоянии необходимой обороны, крайней необходимости и некоторые др.*

Таким образом, обстоятельства, подлежащие установлению, как элемент криминалистической характеристики преступления, представляют собой своеобразную целостную информационную систему, содержание которой подлежит безусловному и надлежащему установлению по каждому расследованию незаконного лишения свободы.

Низаева С. Р.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОБОРОТА ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

Наличие жилища – одно из важнейших условий достойного существования человека в современном обществе. Данное положение исходит из норм международного права. Обеспечение граждан достойными жилищными условиями является одним из приоритетных направлений социальной политики Российского государства, определяющим качество жизни людей. Обеспеченность граждан доступным по способу приобретения жильем, защита данного жилья от преступных посягательств – цель социальной политики государства и основа полноценной жизни гражданина в обществе, возможность его самореализации и развития.

Под сферой оборота жилой недвижимости понимается область общественных отношений, связанных с удовлетворением жилищных потребностей человека. Она включает в себя три основных группы отношений: 1) отношения, обусловленные созданием объектов жилищной сферы; 2) отношения, возникающие в связи с оборотом объектов жилищной сферы; 3) отношения, направленные на обеспечение комфортного проживания.

В современном обществе в условиях рыночной экономики жилищная проблема является одной из самых насущных и актуальных. В течение последнего десятилетия в нашей стране реализуется программа «Доступное жилье». Основной ее целью является обеспечение возможности приобретения и строительства жилья.

Вместе с тем недостаточная осведомленность граждан о своих правах в области приобретения и реализации жилья, коррупция и недобросовестность чиновников государственных структур приводят к росту мошеннических действий, совершаемых в сфере оборота жилища. Понятие «черный риэлтор» вошло в профессиональный лексикон сотрудников правоохранительных органов. В мошенническую схему зачастую входят и риэлтерские конторы, оказывающие услуги в сфере купли-продажи жилья, и нотариусы, обеспечивающие мнимую законность проводимой сделки.

Сложность расследования уголовных дел указанной категории обусловливается как разнообразием способов совершения преступлений, так и низкой профессиональной подготовленностью сотрудников правоохранительных органов, недостаточной разработанностью методики расследования мошенничества, совершаемого в сфере оборота жилой недвижимости.

Целесообразным представляется классификация преступлений данного вида на мошенничества, совершаемые на рынке вторичного жилья и совершаемые на рынке первичного жилья. К категории мошенничеств, совершаемых на рынке первичного жилья, в частности, можно отнести преступления в сфере долевого строительства жилья. Во многих регионах России продолжает оставаться высоким процент мошенничеств в сфере долевого строительства жилья, несмотря на меры законодательного регулирования данной сферы правоотношений. Долевое строительство, т. е. привлечение денежных средств граждан для постройки многоквартирных домов, с последующим предоставлением им жилых квартир в построенном доме, приобрело в настоящее время широкое распространение. Указанные правоотношения регулируются вступившим в силу 31 марта 2005 г. Федеральным законом от 30 декабря 2004 г. № 214 ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

В последние годы государство уделяет большое внимание возможности увеличения жилищного фонда за счет возможности получения жилищных субсидий для индивидуального строительства. В данном случае фиксируются факты использования заведомо подложных документов для получения права участия в одной из социальных программ в сфере индивидуального жилищного строительства. Зачастую в преступную мошенническую схему вовлечены не только рядовые граждане, желающие улучшить свои жилищные условия, но и имеющие на это законодательно оформленного права, но и сотрудники государственных органов, несущие ответственность за реализацию социальных программ

в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации и основанных на нем региональных нормативных актах.

На основании изложенного следует сделать вывод о целесообразности разработки частной методики расследования мошенничества в сфере оборота жилой недвижимости в целях алгоритмизации действия лица, проводящего расследование уголовных дел указанной категории.

Никитин Ю. А.

ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ ИЗНАСИЛОВАНИЙ

Под *изнасилованием* понимается насильственное половое сношение вопреки воле потерпевшей с применением насилия или угрозой его применения к женщине или ее близким либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей (ст. 166 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

Общие обстоятельства, подлежащие доказыванию и установлению по делам данной категории, предусмотрены статьями 89, 90 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь.

Так, установление *места совершения преступления* и его осмотр позволяют обнаружить, зафиксировать и изъять следы преступления (пятна крови, спермы, волосы, отпечатки пальцев на предметах и др.), на открытой местности можно обнаружить примятую траву, следы на грунте, брошенные или потерянные предметы (сигареты, украшения, части одежды, презервативы и др.).

Местом совершения изнасилования может быть как конкретный участок местности, помещение, транспорт и т. д., так и расположение (на них, в них) определенных предметов, на которых остаются наиболее явные следы преступления.

Установление *времени совершения преступления* может способствовать обнаружению свидетелей, которые могли видеть или слышать что-либо относящееся к преступлению, а также позволит решить вопрос об алиби подозреваемого.

Большое значение имеет установление *способа совершения преступления*, под которым понимается совокупность действий по подготовке, совершению и сокрытию содеянного.

К наиболее распространенным способам, используемым преступниками для подготовки, совершения и сокрытия изнасилования, относятся:

- приведение потерпевшей в беспомощное состояние путем спаивания алкогольными напитками, наркотическими средствами;

- приведение в беспмятство посредством грубого физического воздействия (сдавливание шеи, нанесение ударов и т. п.);
- преодоление сопротивления потерпевшей путем психического насилия (угроза оружием, шантаж или запугивание).

В то же время следует иметь в виду, что ряд изнасилований совершается преступниками спонтанно, без предварительной подготовки, под влиянием ситуации и своего внутреннего состояния. Данный факт выясняется при опросе потерпевшей, свидетелей, осмотре места происшествия, и его необходимо учитывать при раскрытии преступления.

По делам указанной категории устанавливаются и исследуются *обстоятельства*:

- 1) связанные с личностями насильника и потерпевшей, которые влияют на правовую квалификацию, степень ответственности;
- 2) предшествующие преступлению, включая виктимное поведение потерпевшей;
- 3) связанные с действиями обвиняемого после совершения преступления (сокрытие следов, застирывание или уничтожение одежды и т. п.);
- 4) поведение потерпевшей после совершения изнасилования.

Направленность расследования зависит от того, известен потерпевшей виновный или нет. В первом случае предусматриваются следственные действия по проверке и доказыванию вины конкретного лица, установлению неизвестных следствию соучастников, если они были; во втором случае планируются действия и ОРМ по установлению личности преступников, их розыску и обнаружению признаков совершенного преступления.

При проверке заявления об изнасиловании и в процессе расследования учитываются следующие возможные *типовые версии*:

- 1) имело место изнасилование: а) при обстоятельствах и лицом, на которых указывает потерпевшая; б) при других обстоятельствах, иным лицом или лицами, чем те, на которых указывает потерпевшая;
- 2) изнасилования не было: а) имело место добровольное половое сношение; б) половое сношение с точки зрения потерпевшей, возможно, и не было добровольным, однако ее поведение давало конкретному лицу реальные основания заблуждаться относительно ее намерений (например, обусловленные опьянением эротическая расторможенность в поведении, дозволение ласк интимного характера и т. п., при наличии недостаточно выраженного в данных конкретных обстоятельствах противодействия домогательствам сексуального характера); в) полового сношения не было, заявление является ложным, а обстановка происшедшего инсценированной.

На первоначальном этапе расследования необходимо предусмотреть *три основных комплекса следственных действий и ОРМ*: 1) направленные на получение от потерпевшей и других лиц исходной информации о происшедшем событии, обнаружение, изъятие и фиксацию имеющихся следов преступления; 2) обеспечивающие установление и задержание лица или лиц, совершивших преступление; 3) имеющие целью проверить причастность конкретного лица или лиц к расследуемому событию.

При допросе (отобрании объяснения) потерпевшей следует максимально подробно выяснить все обстоятельства совершенного преступления, обращая особое внимание на детали. По мелким деталям совершения преступления часто удастся изобличить преступника, а также проверить правдивость показаний потерпевшей. Необходимо выяснить максимальное количество фактов, которые можно проверить с помощью других источников, в частности, различного рода экспертиз.

При допросе потерпевшей о неизвестном ей преступнике следует получить сведения о его внешнем виде, его приметах, поведении и манерах (походка, выражения, состояние опьянения, курение), выяснить, пытался ли насильник скрыть свое лицо.

При допросе потерпевшей об известном ей преступнике необходимо выяснить характер их взаимоотношений.

Во всех случаях следует тщательно выяснять характер и формы применявшегося насилия, характер и способ сопротивления потерпевших, были ли нанесены насильнику какие-либо повреждения.

Затем незамедлительно проводится *осмотр места происшествия; освидетельствование потерпевшей* либо назначается и проводится *судебно-медицинская экспертиза*. У потерпевшей производится выемка одежды, белья, обуви, а также предметов, которыми она обтиралась после полового сношения или чистила одежду. При задержании подозреваемого необходимо незамедлительно его освидетельствовать, изъять путем производства обыска либо выемки и осмотреть одежду, обувь, в которых он находился во время совершения преступления.

При допросе подозреваемого выясняется: где, когда и при каких обстоятельствах он познакомился с потерпевшей; где и когда они встретились, как провели время до преступления, кто был вместе с ними или видел их; было ли половое сношение добровольным или сопровождалось насилием (в случае, если он отрицает совершение изнасилования, у него выясняется, как произошло добровольное половое сношение); конкретное место, где был совершен половой акт; как вела себя потерпевшая после изнасилования; во что был одет подозреваемый и во что была одета потерпевшая; если изнасилование было групповым, кто принимал участие и как распределялись роли среди преступников.

При наличии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц следователь вправе провести *очную ставку*.

При этом необходимо осознавать тактический риск изменения потерпевшей правдивых показаний под влиянием виновного лица в ходе очной ставки. Для исключения этого субъективного фактора необходимо психологически подготовить потерпевшую к проведению очной ставки, разъяснив предварительно суть и порядок ее проведения.

Одним из средств проверки причастности подозреваемого свидетелям к совершенному преступлению является *предъявление для опознания* потерпевшей.

Для подтверждения факта изнасилования также проводятся различного рода экспертные исследования. В первую очередь назначаются судебно-медицинские экспертизы, на разрешение которых ставятся вопросы о наличии у потерпевшей и подозреваемого повреждений, в том числе в области половых органов. В необходимых случаях решается вопрос о способности подозреваемого к половому сношению. С этой целью проводится медико-сексологическая экспертиза.

Важное значение в расследовании преступлений имеют биологические объекты, происходящие от человека (кровь, сперма, фрагменты органов и тканей, волосы, ногти с подногтевым содержимым, слюна, потожировые наслоения, зубы, кости и т. д.). Для их исследования назначаются биологические, цитологические, генотипоскопические и другие экспертизы.

В процессе расследования устанавливаются обстоятельства, способствовавшие половому посягательству, и принимаются меры к их устранению.

Олиндер Н. В.

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ И МЕСТА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СРЕДСТВ И СИСТЕМ (КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Среди элементов криминалистической характеристики любого преступления выделяют время и место его совершения, установление которых поможет строить версии, определять личность предполагаемого преступника и планировать расследование преступлений.

Традиционно местом преступления признается место, где произошло деяние, однако в силу специфики рассматриваемых преступлений необходимо обозначать (рассматривать) как минимум три места:

1) место нахождения компьютера или аппаратного средства, через которое совершено преступление;

2) место нахождения самого преступника (может совпадать либо нет с местом нахождения его аппаратного средства);

3) место нахождения потерпевшего (и его аппаратного средства), либо сервера, на котором находится электронная платежная система.

В рассматриваемых преступлениях нередко (в силу особенностей использования технологии удаленного доступа, программ, аппаратных средств) местоположение преступника и аппаратных средств не совпадает.

Местоположение любого из перечисленных элементов характеризуется двумя составляющими:

а) местоположением в реальном пространстве (роль индивидуализирующей информации играет адрес местонахождения физического лица, организации, используемых ими аппаратно-программных средств);

б) местоположением, которое постоянно отождествляется в локальной и глобальной сети с уникальным номером – IP-адресом.

Следовательно, правильное при определении места происшествия по таким видам преступлений считать таковым совокупность всех трех мест расположения. Это необходимо учитывать при проведении и процессуальном оформлении следственных действий (например, осмотр предметов, обыск, экспертиза и т. п.).

Одним из первоначальных действий для установления места происшествия является сопоставление IP-адресов адресам фактического нахождения этих лиц и аппаратных средств в конкретную дату и время.

Рассматриваемые преступления нередко имеют фактический или имитируемый трансграничный характер.

В первом случае программные и аппаратные элементы электронной платежной системы физически расположены на территории иностранного государства, преступник или потерпевший – на территории России. В этом случае существенную трудность представляет процедура получения всех необходимых сведений об электронной платежной системе с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства, так как некоторые из таких систем не имеют представительств в России.

Во втором случае имитируемый трансграничный характер преступлений рассматриваемой категории обусловлен тем, что технология подмены подлинного IP-адреса компьютера преступника предполагает чаще всего использование IP-адресов, выдаваемых для подмены зарубежными провайдерами, вследствие чего создается впечатление о том, что преступник находится за рубежом.

Специфика такого существенного элемента события преступления, совершаемого с использованием электронных платежных систем и средств, как время совершения преступления, заключается в следующем.

Первый специфический аспект связан с особенностью фиксации событий в компьютерных системах. Различные подсистемы компьютера фиксируют время того или иного события не только в различной кодировке, но и в различных часовых поясах. Например, одновременно в одном компьютере могут регистрироваться события во всемирном координированном времени UTC (Universal Time Coordinated), примерно равном среднему времени по Гринвичу (GMT); в так называемом «местном» времени (с учетом поправки на часовой пояс); в «местном» времени с учетом перехода на «летнее» и «зимнее» время. В случае ошибочной интерпретации содержимого компьютерных журналов, а именно неправильной интерпретации времени события, связанного с работой пользователя с электронной платежной системой, может быть получено недостоверное «доказательство» вины или невинности подозреваемого в совершении преступления лица.

Второй специфический аспект связан с ситуацией, когда в качестве предмета преступного посягательства выступает зарубежная электронная платежная система. В этом случае преступник совершает транзакции, направленные на хищение денежных средств, с соблюдением как минимум двух условий:

- 1) его сетевая активность должна попадать в интервал времени, в течение которого в электронной платежной системе проводятся легальные операции зарубежными пользователями, чтобы транзакции не были отнесены к подозрительным, и к ним не были предприняты дополнительные меры обеспечения безопасности финансовых операций;

- 2) настройки времени на компьютере преступника должны соответствовать часовому поясу из диапазона часовых поясов легальных пользователей электронной платежной системы.

Третий специфический аспект связан с тем, что настройки времени на компьютере преступника на период подготовки и совершения преступления, когда в качестве предмета преступного посягательства выступает зарубежная электронная платежная система, должны находиться в тесной взаимосвязи с другими настройками и IP-адресом компьютера, что позволяет преступнику как бы технически «мимикрировать» под зарубежного легального пользователя платежной системы. Так, должны быть согласованы языковые настройки операционной системы и отдельных программ (совпадать с языковыми настройками этих же программ зарубежных легальных клиентов платежной системы), IP-

адрес, настройки системного времени (компьютер должен транслировать в сеть Интернет, что он находится в «правильном» часовом поясе).

Время совершения преступления имеет значение еще и в случае совершения длящегося, многоэпизодного преступления, поскольку позволяет выявить определенную взаимосвязь между отдельными элементами преступного деяния. Например, периодичное хищение денежных средств из электронного кошелька в одно и то же время – может свидетельствовать об особенностях графика работы преступника, его местонахождении, технических особенностях доступа к сети Интернет и т. д. Уточним, что с учетом сказанного периодичность действий преступника сама по себе образует признак, достойный включения в криминалистическую характеристику рассматриваемой категории преступлений.

Пацкевич А. П.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХУЛИГАНСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Проводимые в последнее время в нашей стране определенные социально-экономические преобразования благоприятно повлияли в том числе и на состояние общеуголовной преступности. За последние годы ощущается последовательное снижение количества преступлений. Так, согласно официальной статистике, представленной на информационном сайте МВД Республики Беларусь, в 2010 г. количество преступлений составляло 102 127, а в 2016 г. их количество снизилось до 92 943 преступлений.

Несмотря на общую тенденцию к снижению преступности в целом, отмечается рост преступлений против общественного порядка и общественной нравственности, в том числе и такого его вида, как хулиганство. За последние четыре года их количество выросло почти в 2 раза: от 2153 преступлений в 2013 г. до 4066 в 2016 г.

Криминологи в последние годы отмечают рост этих преступлений, совершаемых несовершеннолетними, в том числе в группе, в нетрезвом состоянии. Их действия порой отличаются особой дерзостью и исключительным цинизмом.

Большинство хулиганских действий совершается несовершеннолетними, которые не задумываются о тяжести последствий совершенных ими деяний. Подростки в силу возраста и легкомысленности не способны правильно оценить всю социальную значимость и серьезность совершаемых ими, на первый взгляд, шалостей. Так, брестскими подростками совершено ряд уголовно наказуемых хулиганств, выразившихся в повреждении ажурных бетонных заборов, припаркованных автомоби-

лей, дорожных знаков, в том числе путем обстреливания из пневматического оружия. Особую озабоченность вызывает совершение хулиганских действий несовершеннолетними участниками неформальных молодежных объединений, футбольными фанатами. Хулиганства, совершенные данной категорией несовершеннолетних, как правило, сопровождаются жестокостью, физическим насилием, цинизмом, причинением значительного ущерба.

К сожалению, подростковому хулиганству уделяется, на наш взгляд, еще недостаточно внимания в белорусской криминалистической литературе. Имеются отдельные статьи (П. В. Грядюшко, Н. С. Бушкевича, И. В. Пашуты), однако на монографическом уровне эта проблема в Республике Беларусь не исследовалась.

Немаловажную роль в криминалистике играет изучение отдельных элементов криминалистической характеристики хулиганств, совершаемых несовершеннолетними.

Так, например, на способ совершения хулиганских действий оказывают влияние такие факторы, как несовершеннолетний возраст правонарушителя, умственное и физическое развитие, отсутствие достаточного жизненного опыта, наличие соучастников, в том числе и взрослых подстрекателей, материальные возможности.

Как показывает судебно-следственная практика, хулиганства несовершеннолетних, в том числе и в группе подростков, как правило, совершаются без тщательной предварительной подготовки, порой спонтанно, беспричинно и носят ситуационный характер, например: отсутствие сторожевой охраны на объекте, когда разрисовываются стены зданий, сооружений, разбиваются памятники и надгробные плиты на кладбищах; избиение потерпевшего, находящегося в состоянии алкогольного опьянения и т. д.

Отсутствие предварительной подготовки к совершению хулиганских действий в свою очередь влияет на выбор предметов, используемых в качестве орудий преступлений. Ими могут быть как носимые с собой предметы обихода (складные и перочинные ножи, болты, цепи), так и подобранные на месте совершения преступления и специально подготовленные для совершения хулиганства: булыжники, палки, обрезки досок, металлическая арматура, кирпичи, обрезки труб и т. п.

Большинство хулиганских действий совершается подростками в группах, сформированных по территории проживания, по совместному времяпровождению, по месту учебы или занятиями спортом и т. п. Это обусловлено тем, что участие подростков с групповом преступлении определенным образом компенсирует их психологическую неуверенность в своих силах, недостаточный жизненный опыт.

Рассматривая такой элемент криминалистической характеристики, как «следовую картину», т. е. информацию о следах, следует отметить, что при совершении хулиганства и после него подростки специально не принимают мер по уничтожению либо иному сокрытию своих следов на месте преступления. Так, при осмотрах мест происшествия по делам данной категории можно обнаружить оставленные несовершеннолетними следы биологического происхождения, рук, ног, зубов, микрочастицы, надписи на стенах, наносимые с помощью аэрозольных баллончиков или краски. Если же после совершения преступления подростки предпринимают определенные меры по сокрытию следов, то это выражается в уничтожении или маскировке явных следов (застирывание одежды со следами крови, чистка обуви). Иногда, когда совершенное деяние имеет большой общественный резонанс (драки в клубах, танцплощадках, дискотеках, школьных вечерах, осквернение и уничтожение памятников и т. д.), подростки предпринимают попытки по подготовке ложного алиби, для чего обращаются за помощью к своим сверстникам, одноклассникам, приятелям, однокурсникам) с просьбой подтвердить факт их пребывания в то время, когда совершалось преступление, в другом месте.

В заключение следует отметить, что дальнейшие научные разработки криминалистической характеристики отдельных видов преступлений, в том числе и хулиганств, а также разработанные на их основе рекомендации органам уголовного преследования, на наш взгляд, позволяют повысить эффективность противодействия преступности, в том числе и хулиганству, совершаемому несовершеннолетними.

Сергеев О. Д.

**СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РАССЛЕДОВАНИЯ И ИХ РАЗРЕШЕНИЕ ПО ДЕЛАМ
О ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЯХ ПРАВИЛ ПРОМЫШЛЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Понятие криминалистическая характеристика расследования ввел В. К. Гавло, дав ее определение и структуру. Одним из основополагающих ее элементов он считал следственную ситуацию, которую определял как «совокупность фактических данных, отражающих существенные черты события на определенный момент расследования преступления» [1], она «предстает перед следователем либо при осмотре места происшествия, либо при изучении материалов, послуживших основани-

ем для возбуждения уголовного дела, а затем и по ходу всего расследования» [2, с. 216]. Им же были выделены методы расследования преступлений, основанные на типичных следственных ситуациях [3, с. 130–150].

Этим вопросом в разное время занимались: Р. С. Белкин, Л. Я. Драпкин, А. Н. Колесниченко, О. Я. Баев, Л. Г. Видонов и др. Каждый предлагал свое определение, но принимая во внимание то, что следственная ситуация является положением, которое сложилось в процессе предварительного следствия, считаем, что определение, предложенное В. К. Гавло, является наиболее правильным.

Вопрос о классификации следственных ситуаций также рассматривается авторами по-разному. Свое мнение по этому вопросу высказывали Р. С. Белкин [4, с. 77], Л. Я. Драпкин [5].

Перечень элементов, составляющих следственную ситуацию, предлагали: Р. С. Белкин [4, с. 77], О. Я. Баев [6], Д. В. Ким [7], Л. Г. Видонов [8] и др.

Наиболее точным, на наш взгляд, является мнение И. Ф. Герасимова, который предлагал включить в содержание такие элементы, как: уже известные обстоятельства; имеющиеся доказательства; информацию, имеющую тактическое и организационное значение; следственные действия; и другие мероприятия, намеченные и уже выполненные; запланированные, но еще не выполненные следственные и другие действия; возможности, которыми следователь располагает; возможности, которые не использовались и являются потенциальными; время, имеющееся в распоряжении следователя; сведения о поведении лиц, заинтересованных в исходе дела; оценку перечисленных факторов и, в конечном счете, определение характера ситуации [9].

Обстоятельствами, формирующими следственные ситуации, являются:

- объективные, т. е. наличие и характер данных о совершенном преступлении; еще неиспользованные источники информации; интенсивность видоизменения доказательств; наличие сил и средств по обнаружению и фиксации исходной и доказательственной информации;
- субъективные – профессиональные опыт и знания следователя; состояние участников процесса; наличие противодействия расследованию, допущенные ошибки.

Одним из способов разрешения следственных ситуаций является выработка алгоритмов действий следователя, которые строятся на основе выявленных корреляционных связей между элементами криминалистической характеристики преступления и криминалистической характеристики расследования. Такие связи позволяют следователю выдвигать определенные версии, а впоследствии путем анализа достаточного

числа уголовных дел разработать типовые алгоритмы разрешения следственных ситуаций.

Алгоритмизация деятельности следователя не новое направление в разработках криминалистов. А. В. Дулов указывает на то, что алгоритмизация расследования заметно повышает качество следственной работы, уменьшает количество ошибок при ее проведении, а также сокращает время их проведения [10].

В связи с этим следует признать верным мнение Н. С. Полевого, который выделяет следующие свойства алгоритмов: детерминированность, массовость и результативность. Этими свойствами, по его мнению, должны обладать все алгоритмы криминалистического типа [11].

Список использованных источников

1. *Гавло, В. К.* О первоначальных следственных действиях при расследовании преступлений / В. К. Гавло. – Томск, 1968. – Ч. 3. – С. 90.
2. *Гавло, В. К.* Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений / В. К. Гавло. – Томск: Томск. ун-т, 1985. – 333 с.
3. *Гавло, В. К.* Расследование и предупреждение хищений на предприятиях мелочной промышленности, совершенных должностными лицами: дис. ... канд. юрид. наук / В. К. Гавло. – М., 1969. – 198 с.
4. *Белкин, Р. С.* Курс советской криминалистики: в 3 т. / Р. С. Белкин. – М.: Юристъ, 1997. – Т. 3. – 479 с.
5. *Драпкин, Л. Я.* Понятие и классификация следственной ситуации // Следственные ситуации и раскрытие преступлений / Л. Я. Драпкин. – Свердловск, 1975. – С. 30.
6. *Баев, О. Я.* О структуре следственных ситуаций / О. Я. Баев // Криминалистические и процессуальные проблемы расследования. – Барнаул, 1983. – С. 129–135.
7. *Ким, Д. В.* Следственная ситуация как системообразующий фактор в расследовании преступлений / Д. В. Ким // Российская правовая система: становление, проблемы, пути совершенствования. – Барнаул, 2001. – С. 326–330.
8. *Видонов, Л. Г.* Типовые следственные ситуации первоначального этапа следствия по делам об убийствах, криминалистические взаимосвязи между элементами состава преступления данного вида и методика выдвижения версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев на основе указанных взаимосвязей / Л. Г. Видонов. – Н. Новгород, 2000. – С. 8–255.
9. *Герасимов, И. Ф.* Этапы раскрытия преступлений / И. Ф. Герасимов // Следственные ситуации и раскрытие преступлений. – Свердловск, 1975. – С. 10.
10. *Дулов, А. В.* Тактические операции при расследовании преступлений / А. В. Дулов. – Минск: БГУ, 1979. – С. 12–14.
11. *Полевой, Н. С.* Криминалистическая кибернетика / Н. С. Полевой. – М.: МГУ, 1989. – С. 200–204.

О СТРУКТУРЕ И СОДЕРЖАНИИ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ НАРУШЕНИЙ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

Задачи успешного расследования нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии порядка подчиненности (далее – НУПВ), предусмотренных ст. 443 УК Республики Беларусь, не могут быть решены в полном объеме только с помощью средств криминалистической техники и тактики. Решить задачи их расследования практически невозможно, не руководствуясь при этом методами расследования преступлений обозначенной категории.

Ученые-криминалисты по-разному определяют структуру частной криминалистической методики. Исходя из изучения материалов практики расследования НУПВ представляется возможным предложить следующую структуру методики их расследования: криминалистическая характеристика данных преступлений; задачи их расследования, обусловленные обстоятельствами, подлежащими доказыванию; типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования; особенности тактики проведения наиболее характерных для расследования НУПВ отдельных следственных действий.

В качестве структурных компонентов криминалистической характеристики НУПВ целесообразно рассматривать сведения о (об): этапах прохождения военной службы, способах совершения и сокрытия НУПВ; следах НУПВ; времени и месте НУПВ; личности преступника, его мотивов и целей; особенностях личности потерпевшего; связи НУПВ с другими правонарушениями. При этом структурным (связующим) компонентом криминалистической характеристики НУПВ целесообразно избрать сведения о специфике этапов прохождения срочной военной службы.

Быстрое и полное расследование НУПВ достигается субъектами расследования путем постановки и решения задач различных уровней общности и сложности, которые целесообразно группировать.

Первая из групп объединяет задачи, относящиеся к определению объекта и объективных признаков НУПВ, отношений подчиненности лиц, участвующих в данных правонарушениях. Во вторую группу могут быть включены задачи по установлению времени и места совершения преступления, преступных действий, образующих НУПВ, способов подготовки, совершения и сокрытия данных преступлений. К третьей группе целесообразно отнести задачи в отношении личности преступника, его мотивов и целей, степени тяжести телесных повреждений по-

терпевших и др. Четвертая группа включает перечень задач по установлению квалифицирующих обстоятельств: повторности совершения преступления; совершения НУПВ группой лиц, либо в отношении группы лиц; мотивов совершения преступления; применения либо угрозы применения оружия при совершении преступления. В ходе расследования НУПВ также решаются задачи их предупреждения.

Критериями типизации следственных ситуаций с учетом криминалистической характеристики, задач и практики расследования НУПВ целесообразно избрать степень информационной определенности: об этапе прохождения военной службы, на котором совершено НУПВ и обусловленных им местом и временем; о личности преступника; об избранной форме НУПВ и в ее рамках способах совершения и сокрытия преступления.

На первоначальном этапе расследования НУПВ определенным постоянством содержания характеризуются следующие группы следственных ситуаций. Первая следственная ситуация: преступник (преступники) установлен, есть сведения о времени, месте, способе совершения НУПВ, количестве потерпевших. Вторая: круг подозреваемых определен, есть отдельные сведения о времени, месте и способе совершения НУПВ, количестве потерпевших. Третья: сведения о личности преступника отсутствуют или незначительны, имеется фрагментарная информация о потерпевших, ориентировочные данные о времени, месте и способах НУПВ.

Применительно к типичным следственным ситуациям выделим общие версии о наличии или отсутствии признаков таких преступлений: а) НУПВ имеет место; б) НУПВ нет, имеет место другое правонарушение; в) НУПВ нет, существует заблуждение в отношении события преступления.

Для первой следственной ситуации наиболее оптимальным представляется следующий порядок действий: задержание подозреваемого; допрос потерпевших; допрос свидетелей об обстоятельствах НУПВ; допрос военнослужащих младших призывов; осмотр места происшествия, назначение и производство экспертиз, изучение документации.

При второй и третьей следственной ситуации в связи с отсутствием или недостаточным количеством информации наиболее востребованы следующие действия: телесный осмотр военнослужащих; допрос военнослужащих младших призывов; изучение документации; осмотр помещений, личных вещей военнослужащих старшего призыва; изучение информации в социальных сетях военнослужащих; получение информации от родителей военнослужащих, офицеров других подразделений и др.

Таким образом, вопросы расследования НУПВ в большинстве рассматриваются с уголовно-правовой и криминологической точек зрения.

Криминалистические рекомендации по расследованию таких преступлений, совершенных военнослужащими, представлены частично, что служит одним из оснований для разработки новых подходов к построению частной криминалистической методики расследования преступлений указанного вида.

Файрушина Р. Д.

МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСТВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ОБСТАНОВКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Анализ криминалистической характеристики обстановки совершения преступления может позволить следователю получить информацию об обстоятельствах и условиях, непосредственно предшествовавших преступлению, о том, что в обстановке способствовало или препятствовало совершению преступления, каким образом обстановка повлияла на выбор способов и средств совершения преступления, а также узнать о личности потерпевшего, кто мог воспользоваться сложившейся обстановкой (ситуацией) для совершения посягательства и др. Таким образом, рассмотрим один из таких элементов обстановки криминалистической характеристики вымогательств, совершенных несовершеннолетними, как место совершения преступления.

В результате взаимодействия прямых и опосредованных участников вымогательств с различными элементами внешней среды в конкретных условиях места и времени, при реализации определенного способа совершения преступлений образуются различные следы, которые позволяют оценить складывающиеся ситуации и выдвигать версии на основе анализа взаимосвязей обстановки совершения преступления с другими элементами криминалистической характеристики. Причем, с одной стороны, типичный для несовершеннолетних способ совершения вымогательств определяет время и место их совершения, с другой – состояние и изменения обстановки совершения вымогательств – влекут серьезные модификации способа, как правило, трудности в реализации преступных планов влекут криминальную агрессию. И обстановка, и способ совершения вымогательств двусторонне обуславливают возникновение следов (в широком смысле) преступлений.

В этом смысле обстановку совершения преступления можно определить как совокупность тех факторов, которые, складываясь по воле участников преступного события или помимо их воли, оказывают опре-

деленное влияние на способ его совершения, облегчая или затрудняя совершение деяния. При этом, наравне с пространственно-временными характеристиками, сведения о следах вымогательств и будут составлять содержание типичной обстановки совершения несовершеннолетними вымогательств как элемента криминалистической характеристики данных преступлений.

Как известно, вымогательство сконструировано как формальный состав и считается оконченным с момента предъявления требования передачи имущества (права на имущество). Однако объективная сторона этого преступления состоит и из факта получения имущества (права на имущество). Хронологически эти акты разделены. И хотя несовершеннолетние преступники стремятся этот разрыв максимально сократить, а то и устранить, в силу объективных факторов у них это далеко не всегда получается. Следовательно, избранная или сложившаяся обстановка совершения преступлений будет различной, что может быть обусловлено неодинаковыми местом и временем, как результат – разными следами.

Место совершения вымогательства несовершеннолетними является одним из важнейших характеристик обстановки совершения данного преступления и тесно связано с другими элементами криминалистической характеристики.

Место совершения вымогательства подростками выбирается не случайно, на это оказывают влияние различные факторы как субъективного, так и объективного характера. Например, вымогательства, носящие систематический, серийный характер, обычно совершаются подростковыми группировками, контролирующими данную территорию.

Основная масса вымогательств совершается подростками в крупных и больших населенных пунктах (81,7 %), а остальная часть – в небольших населенных пунктах, где большинство подростков знают друг друга, вымогательства встречаются редко и носят обычно бытовой характер (например, требование спиртных напитков или денег на их приобретение).

Представляет интерес взаимосвязь между местом совершения вымогательства и другими элементами криминалистической характеристики этого преступления. Так, при исследовании места совершения вымогательств несовершеннолетними выяснилось, что в городах наибольшее количество посягательств совершается в период с 15 до 22 часов, тогда как в сельской местности в вечернее время и в первой половине дня. Таким образом, можно сделать вывод, что преступники учитывают распорядок учебы, работы и жизни потенциальных потерпевших, который существенно отличается в городе и на селе.

В криминалистической литературе под школьным вымогательством понимают взимание определенной дани или собирание путем вымогательства денег с учащихся представителями той или иной группировки¹. Заметим, что в большинстве своем школьное вымогательство является проявлением групповой, а не организованной преступности. Это значит, что вымогательством в школах, лицеях, гимназиях и т. д. занимаются представители групп несовершеннолетних антиобщественной направленности, сформированных в этих учреждениях. Такие группы неустойчивы в связи с тем, что их участников связывает лишь общая обязанность обучаться в данном учебном заведении. Вымогательства ими совершаются наряду с другими преступлениями, потерпевшими от которых выступают подростки из этого же учреждения, но не входящие в такую группу. За рамки места обучения преступная деятельность таких групп выносится редко.

Для вымогательства в учебных заведениях характерно то, что около 45 % из них были совершены лицами, обучающимися там же.

Таким образом, школьное вымогательство можно определить как преступную деятельность групп несовершеннолетних криминальной направленности, сформированных в средних и средних специальных учебных заведениях, осуществляемую в этих учреждениях в отношении подростков, не входящих в такие группы.

Разновидностью школьного вымогательства можно считать студенческое вымогательство. При этом явлении вымогатель и его жертва обучаются в одном образовательном учреждении, так же как и при школьном вымогательстве. Однако, в отличие от школьников и иных учащихся, студенты подвергаются вымогательству не по месту учебы, а в местах совместного проживания (общежитиях, снимаемых квартирах, казармах (у курсантов)). Кроме того, учащиеся школ, лицеев и гимназий не имеют собственных доходов, в отличие от работающих и частично получающих стипендию студентов.

Вымогательству могут подвергаться и абитуриенты. Приехав сдавать вступительные экзамены, они везут с собой денежные средства, которые и становятся предметом вымогательства со стороны старшекурсников. Негативно сказывается отсутствие инструктажей абитуриентов; совместное размещение абитуриентов и студентов в общежитиях; неразборчивость в знакомствах молодых людей, только что вышедших со школьной скамьи; неприспособленность к новой обстановке (незнание местности, начальства, отсутствие друзей, родственников или зна-

¹ *Игнатенко В. И.* Основы предупреждения антиобщественного образа жизни и рецидива преступлений несовершеннолетних. – Рязань, 1996. – С. 23.

комых) и т. п. Более половины вымогательств, совершенных в студенческих общежитиях сузов и вузов приходится на сентябрь и февраль, т. е. на начало учебного семестра, когда потерпевшие привозят с собой из дома (от родственников) продукты, одежду, деньги.

Дворовое, уличное вымогательство, как и школьное, проявлением организованной преступности не является. Его субъекты – группы несовершеннолетних – формируются на основе принципа совместного проживания на одной улице или районе. Образовавшись, такая группа пока еще только пытается установить контроль над «своей территорией», совершение вымогательств является хотя и стихийным, но частым.

При изучении характеристики места совершения несовершеннолетними вымогательств были установлены следующие закономерности:

- 76,2 % несовершеннолетних преступников предпочитают совершать вымогательство в том же микрорайоне города, где проживают;
- 63,2 % свойственна смешанная пространственная модель преступного поведения. Преступления совершаются ими в других микрорайонах;
- 6,5 % в других населенных пунктах.

Завершая рассмотрение места преступления как элемента обстановки криминалистической характеристики вымогательств, совершенных несовершеннолетними, необходимо отметить, что оно существенным образом влияет на складывающуюся следственную ситуацию к началу расследования.

Подводя итог сказанному, позволительно подметить, что учет этих и других данных, характеризующих обстановку совершения несовершеннолетними вымогательства, будет способствовать более эффективному проведению оперативно-розыскных и следственных мероприятий, а значит, позволит повысить результативность борьбы с рассматриваемым видом преступного посяательства на собственность.

Шурухнов Н. Г.

ПЕРСПЕКТИВЫ И ИННОВАЦИИ В РАЗВИТИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ РАССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ И ГРУПП ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Перспективы и инновации в развитии криминалистических методических рекомендаций расследования отдельных видов и групп преступлений обусловлены воздействием двух основных групп факторов: изменениями уголовно-процессуального законодательства и появлением новых технических, информационно-телекоммуникационных средств.

Первый. Федеральным законом Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ внесены изменения в ст. 144 УПК РФ, регламентирующую порядок рассмотрения сообщения о преступлении. В соответствии с этими изменениями дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе:

– проводить следственные действия: *а) осмотр:* 1) места происшествия, 2) документов, 3) предметов, 4) трупов; *б) осуществлять* 1) освидетельствование; *в) получать:* 1) образцы для сравнительного исследования; *г) назначать* 1) судебную экспертизу (принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок);

– осуществлять процессуальные действия: *получать* 1) объяснения; *истребовать:* 1) документы, 2) предметы; *изымать:* 1) документы, 2) предметы (в порядке, установленном УПК РФ); *требовать производства:* 1) документальных проверок, 2) ревизий; *требовать производства исследований:* 1) документов, 2) предметов, 3) трупов;

в) реализовывать организационно-процессуальные мероприятия: 1) привлекать к участию в процессуальных действиях специалистов; 2) давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий; 3) предупреждать участников досудебного производства о неразглашении данных в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ; 4) обеспечивать безопасность (в случае необходимости) участников досудебного производства в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ.

Комплекс осуществляемых в этот период действий и мероприятий составляет, по отдельным видам и группам преступлений, предварительный этап расследования. Он начинается с получения сообщения о преступлении и заканчивается принятием решения о возбуждении уголовного дела. Наименование обозначенного этапа представляется логичным. Это объясняется тем, что в это время проводится предварительная проверка, в задачу которой входит установление оснований для возбуждения уголовного дела.

Действия дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа на предварительном этапе характеризуются максимальной оперативностью и неотложностью. Основная задача состоит в сборе фактических данных, указывающих на признаки преступления в проверяемом деянии. Разрешаемые на этом этапе проверочные ситуации характеризуются дефицитом времени, минимумом полезной информации, большим объемом (не всегда целенаправленной) работы, решением сложных мыслительных задач в условиях высокой степени неопределенности, с помощью строго установленных уголовно-процессуальным законодательством средств. Момент окончания этого

этапа связан с накоплением определенного объема информации, указывающей на вероятность совершения преступления, вынесением постановления о возбуждении уголовного дела.

Таким образом, перед учеными-криминалистами стоят задачи по разработке тактики и технологии производства перечисленных следственных и процессуальных действий, процессуально-организационных мероприятий, определении их места, последовательности проведения на предварительном этапе расследования, применительно к отдельным видам и группам преступлений, при расследовании которых он реально реализуется. Например, при расследовании уклонения от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ст. 193 УК РФ); уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица (ст. 198 УК РФ).

При разработке криминалистических методических рекомендаций расследования отдельных видов и групп преступлений, как минимум, необходимо: а) давать тактику и технологию производства процессуальных действий с применением современных технических средств [1], использованием специальных знаний; б) раскрывать содержание и назначение информационных технологий; в) показывать особенности использования автоматизированного (компьютерного) рабочего места (А(К)РМ) следователя (дознателя) в расследовании конкретных преступлений [2]; г) излагать ситуации противодействия расследованию и раскрывать содержание тактических приемов, тактических комбинаций, оперативно-тактических операций [3] по их минимизации; д) раскрывать содержание мер по реальному обеспечению защиты участников уголовного судопроизводства; е) показывать конкретные направления взаимодействия должностных лиц правоохранительных органов; ж) предлагать конкретные пути использования данных, полученных в процессе оперативно-розыскной деятельности.

Второй. Перспективы и инновации в развитии криминалистических методических рекомендаций должны включать разработку и использование мобильного автоматизированного (компьютерного) рабочего места следователя (МА(К)РМС) в ходе расследования преступлений. Использование данного программного продукта, сформированного на основе кибернетической модели процесса расследования, способно в несколько раз повысить технологичность и объем информации, необходимый для хода расследования, начиная с предварительного этапа и до завершающего (заключительного).

Актуальность данного предложения связана с тем, что следственной группой (следственно-оперативной группой) в ходе расследования многих преступлений приходится выезжать на место происшествия,

находящееся в десятках километров от постоянного места работы субъекта расследования. МА(К)РМС, являясь переносным элементом стационарного автоматизированного рабочего места, позволит решить широкий круг задач, возлагаемых на стационарные автоматизированные рабочие места следователя (дознателя), а также иметь средства оперативного доступа к необходимым базам данных.

Специальное программное обеспечение МА(К)РМС, используемое при расследовании преступлений, должно включать следующие компоненты:

- средства доступа к нормативно-правовым базам, содержащим акты, регламентирующие ту или иную сферу деятельности;

- средства доступа к информационным ресурсам конкретных министерств, служб, комитетов, агентств;

- средства доступа к ресурсам федерального уровня – банку процессуальных документов;

- справочные, экспертно-консультационные системы, например, содержащие алгоритмы действий (следственных, процессуальных, розыскных) в условиях наиболее распространенных следственных ситуаций, комплексы тактических приемов проведения различных следственных действий, ссылки на необходимые акты и инструкции;

- программу оформления запросов, поручений, актов, сообщений и т. д.;

- программу обучения и контроля знаний, умений и навыков субъекта расследования.

В программе МА(К)РМ следователя обязательно должны содержаться:

- 1) бланки постановлений;

- 2) бланки писем и запросов (статьи 21, 144 УПК РФ);

- 3) бланки ходатайств (постановлений) о проведении принудительных следственных действий (ст. 165 УПК РФ);

- 4) бланки протоколов различных следственных действий;

- 5) рекомендации, советы по выбору тактических приемов проведения отдельных следственных действий;

- 6) перечень действий и приемов, обязательных при осмотре места происшествия, и порядок их реализации;

- 7) образцы описания различных следов, объектов; предметов (огнестрельное оружие, упаковки ВВ, транспортные средства и т. д.);

- 8) виды научно-технических средств и рекомендации по их применению;

- 9) методические рекомендации по изъятию, упаковке и хранению конкретных объектов;

10) перечень вопросов, наиболее часто задаваемых при допросах различных участников уголовного судопроизводства;

11) рекомендации по обеспечению безопасности участников следственной группы (следственно-оперативной группы) применительно к конкретным обстоятельствам (место пожара, взрыва);

12) названия и адреса государственных, негосударственных экспертных учреждений, лиц, которые могут проводить экспертизы, выступать в качестве специалистов;

13) вопросы экспертам по различным видам экспертиз.

Использование МА(К)РМ следователя возможно при проведении широкого круга следственных и иных процессуальных действий. Его возможности определяются программным обеспечением, объемом и содержанием баз данных (статистическая обработка сведений, создание специализированных информационно-поисковых систем с соответствующими базами данных) [4].

Перспективы и инновации в развитии криминалистических методических рекомендаций расследования отдельных видов и групп преступлений заключаются в разработке использования возможностей информационных средств спутниковой навигации и программного обеспечения. Они позволяют работать с 3D-моделью нашей планеты, применять лазерные дальномеры, дающие возможность быстро и с высокой точностью (0,1 мм) производить линейные измерения (особенно актуально при производстве такого следственного действия как осмотр места происшествия). Это относится к тем нередким случаям, когда место происшествия имеет большую территориальную протяженность или находится на значительном расстоянии от населенных пунктов. В таких случаях из-за проблем координатной привязки сложно произвести точную фиксацию границ участка осмотра или отдельных объектов.

Для решения этой проблемы предлагается использовать такое информационно-техническое средство, как спутниковый навигатор, при помощи которого можно установить координаты любой точки местности, а именно широту и долготу, при малой погрешности. В случае, когда вблизи места происшествия нет постоянных ориентиров для привязки (лес, горы, пустыня, тундра, тайга, водная акватория), для измерений рекомендуется использовать GPS/GLONASS-приемник, входящий в систему глобальной спутниковой навигации.

Этот малогабаритный прибор позволяет быстро определить координаты в любой точке Земли с точностью от 1 до 3 м, установить площадь, линейные размеры. Использование спутникового навигатора GPS/GLONASS позволяет определить основные точки географических координат на месте происшествия, занести их в протокол осмотра места

происшествия и в дальнейшем использовать при составлении схемы. Для составления схемы, прилагаемой к протоколу осмотра места происшествия, рекомендуется использовать программное обеспечение, позволяющее работать с компьютерной моделью планеты Земля (на сегодняшний день можно выделить два основных программных продукта: Google Earth – Планета Земля; Геопортал Роскосмоса).

Список использованных источников

1. *Шурухнов, Н. Г.* Использование технических средств и их комплексов для повышения этики и наглядности производства следственных действий / Н. Г. Шурухнов // *Этика ненасилия: история и современность : тез. выступлений на межвуз. науч.-практ. конф.* (26 марта 2010 г). – Тула, 2010. – С. 6–16.

2. *Шурухнов, Н. Г.* Некоторые направления использования автоматизированных рабочих мест при проведении следственных действий / Н. Г. Шурухнов, Ю. В. Гаврилин // *Персональный компьютер на службе криминальной милиции и следствия. Возможности и перспективы: сб. материалов науч.-практ. семинара.* – М. : ВНИИ МВД России, 1997.

3. *Мерецкий, Н. Е.* Применение оперативно-тактических комбинаций в расследовании преступлений / Н. Е. Мерецкий. – Хабаровск, 2000.

4. *Шурухнов, Н. Г.* Мобильное автоматизированное рабочее место следователя (МАРМС) как базовое средство повышения эффективности тактики производства процессуальных действий / Н. Г. Шурухнов // *Актуальные проблемы криминалистической тактики : материалы Междунар. науч.-практ. конф.* (г. Москва, 28 марта 2014 г.). – М. : Юрлитинформ, 2014. – С. 296–305.

Раздел V. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Абдурахманов А. А., Веренич Н. Г.

СУДЕБНО-ИСКУССТВОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Оборот произведений искусства в современном мире приобрел колоссальный масштаб, что обусловило движение в этой сфере значительных денежных средств. Закономерно подобное положение не осталось без повышенного внимания представителей криминального мира. Так, по оценке британских старших полицейских чинов ущерб, наносимый в результате преступной деятельности в сфере искусства, составляет около четырех миллиардов фунтов в год. При этом раскрываемость таких преступлений не превышает 1,5 %. По мнению специалистов Департамента юстиции США, арт-преступления по объему уверенно заняли третье место среди других видов международных преступлений [1].

Для расследования подавляющего большинства числа указанных выше преступлений необходимо проведение судебно-искусствоведческой экспертизы. Однако разработка многих ее аспектов с теоретической и организационно-правовой позиций в настоящее время представляется недостаточной. Это свидетельствует, по нашему мнению, о назревшей потребности совершенствования правовых и организационных основ судебно-искусствоведческой экспертизы.

К сожалению, официальное определение понятия судебно-искусствоведческой экспертизы в настоящий момент отсутствует. В научной литературе она определяется как процессуальное действие, которое состоит из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, поставленным перед экспертом (судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем) в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу и разрешение которых требует специальных знаний в области искусствоведения. Такими обстоятельствами могут являться: имя создателя произведения искусства; время, место, условия его создания, а также использованные материалы; художественная, историческая и культурная ценность произведения искусства, а также его содержание [2, с. 15].

Следует отметить, что судебно-искусствоведческая экспертиза отличается рядом особенностей, существенно зависит от объекта исследо-

вания, предполагает многосторонний подход, который выражается в соблюдении баланса между объективными требованиями правовых установлений и субъективизмом, характерным для искусствоведения.

Думается, что начальный этап процесса совершенствования правовых и организационных аспектов судебно-искусствоведческой экспертизы должен включать осуществление следующих мероприятий: а) разработка и нормативное закрепление легального понятия судебно-искусствоведческой экспертизы, а также методик ее проведения; б) достижение целостности подходов к определению видовых объектов судебно-искусствоведческой экспертизы, а также структуры экспертного заключения; в) создание специализированных учреждений, осуществляющих производство судебно-искусствоведческой экспертизы (в частности, включение соответствующих подразделений в структуру Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь).

Необходимо особо отметить и то обстоятельство, что профессиональные эксперты-искусствоведы на постсоветском пространстве крайне немногочисленны. Глубокие познания в истории искусства предполагают узкую специализацию, поэтому наличие соответствующей специальности не является залогом компетентной оценки и достоверных выводов в заключении эксперта. В связи с этим назрела необходимость создания учета и картотеки компетентных специалистов в отдельных областях истории искусства что, в свою очередь, позволит организовать их взаимодействие.

С учетом вышеизложенных теоретических положений считаем в краткосрочной перспективе необходимым: а) нормативно разграничить понятия «экспертиза» и «атрибуция» с использованием первого в уголовном судопроизводстве, а второго – гражданском судопроизводстве либо при личном обращении граждан; б) разработать и принять в установленном порядке межведомственный нормативный правовой акт (с участием Министерства культуры Республики Беларусь и Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь), в котором должны быть закреплены: единая терминология в области судебно-искусствоведческой экспертизы и официальное определение ее понятия, а также сроки проведения судебно-искусствоведческой экспертизы, вознаграждение и ответственность экспертов; в) создать подразделение экспертов-искусствоведов в структуре Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь; г) ввести штатную единицу эксперта по искусству в ведущих государственных учреждениях культуры; д) создать подразделения экспертов-искусствоведов с небольшой штатной численностью в крупных таможенных пропускных пунктах; е) создать единую электронную базу существующих и похищенных в

Республике Беларусь культурных ценностей со свободным доступом к ней как представителей правоохранительных органов, так и искусствоведов, а также базы данных специалистов по наиболее востребованным исследованиям произведений искусства.

Список использованных источников

1. *Мостовщиков, Е.* Россия – это черная дыра краденого искусства [Электронный ресурс] / Е. Мостовщиков // Афиша. – 1999. – Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/art/rossiya-eto-chernaya-dyra-kradenogo-iskusstva/>. – Дата доступа: 28.11.2016.

2. *Пискунова, Е. В.* Криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере искусства: судебно-искусствоведческая экспертиза : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12 / Е. В. Пискунова; Рос. акад. правосудия. – М., 2013. – 29 с.

Антилевкая Ю. А.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проведенная в Республики Беларусь уникальная судебно-экспертная реформа, связанная с образованием в 2013 г. Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – Государственный комитет судебных экспертиз), позволила решить многочисленные проблемы, накопившиеся за долгие годы работы различных экспертных учреждений (ведомств), и выявить негативные тенденции.

Сегодня Государственный комитет судебных экспертиз представляет собой централизованную систему государственных органов, осуществляющих в соответствии с законодательными актами полномочия в сфере судебно-экспертной деятельности (далее – СЭД). Созданный государственный орган уполномочен Главой государства на реализацию единой государственной политики в сфере СЭД, а также на определение и реализацию основных направлений совершенствования СЭД. Таким образом, с недавнего времени не только в теории, но и в практической деятельности стала рассматриваться СЭД в целом как отдельное комплексное направление государственной политики, что влечет объективную необходимость в изменениях, в том числе в устранении пробелов в законодательстве.

В настоящее время правовые и организационные основы деятельности Государственного комитета судебных экспертиз, его основные задачи и полномочия по осуществлению СЭД регулируются различными нормативными правовыми актами: УПК, ПИКоАП, ГПК, ХПК, Законом Республики Беларусь от 15 июля 2013 г. «О Государственном

комитете судебных экспертиз Республики Беларусь», Указами Президента Республики Беларусь от 14 сентября 2003 г. № 407 «О некоторых мерах по совершенствованию судебно-экспертной деятельности», 22 апреля 2013 г. № 202 «Об образовании Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», 1 июля 2013 г. № 292 «Вопросы Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» и др.

Законодательное закрепление определения понятия «судебно-экспертная деятельность» содержится в абз. 3 п. 422-4 Положения «О лицензировании отдельных видов деятельности», утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450, и сформулировано, как возмездное оказание услуг судам (судьям), органам дознания, следователям, прокурорам, иным участникам процесса в установлении фактических обстоятельств дела, подлежащих доказыванию по делам, рассматриваемым в суде, делам об административных правонарушениях, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и иных сферах деятельности.

Вместе с тем данное понятие представляется достаточно узким и не может охарактеризовать все направления СЭД, более того, неверно сводить функцию СЭД к «обслуживающим операциям».

В теории авторы, определяя СЭД, расходятся во мнениях и предлагают рассматривать ее как систему действий, направленных к назначению и производству экспертизы с целью установления фактических данных по конкретному уголовному делу (*Р. С. Белкин*); как систему мировоззренческих и праксеологических принципов теории и ее объекта – экспертной деятельности, частных теоретических построений, методов развития теории и осуществления экспертных исследований, процессов и отношений – комплексное научное отображение судебно-экспертной деятельности как единого целого (*Т. В. Аверьянова*); как основанную на конституционных началах деятельность органов государственной власти, юридических и физических лиц для обеспечения правосудия независимой, объективной, квалифицированной, опирающейся на достижения науки и техники, судебной экспертизы (*М. Я. Сегай*).

Таким образом, несмотря на некоторые расхождения во мнениях авторов, все они едины в том, что СЭД представляет собой определенный структурированный комплекс действий, систему.

Очевидно, что СЭД необходимо рассматривать как отдельную самостоятельную систему, выделяя общие и частные элементы, их структуры и связи между ними, наряду с качественным ее обеспечением. Та-

ким образом, СЭД представляет собой систему действий и решений, направленных на осуществление функций по организации и проведению в соответствии с требованиями законодательства судебных экспертиз (исследований) посредством компетентной и качественной работы судебно-экспертного учреждения.

В связи с этим видится необходимым принятие Закона Республики Беларусь «О судебно-экспертной деятельности», в котором целесообразно определить организационные основы данного вида деятельности, структурировать и сформулировать единый понятийный аппарат, включая определение понятия СЭД, унифицировать соответствующие нормы экспертной деятельности и иные связанные с этим вопросы, в том числе вопросы обеспечения качества СЭД в Республике Беларусь.

Бондаренко Е. Н.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА «ЛЖИ» КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В современной российской лингвоэкспертологии исследование лжи пока очень редкий вид, практически отсутствуют какие-либо методики и научные разработки в данном направлении, а между тем век медиа-информации требует подобного рассмотрения коммуникативного пространства. Это обусловлено не только причинами повышения раскрываемости тех или иных преступлений, но и изменением самой жизни человека.

Сегодня, когда языковая личность уже не может существовать в рамках какого-либо замкнутого дискурса, наиболее остро встает вопрос об информационной безопасности и существовании различных противоправных явлений в условиях медиа-среды.

Влияние сетевой культуры привело к тому, что нередко сами преступники размещают в интернете сведения о совершенных ими незаконных действиях или пытаются влиять на ход расследования, изменение приговора и т. п. путем привлечения средств массовой информации. Последнее не только подвергает сомнению результативность работы органов судебной и исполнительной власти, но и вызывает в обществе недоверие к законодательствующим субъектам, изменению их структуры, приводит к неконструктивным скоропалительным решениям в сфере законотворчества.

Прецедентной в данном случае является ситуация с изнасилованием несовершеннолетней девушки Дианы Шурыгиной, муссировавшаяся

различными средствами массовой информации. Растиражированный образ «порочной жертвы» вызвал не только интерес общества к «пикантной» теме, о чем свидетельствует появление большого количества мемов («На донышке» и т. п.), но и породил различные феномены речевой агрессии, направленной как на потерпевшее лицо, так и на судебные исполнительные органы.

Подобные случаи не единичны, а потому еще на стадии расследования преступлений необходимо прибегать к использованию различных методов лингвистической экспертизы, способствующих усилению доказательной базы, аргументации и подтверждению сделанных выводов, их достоверности. Одним из таких эффективных методов является исследование «лжи».

Зарубежная криминалистическая психолингвистика предлагает для этого метод анализа утверждений (основы метода разработаны в середине 60-х гг. XX в. немецким психологом Удо Ундойчем), связанный с квалификацией грамматических характеристик слова и степени уверенности адресанта в сообщаемой информации, выявлением «лишней» информации и балансом утверждений (показаний). Данный метод развивается и в российской лингвоэкспертологии, выделившей определенные критерии оценки искренности и неискренности человека. Однако, например, постулат о том, что «лживые высказывания более схематичны, стереотипны, лишены индивидуальности» и т. п. (*Рапинов А. Р., Гаврилова Н. А. Логико-психологическая структура лжи и ошибки в свидетельских показаниях // Вопросы борьбы с преступностью, 1982. Вып. 37*) в некотором смысле недостаточно обоснован не только потому, что языковая компетенция различных «лжецов» может сильно различаться, но еще и потому, что само понятие «лжи» безгранично и субъективно. Иными словами, то, что для одного является враньем, для другого может интерпретироваться как правда. Это означает, что вопрос «Содержится ли в высказывании А ложь?» в той или иной степени превышает компетенцию специалиста. Однако возможности прикладной лингвистики позволяют нам все же установить необходимые для расследования преступления данные, только исследовать речевой материал необходимо иначе, взяв за основу критерий соответствия интенции информирования (подтверждения) личности реализованным ей в конкретной речевой ситуации коммуникативным намерениям. Отсюда эксперту предлагается ответить на другой вопрос: «Соответствует ли содержание высказываний А коммуникативным намерениям данного адресанта, которые возникли в спорной речевой ситуации?». При этом фразы адресанта будут подвергнуты контент- и интен-анализу. Отсюда речь идет об исследовании не просто отдельных речевых фрагментов, а

о рассмотрении больших текстовых массивов (всех полученных от адресанта данных, его коммуникативного пространства).

Контент-анализ будет базироваться на определении частоты встречаемости в материале слов и тем, что отразит содержательную сторону информации в определенных числовых закономерностях. Это поможет составить языковой портрет коммуникатора, определить набор актуальных для него в речевом фрагменте ценностей, т. е. выявить латентные неявные смыслы сказанного.

Интент-анализ будет направлен на обнаружение цели высказывания адресанта, связан с обнаружением интенциональных характеристик речи, которые соотносятся с течением коммуникации, что опять же позволит выявить скрытое содержание изложенной информации, коммуникативные установки говорящего и/или пишущего, его намерений в ходе общения.

Таким образом, данные лингвистической экспертизы позволят определить достоверность информации, излагаемой заинтересованными и незаинтересованными в исходе дела или следственного действия лицами, а это, в свою очередь, повысит эффективность расследования преступлений.

Васильченко А. В., Сальманов А. А., Гареев А. М.

ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОГО ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ НЕОПОЗНАННЫХ ТРУПОВ

Несмотря на тенденцию к снижению количества дел по установлению личности граждан по неопознанным трупам в Российской Федерации [1], идентификация личности остается одной из наиболее актуальных научных проблем.

На сегодняшний день из методов отождествления личности наибольшее распространение получили молекулярно-генетические и дактилоскопические методы. Менее распространены, но до сих пор применяются рентгенологические, судебно-стоматологические и краниофациальные методы. Активно внедряются программные методы медико-криминалистической идентификации, позволяющие использовать различные способы сравнительной оценки, алгоритмизировать и усовершенствовать отождествление объектов. В настоящее время ведутся работы по созданию и интеграции новых методов идентификационных исследований [2; 3; 4]:

1) на основании различных теорий отождествления личности, представлены идентификационные параметры человека;

2) осуществлена алгоритмизация определения стоматологического статуса неопознанного трупа;

3) с помощью компьютерных технологий модернизированы кра-ниофациальные методики;

4) разработаны научно-методические принципы и алгоритм судебно-медицинской идентификации личности в случаях массовой гибели людей;

5) разрабатываются судебно-медицинские технологии биологических микрочипов.

Применяемые в настоящее время методики отождествления доказали свою высокую эффективность, однако не всегда применимы при повреждении биологического материала, представленного на экспертизу.

Существенной проблемой при отождествлении личности является низкое качество и малое количество материала, пригодного для проведения исследований.

В нашей стране отсутствует единый банк данных для отождествления личности, что, несомненно, затрудняет идентификацию неопознанных трупов и обуславливает необходимость создания специальных компьютерных технологий.

В условиях, когда индивидуальные биологические признаки человека выражены слабо или отсутствуют, возникает острая потребность в комплексном применении различных методик, учета сходства или различия по полу, возрасту и другим групповым признакам в ходе судебно-медицинской идентификации личности, необходимость модернизации и совершенствования существующих и внедрения новых методик судебно-медицинского отождествления личности человека.

Список использованных источников

1. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/> – Дата доступа: 29.04.2017.

2. Манин, А. И. Особенности использования рентгенологического метода исследования для идентификации личности / А. И. Манин, Т. А. Тангиева // Dentalforum. – 2012. – № 5. – С. 94.

3. Щербаков, В. В. Идентификация личности по исходам события с массовыми человеческими жертвами / В. В. Щербаков, Е. В. Щербакова // Судебно-медицинская экспертиза. – 2012. – № 1 – С. 52–55.

4. Kamilov, F. K. Choosing potential dissolution medium to study the influence of water-insoluble substances on aggregation of platelets within preclinical studies under conditions in vitro / F. K. Kamilov, A. V. Samorodov // Biology and Medicine. – 2013. – Т. 5. – № 1. – С. 1519.

**НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО
ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ**

В контексте предмета данного исследования особое место в системе следственных действий занимает назначение судебной экспертизы. При расследовании преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств назначаются практически все виды экспертиз: судебно-медицинские, криминалистические, судебно-автотехнические, автодорожные и др. Однако особое место среди них занимает судебная автотехническая экспертиза (САТЭ), причем как по частоте встречаемости (соответственно 100 % изученных нами уголовных дел), так и по значимости ее результатов для расследования уголовных дел рассматриваемой категории. Этого вида экспертиза, рассматриваемые ею вопросы, порядок ее назначения довольно обстоятельно рассмотрены в работах Н. В. Чиха, Э. Т. Сидорова, С. Н. Путивки, В. А. Гороδοкина, С. В. Назарова и др.

Автотехническая экспертиза проводится, чтобы выяснить техническое состояние ТС или отдельных его механизмов и узлов; определить относительное время появления конкретной неисправности (возникла ли она до ДТП или в результате его); причин и условий ее образования; установить причинную связь между имеющейся неисправностью и наступившими последствиями, приведшими к ДТП. Автотехническая экспертиза решает также ряд вопросов, связанных с анализом механизма этих происшествий, например: определяет по величине тормозного пути скорость движения ТС, момент возникновения опасной ситуации; как должен был действовать в данной ситуации водитель, имел ли он техническую возможность избежать происшествия (наезда, столкновения); соответствовали ли его действия правилам дорожного движения. Однако эксперт не предпринимает вопроса о виновности водителя; она будет установлена на основе оценки всех фактов, собранных по делу, в частности, наличия или отсутствия причинной связи между действиями (бездействием) водителя и ДТП.

Формирование научной области знания, определяемого как судебная автотехника, является наглядным примером логического завершения двух взаимосвязанных процессов – создания специальных знаний судебно-автотехнической экспертизы и разработки частной теории экспертизы данного рода. Формирование специальных знаний судебно-автотехнической экспертизы (САТЭ) началось с начала 60-х гг. прошлого

столетия, после того как САТЭ стала осуществляться в системе государственных судебно-экспертных учреждений (СЭУ) Минюста СССР, и характеризуется как интеграцией, так и дифференциацией знаний в области САТЭ по всем элементам экспертной действительности (понятиям теории): предмет – объект – задача – методы. Все более наглядно проявляется тенденция к формированию новых видов экспертиз: психофизиологической экспертизы участников дорожно-транспортного происшествия (ДТП), автотовароведческой экспертизы, дорожно-транспортной и др.

Применительно к предмету данного исследования, как нам представляется, очень важно отметить научную составляющую САТЭ, общих закономерностей интеграции научного знания, включая:

а) перенос идей и представлений из одной области знания в другую, в особенности, когда они носят эвристический характер;

б) эффективное использование в теории и практике САТЭ понятийно-концептуального аппарата, методов и иных познавательных средств из различных областей науки (математических, трасологических, физических и многих других);

в) формирование комплексных междисциплинарных проблем и направлений исследований;

г) формирование новых научных дисциплин «пограничного» типа на стыке известных ранее областей знания;

д) сближение наук, различающихся своими предметными областями: автотехника и криминалистика, автотехника и психофизиология, автотехника и товароведение;

е) сближение научных дисциплин различных типов: фундаментальных и прикладных, эмпирических и теоретических, например уголовное право и автотехника; уголовный процесс и автотехника;

ж) универсализация средств языка науки, создание языка судебной автотехники на основе базовых наук (криминалистики, теории доказывания, общей теории судебной экспертизы);

з) выработка региональных общенаучных форм и средств познания, заимствованных как из смежных дисциплин смежной области (техники, криминалистики и др.), так и из дисциплин самых различных областей знаний (общая теория систем, информатика, кибернетика, общеметодологические разработки и т. п.);

и) усиление взаимодействия между философским и «нефилософским» (частнонаучным знанием), увеличение каналов и форм связи между ними;

к) усиление интегративной роли философии. Этот вид интеграции является завершающим по отношению ко всем девяти предыдущим. Он

выступает как вершина процесса интеграции, позволяя осмыслить все вышеизложенное, оценить все формы интеграции с позиции единого процесса.

Убедительным свидетельством научной состоятельности САТЭ являются научно выверенные методологические подходы к ее формированию как области знания.

Основным в определении предмета САТЭ является познание закономерностей: возникновения, развития и завершения ДТП; закономерностей отражения события ДТП в объектах материального мира, закономерностей обнаружения, закрепления, изъятия носителей информации о ДТП, закономерностей исследования информации, относящейся к предмету САТЭ; закономерностей реализации в процессе исследования методов и методик экспертного исследования, принятых для конкретных целей в САТЭ, закономерностей правового анализа и оценки заключения эксперта-автотехника, определение его значения в системе доказательств.

Например, в изучении закономерностей возникновения, развития и завершения ДТП, отмечает Г. М. Нагорный, используются такие положения технических дисциплин, как «Устройство автомобиля» (или иного ТС); «Техническая эксплуатация автомобиля» (мотоцикла и т. п.).

Для установления механизма ДТП используются данные из теории автомобиля, в основном касающиеся закономерностей торможения, а также устойчивости транспортных средств.

Анализируя технические дисциплины, составляющие основу специальных знаний САТЭ, исследователи этой проблемы справедливо отмечают, что не все из названных отраслей научных и опытных знаний входят в судебную автотехнику в «чистом» виде. Специфика САТЭ определяет направленность использования этих знаний. В результате многие данные из числа названных «базовых» наук подвергаются судебной автотехникой творческой переработке.

Таким образом, та часть специальных знаний САТЭ, которая представлена техническими науками, не является механическим объединением отдельных разделов автомобильно-дорожных дисциплин. Судебная автотехника, будучи тесно связана с базовыми («материнскими») науками создает свое поле специальных знаний, определяемых как спецификой ее задач, так и спецификой методик, необходимых для решения этих задач.

Отсюда следует немаловажный практический вывод – производство судебно-автотехнических экспертиз требует специальной подготовки инженера-автомобилиста для работы его в качестве эксперта.

ЭКСПЕРТИЗА ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

В процессуально-криминалистических публикациях довольно подробно описывается тактика назначения и производства экспертиз на стадии предварительного расследования, но не просто найти информацию об их назначении и производстве при проверке сообщений о преступлениях. Хотя проблемных ситуаций в этом вопросе немало.

Потребности в проведении экспертизы до возбуждения уголовного дела очевидны. Решению этой проблемы в какой-то степени способствовал Федеральный закон от 04.03.2013 г. «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Однако всех имеющихся на практике вопросов он не разрешил.

Есть основания полагать, что существующие проблемы назначения и производства экспертизы в ходе проверки сообщения о готовящемся или совершенном преступлении прежде всего обусловлены тем, что законодатель остановился на полпути к решению этого важного вопроса.

1. Правовые последствия результатов исследования остались, по сути, такими же, как и ранее, т. е. необходимо проведение экспертизы. Более того, ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ регламентирует: «...если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной или повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению». Но и в этом вопросе не все урегулировано должным образом. В частности, нет полной ясности, возможно ли назначение повторной экспертизы в случае отсутствия или неизвестности на момент назначения экспертизы пострадавшего или правонарушителя. Для корректировки практики в целях полного и своевременного обеспечения прав участников предварительной проверки в этой части, вероятно, требуются соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ.

2. Исследуя проблему реализации потерпевшим своих прав (ст. 42 УПК РФ), следует сделать вывод, что назначение и производство исследований и экспертиз изъятых документов, предметов и других объектов совершенного преступления до возбуждения уголовного дела может быть расценено как нарушение уголовно-процессуального права и законных интересов граждан, пострадавших от преступлений. Это обусловлено рядом причин. Прежде всего возникает вопрос о порядке разъяснения потерпевшему от преступления, по сообщению о котором проводится проверка, указанных прав и обязанностей. Поэтому для реше-

ния обозначенного вопроса требуется определение правового положения этого субъекта до возбуждения уголовного дела.

3. Двойное толкование может вызвать также право, предусмотренное п. 5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ – «присутствовать при разрешении следователя при производстве судебной экспертизы, давать объяснения эксперту» (несмотря на то, что оно касается подозреваемого, обвиняемого, защитника и потерпевшего, которых до возбуждения уголовного дела быть не может (имеется ввиду процессуальный статус заинтересованных лиц)).

Расплывчатость формулировки ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, обязывающей обеспечивать возможность осуществления прав «лицам, участвующим в производстве процессуальных действий», в части затрагиваемых их интересов, могут истолковываться заинтересованными участниками в свою пользу.

4. К числу проблем регулирования статуса участников проверки сообщения о преступлении также следует отнести отсутствие решения по вопросу о допустимости и пределах процессуального принуждения, применяемого к этим лицам в связи с получением образцов для сравнительного исследования при проведении экспертизы.

Считаем, что применение принуждения в ходе проверки сообщения о преступлении должно осуществляться только в тех случаях, когда получение образцов для сравнительного исследования у участников проверки диктуется объективной необходимостью закрепления следовой или иной значимой информации или в проведении судебной экспертизы.

5. Что касается возможности получать заключение эксперта на стадии доследственной проверки в разумный срок, то указанные правомочия носят в большей степени декларативный характер. Закон не определяет «границы разумности» этого срока, за исключением отдельных видов экспертиз, и не предусматривает ответственность за его нарушение. Проведение разного рода экспертных исследований по объективным причинам не может быть ограничено сроками проверки сообщений.

6. Поскольку судебную экспертизу проводит эксперт, он и несет полную ответственность за результаты исследования. При этом законодательством не предусмотрена уголовная ответственность эксперта за дачу заведомо ложного заключения на этапе проверки сообщения о преступлении.

Согласно ст. 25 Федерального закона от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в заключении эксперта или комиссии экспертов должно быть отражено и предупреждение эксперта об ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Полагаем, что норма материального (уголовного) закона должна подлежать скорейшему приведению в соответствие со ст. 144 УПК РФ.

Таким образом, исследование нами перечисленных проблем свидетельствует о необходимости нормативного регулирования назначения и производства судебной экспертизы в ходе проверки сообщения о готовящемся либо совершенном преступлении, чтобы обеспечить единство правоприменительной практики, защиту прав и законных интересов личности.

Мазовка А. С.

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ 3D-ТЕХНОЛОГИЙ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Развитие современного общества характеризуется ощутимым ростом достижений науки и техники. Сегодня активно внедряются 3D-технологии в различные сферы жизнедеятельности человека (медицину, строительство, маркетинг, машиностроение и т. д.).

Современными учеными также изучаются возможности указанного направления в криминалистике и судебной экспертизе. Так, исследованием применения 3D-моделирования при осмотре места происшествия занимаются Е. В. Прокофьева, О. А. Баринова, О. Ю. Прокофьева, К. В. Ярмук; метод виртуальной реконструкции места пожара с применением трехмерного моделирования при производстве пожарнотехнических экспертиз изучается С. Ю. Поповым; в работах А. С. Абрамова, А. М. Зинина, А. А. Долгова, Danilo DeAngelis, Remo Sala, Angela Cantatore, Marco Grandi, Cristina Cattaneo рассматривается использование трехмерных компьютерных моделей лица при проведении портретных экспертиз идентификации личности; В. Ф. Енгальчев, Е. В. Пискунова исследуют новые возможности технологии 3D-моделирования в судебной психологической экспертизе и др. Кроме того, разработаны современные программные и технические продукты с возможностями 3D-моделирования и 3D-сканирования, такие как комплекс трехмерного моделирования и портретных идентификационных исследований «ДИНА 2», автоматизированная баллистическая идентификационная система «Арсенал» (ЗАО «системы Папилон») с функцией просмотра трехмерного изображения дна гильзы при кодировании, лазерный самопозиционирующийся ручной 3D-сканер ZScanner 800 и высокоточный оптический 3D-сканер Breuckmannstereo SCAN 5MP и др. [1].

В связи с высоким доказательственным значением идентификации личности по папиллярным узорам рук в дактилоскопии и дактилоско-

пической экспертизе также стоит вопрос об использовании возможностей 3D-технологий, в частности при изготовлении искусственных папиллярных узоров. На сегодняшний день могут применяться следующие способы (технологии) изготовления моделей искусственных папиллярных узоров: использование пластических масс; метод фотолитографии; фотополимерный способ; лазерное гравирование на резине; флеш-технология; вулканизация резины с матриц, полученных на основе использования твердых фотополимерных композиций [2].

Первый в мире объемный 3D-печатный отпечаток пальца под названием «фантом» в марте 2014 г. создала группа ученых из Мичиганского государственного университета под руководством Энила Джэйна. Им удалось разработать метод переноса двухмерного изображения отпечатка пальца на трехмерную поверхность [3]. Необходимо отметить, что в 2016 г. мной совместно с одним из разработчиков первого белорусского 3D-принтера А. Гаврильчиком на базе РУП «Новые оптоэлектронные технологии» технопарк Белорусского национального технического университета также была предпринята попытка изготовить 3D-печатную модель искусственного папиллярного узора пальца руки из АБС-пластика. Процесс создания данной модели состоял из следующих стадий: получение отпечатка папиллярного узора; создание плоскостного изображения отпечатка папиллярного узора; преобразование в трехмерное изображение; печать на 3D-принтере модели искусственного папиллярного узора. Качество полученной 3D-печатной модели искусственного папиллярного узора зависит от характеристик используемого программного и технического оборудования для 3D-моделирования и 3D-печати. В частности, используемый в нашем случае диаметр сопла печатающей головки 0,5 мм позволил изготовить модель в масштабе 2:1 с максимально точным воспроизведением общих и частных признаков строения папиллярных узоров (поро-эджеоскопические признаки утрачены). Использование в 3D-принтере меньшего диаметра сопла печатающей головки позволит изготовить модель меньшего масштаба и наиболее точно воспроизвести детали строения папиллярных узоров.

Таким образом, в рамках дальнейшего углубленного исследования возможностей 3D-моделирования и 3D-печати при изготовлении моделей искусственных папиллярных узоров особую важность приобретают следующие направления: изучение возможности создания моделей в масштабе 1:1, выявление диагностических признаков 3D-печатной модели искусственного папиллярного узора и разработка методических рекомендаций по дифференциации следов пальцев рук человека и фальсифицированных следов, нанесенных 3D-печатными моделями искусственных папиллярных узоров.

Список использованных источников

1. Прокофьева, Е. В. Применение метода 3D моделирования при осмотре места происшествия / Е. В. Прокофьева, О. А. Барина, О. Ю. Прокофьева // Юридическая наука и правоохранительная практика. – Тюмень : ГОУ ВПО «ТЮИ МВД России», 2016. – № 1(35). – С. 149–155.

2. Ефременко, Н. В. Установление факта фальсификации следов рук / Н. В. Ефременко, А. С. Башилова // Вестник Полоцкого государственного университета: Серия D. «Экономические и юридические науки». – Новополоцк : ПГУ, 2014. – № 10. – С. 87–93.

3. Шалаев, В. В Мичиганском Университете была создана первая в мире объемная 3D-печатная модель отпечатка пальца [Электронный ресурс] / В. Шалаев // 3D-wiki : Новости. – 2014. – Режим доступа: <http://3D-wiki.ru/v-michiganskom-universitete-byla-sozdana-pervaya-v-mire-obemnaya-3D--pechatnaya-model-otpechatka-palca/>. – Дата доступа: 26.04.2017.

Мороз И. А., Орехова Е. П.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТИПОВОЙ МЕТОДИКИ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В специальной литературе активно обсуждаются проблемы, связанные с формированием типовой методики экспертного исследования: Впервые вопрос о необходимости выделения частных методик как вида был поднят в 70-е гг. прошлого столетия А. И. Винбергом и А. Р. Шляховым. Необходимость формирования типовых методик экспертных исследований ряд авторов (например, М. Я. Макаров, Е. Р. Россинская, А. Р. Шляхов) видит в решении определенной экспертной задачи, получении новой информации об объекте исследования; расширении объема представляемых следствию и суду фактических данных, основанных на возможности решения новых задач; исследовании новых объектов; сокращении сроков производства экспертиз, материальных и трудовых затрат; уменьшении количества нерешенных вопросов, повышении научного уровня и полноты решения экспертных задач.

Практическая значимость формирования типовых методик экспертных исследований обуславливается, во-первых, возможностью сократить сроки производства судебных экспертиз за счет использования экспертом уже имеющихся разработанных научно обоснованных методик экспертного исследования. Во-вторых, использование типовых методик обеспечивает формирование единого подхода к решению экспертной задачи. В-третьих, типовые методики являются материалом, помогающим в решении нетипичных экспертных задач. Эксперт, решая такие задачи, может использовать некоторые положения типовых методик. В-четвертых, типовые методики могут применяться для обучения

стажеров эксперта. В-пятых, типовые методики облегчают работу органов, ведущих уголовный процесс, и участников уголовного процесса по анализу и оценке заключений эксперта.

В целом, следует отметить, что в условиях непрерывного увеличения объема информации, усложнения ставящихся на разрешение экспертам вопросов, увеличения количества и разнообразия объектов экспертного исследования разработка новых и совершенствование имеющихся методик экспертного исследования играет существенную роль в повышении результативности работы специалистов; улучшении условий труда судебных экспертов; расширении объема представляемых органам уголовного преследования и суду фактических данных; предоставлении возможности решения новых экспертных задач, исследовании новых объектов; сокращении количества вероятных выводов.

Формирование типовых методик экспертного исследования на сегодняшний день является одним из основных направлений научно-исследовательской работы в области судебной экспертизы.

Разработка типовой методики экспертного исследования может быть как непосредственной темой научно-исследовательской работы, так и быть одним из ее результатов.

Научно-исследовательская работа по формированию типовой методики экспертного исследования состоит из следующих стадий: подготовительной (разработка и утверждение плана), выполнение плановых заданий, внедрение методик в экспертную практику и контроля эффективности разработанной методики.

Исходным материалом для формулирования научной тематики является:

- обобщение судебно-следственной практики, поскольку применение специальных экспертных познаний при расследовании и судебном рассмотрении дел является смыслом существования судебной экспертизы;
- изучение и анализ экспертной практики для выявления тенденций развития судебной экспертизы, недостатков проведения экспертных исследований и для решения иных прогностических задач;
- выявление тенденций развития и достижений «материнских» наук;
- анализ развития уголовного законодательства;
- исследование криминологических сведений о характере развития преступности;
- изучение других источников.

При планировании необходимо определить:

- 1) задачу исследования;
- 2) предполагаемую практическую значимость, возможные способы внедрения разработанной методики в экспертную практику;

3) наличие кадровых ресурсов (специалистов необходимой квалификации, с опытом работы в соответствующей сфере деятельности и т. д.);

4) обеспеченность материальными ресурсами, оборудованием и приборной базой для выполнения задания;

5) возможности информационного обеспечения намечаемой работы;

6) этапы исследования с установлением сроков и ожидаемых результатов;

7) формы и сроки контроля за процессом и результатами выполнения задания.

На стадии *выполнения плановых заданий* полученные результаты обобщения судебно-экспертной практики, постановки опытов и экспериментов обязательно сопоставляются с научно подтвержденными данными. На основании анализа и синтеза научных и практических сведений формулируются положения типовой методики экспертного исследования.

По результатам исследования составляется научный отчет о проделанной работе, в котором не только оглашается ее результат, но и подтверждается его достоверность.

Внедрение типовой методики экспертного исследования является одним из этапов научно-исследовательской работы. Для этой цели приобретается новое оборудование, расходные материалы (в случае необходимости); специалисты овладевают новыми методами посредством самостоятельной подготовки или путем прохождения стажировок в других судебно-экспертных учреждениях; проводится ряд экспериментов для освоения новой методики и др.

Таким образом, разработка типовых методик является сложным и достаточно длительным процессом, но оправдывающим вложения трудовых и материальных ресурсов.

Нефедов С. Н.

МОДУЛИ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОМ ПРОЦЕССЕ: ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ НОВОГО РУКОВОДСТВА ИАСГ-19: 08/2014

В последние годы большинство судебно-экспертных учреждений (СЭУ) во всем мире внедряют в практику своей работы системы менеджмента качества в соответствии с требованиями международного стандарта – ISO/IEC 17025 «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий». Однако СЭУ имеют свою специфику, которая не полностью учитывается стандартом ISO/IEC 17025, поэтому Международная организация (кооперация) по аккредитации

тации лабораторий (International Laboratory Accreditation Cooperation – ILAC) разработала специальное руководство по применению стандарта ISO/IEC 17025 в деятельности СЭУ – ILACG19:2002.

Вместе с тем стандарт ISO/IEC 17025, даже с учетом ILACG19:2002, не учитывает некоторые виды работ, выполняемые СЭУ, прежде всего это работы, выполняемые на месте преступления. Наиболее подходящим для работ такого вида является стандарт ISO/IEC 17020 «Оценка соответствия. Требования к работе различных органов инспекции». В октябре 2007 г. Совместная Генеральная Ассамблея IAF (Международный форум по аккредитации) и ILAC приняла решение о разработке единого документа высшего уровня, в котором был бы реализован единый подход к процессу судебной экспертизы, и который обеспечивал бы общее руководство по совместному использованию ISO/IEC 17025 и ISO/IEC 17020.

В 2014 г. в ILAC принята новая редакция Руководства – ILAC G19:08/2014 «Модули в судебно-экспертном процессе». Руководство определяет как требования к работам, проводимым на месте преступления, так и к исследованиям и аналитической работе, проводимой в СЭУ. Согласно ILAC G19:08/2014, СЭУ может иметь одну систему менеджмента, охватывающую стандарты ISO/IEC 17020 и ISO/IEC 17025.

Построение нового руководства принципиально отличается от ILAC G19:2002, последнее повторяет структуру стандарта ISO/IEC 17025 и содержит комментарии по применению соответствующих пунктов стандарта. В Руководстве ILACG19:08/2014 реализован подход по последовательному рассмотрению этапов (модулей) судебно-экспертного процесса, начиная с работ на месте преступления и заканчивая подготовкой итогового отчета (заключения) для заказчика экспертизы.

В руководстве выделено 9 модулей.

1. Предварительное обсуждение относительно посещения места преступления.
2. Проведение первичных действий на месте преступления.
3. Разработка стратегии исследования места преступления.
4. Проведение исследования места преступления.
5. Оценка результатов исследования места преступления и определение возможности дальнейшего исследования.
6. Обработка и изложение результатов исследования места преступления.
7. Исследование, испытания и проверка предположений (включая соответствующую оценку дела).

8. Интерпретация результатов исследований и испытаний.

9. Отчет по результатам исследований и испытаний, включая обработку результатов.

Документ разработан как дополнительные рекомендации для конкретных пунктов стандартов ISO/IEC 17020 и ISO/IEC 17025 и не повторяет требования этих стандартов. Руководство содержит объяснения и разъяснения, которые определяются спецификой судебно-экспертной деятельности, и его необходимо читать одновременно с ISO/IEC 17020 и ISO/IEC 17025 соответственно.

Руководство ILAC G19:08/2014 ориентировано на распределение функций между органами следствия и экспертизы принятое в зарубежных странах (прежде всего в США и Евросоюзе), которое существенно отличается от правоохранительной практики Республики Беларусь и других стран СНГ.

Вместе с тем, по нашему мнению, отечественным криминалистам (следователям, экспертам и др.) будет полезно, познакомиться с данным документом, поэтому сотрудниками НПЦ Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь по официальному разрешению Секретариата ILAC осуществлен перевод ILAC G19:08/2014 на русский язык.

Многие понятия судебной экспертизы описываются терминами и имеют соответствующие определения, которые не совместимы в разных правовых системах и на разных языках. В связи с этим в Руководстве приведены определения многих терминов с целью обеспечения единого понимания их смысла. В версии документа на русском языке максимально сохранены содержание и стиль оригинального документа (версии на английском языке), поэтому некоторые используемые термины не соответствуют отечественной судебно-экспертной практике.

Для применения Руководства ILAC G19:08/2014 в СЭУ Республики Беларусь необходимо разработать соответствующие нормативные акты и рекомендации.

Рубис А. С., Попов Р. М.

ДОСТОВЕРНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ

Предметом изучения судебной экспертологии являются три базовые группы закономерностей: 1) закономерности судебной экспертизы как отрасли научного знания; 2) закономерности экспертной деятельности как одной из сфер практической деятельности человека; 3) закономерности решения задач экспертных исследований. Каждый из

приведенных блоков знаний в той или иной степени базируется на одной из фундаментальных закономерностей, определяющей саму суть экспертизы, – способности получать достоверное, не вызывающее сомнений, новое знание на основе ранее известной, но ограниченной по объему и содержанию исходной информации об исследуемом явлении (факте, процессе, событии). И ключевое слово здесь – *достоверность*, оценка которой применительно к судебным экспертизам является принципиальным вопросом о необходимости и возможности реального использования института специальных знаний в процессе доказывания. В связи с этим изучение проблемы достоверности экспертных исследований как источника доказательств является неотъемлемой составляющей познания общеметодологических основ судебной экспертологии.

В соответствии с действующим законодательством заключение эксперта, как и любые другие собранные по материалам и уголовному делу доказательства, не имеет заранее установленной силы и оценивается по общим правилам, путем всесторонней, полной и объективной проверки субъектами доказывания. При этом, согласно ч. 2 ст. 95 УПК Республики Беларусь, заключение эксперта не обязательно для органов уголовного преследования и суда, однако именно оно в ряде случаев рассматривается как едва ли не единственное основание для законного разрешения уголовного дела по существу. Именно поэтому и следователь, и прокурор, и судья не только могут, но и должны с особой тщательностью оценивать заключение эксперта как с точки зрения его относимости и допустимости, так и достоверности.

Тем не менее, хотя экспертное заключение и не имеет формально-юридических преимуществ по сравнению с другими доказательствами, оно характеризуется определенной спецификой, так как представляет собой умозаключение (выводы), которое основано на проведении научно обоснованного исследования с использованием инструментальных методов и специального оборудования. Поэтому природа заключения эксперта как источника доказательств такова, что для его оценки органу, ведущему уголовный процесс, приходится применять подходы, которые кардинальным образом отличаются от подходов, применяемых при оценке иных доказательств, что часто представляет для лиц, не обладающих специальными знаниями, немалую сложность.

Процесс оценки достоверности экспертного заключения прежде всего должен быть направлен на проверку хода и результатов проведенного исследования, а также установление обоснованности и аргументированности полученных выводов. Кроме того, следует иметь в виду, что изучению должны быть подвержены как формальная, так и содержательная стороны заключения эксперта, которые должны оцениваться в совокупности.

В криминалистической литературе можно встретить различные точки зрения в отношении алгоритма и наполнения «технологии» проверки формальных и содержательных аспектов заключения эксперта. Однако большинство ученых, расходясь терминологически и предлагая собственную концепцию, по сути, указывают на схожий набор действий, который не в полной мере раскрывает весь потенциал оценки достоверности экспертных исследований. С учетом имеющихся разработок, полагаем возможным предложить следующий комплекс, который в обобщенном виде состоит в следующем:

- проверка законности экспертизы, предусматривающей соблюдение процессуального порядка подготовки, назначения и проведения исследования, соответствие заключения требованиям по его оформлению (наличие всех необходимых реквизитов);
- удостоверение фактической компетенции эксперта, определяющей наличие у него соответствующих специальных знаний и опыта, необходимых для решения поставленных задач;
- определение полноты заключения и научной обоснованности выводов (соответствие количества и содержания выводов тем вопросам, которые были поставлены перед экспертом; правильность выбора и применения экспертной методики; мотивированность результатов, полученных с помощью применения тех или иных методов исследования; актуальность специальных знаний, которые были использованы для обоснования полученных результатов; характер реализованности экспертной инициативы и т. д.);
- проверка логики и алгоритма исследования (соблюдена ли должная последовательность стадий экспертизы; детерминированность полученных результатов признаками и свойствами, установленными в ходе исследования, их непротиворечивость);
- соотнесение доказательственного значения выводов эксперта с другими доказательствами по делу, установление степени их согласованности.

Внушительный перечень приведенных рекомендаций, казалось бы, предоставляет субъекту доказывания более чем достаточный и разносторонний инструментарий по оценке достоверности заключения эксперта. Однако это только в теории.

На практике, к сожалению, дело обстоит несколько иначе. В большинстве случаев оценка экспертного заключения ограничивается установлением соответствия процессуальных требований его назначения и (или) проверкой факта того, на все ли поставленные вопросы даны соответствующие ответы (выводы). По данному поводу Р. С. Белкин отмечал следующее: «Многочисленные наблюдения показывают, что

субъект оценки в состоянии лишь оценить полноту ответов на поставленные перед экспертом вопросы, но никак не правильность выбора экспертом метода исследования, его применения, полученных результатов. Даже оценка компетентности эксперта по тем данным, которые содержатся о его личности в заключении, представляется весьма условной и относительной».

Действительно, практика ставит под сомнение способность субъекта доказывания, не обладающего специальными знаниями, самостоятельно осуществлять полноценную оценку заключения эксперта. Более того, среди лиц, ведущих уголовный процесс, до сих пор бытует мнение, что работу экспертов вообще «перепроверять» не нужно. Что это, если не возвращение в позапрошлый век – к дореволюционной концепции эксперта как «научного судьи», выводы которого не подлежат сомнению? Такое положение дел представляется тупиковым путем развития как уголовного процесса, так и судебной экспертологии.

На сегодняшний день ни следователь, ни прокурор, ни судья, пользуясь предлагаемыми средствами и методами теории доказывания, не в состоянии квалифицированно оценить научную обоснованность экспертного заключения. Это обусловлено прежде всего тем, что весь объем знаний, которые вобрала в себя судебная экспертология, непрекращающийся прогресс научных разработок, усовершенствование и усложнение технических средств и методов исследования, постоянная разработка новых экспертных методик не могут быть в достаточной степени освоены ни одним человеком. Иначе мы должны будем ожидать, или даже требовать, от субъекта доказывания знания всех отраслей науки, техники, искусства или ремесла, на которых основаны современные виды экспертных исследований.

Следует признать, что проблема эта не нова. В специальной литературе последних десятилетий многими учеными предлагались различные способы и средства ее решения: осовременивание концепции неоспоримости заключения эксперта; обязательный допрос эксперта, проводившего экспертизу; привлечение на различных этапах доказывания стороннего специалиста в качестве консультанта; участие эксперта в судебном заседании; придание заключению эксперта на законодательном уровне особого доказательственного статуса; расширение практики обязательного проведения дополнительных и повторных экспертиз; внедрение в уголовный процесс так называемых проверочных, контрольных и конкурирующих экспертиз; экстраполяция в процесс доказывания знаний о психологических особенностях работы эксперта, дефектах его деятельности, экспертных ошибках и пр.

Не умаляя актуальности и перспективности некоторых из приведенных положений (отдельные представляются нам явно утопичными), следует отметить, что в большинстве своем они носят лишь декларативный характер, рассматриваются учеными разрозненно, применительно в разрешению конкретных ситуаций, что не может способствовать реальному повышению эффективности процесса оценки достоверности заключений эксперта.

В рамках теории уголовного процесса качественно изменить сложившуюся ситуацию сложно. Однако из нее можно почерпнуть сведения о том, что нужно предпринять, поставив задачу по комплексной оценке экспертного заключения, которая может быть решена только с помощью криминалистических знаний. Именно криминалистика и судебная экспертиза призваны ответить, как это сделать максимально эффективно, какие средства и методы должны быть использованы для достижения цели.

Проблема оценки достоверности экспертных заключений, пройдя определенный этап своего эмпирического развития и накопив достаточный объем практического материала, по нашему мнению, уже выходит за пределы сущности прикладных задач доказывания и переходит на уровень формирования общенаучных теоретических положений, требующих соответствующего осмысления и обоснования. Данной тенденции активно способствуют процессы интеграции и дифференциации научного знания, которые непрерывно взаимодействуют и приводят, в конечном счете, к их (знанию) интенсивному развитию. Иными словами, совокупность знаний, необходимых для решения задач по эффективной оценке заключений экспертов, должна представлять собой некий научный комплекс, объединяющий разнопредметные научные положения и характеризующий процесс использования института специальных знаний в доказывании.

Как справедливо отмечается в специальной литературе, в ходе своего развития процессы дифференциации научных знаний приводят к их интеграции, требующей взаимопроникновения и взаимодействия различных наук, синтеза научного знания. Одним из основных направлений интеграции научных знаний является формирование комплексных, междисциплинарных проблем и направлений исследований. Интеграция научных знаний является одной из фундаментальных закономерностей использования современных достижений науки и техники, что приводит к созданию базисного знания в каком-либо направлении.

По нашему мнению, одним из таких направлений являются знания в области оценки достоверности экспертных исследований. Интеграция этих знаний, их взаимодействие при решении задач доказывания позво-

лят получить качественно новое знание, основанное на объективной и всесторонней научной оценке выявляемых с помощью экспертиз фактических данных.

Мы уверены, что достоверность заключения эксперта с точки зрения надлежащего порядка получения объективных искомых фактических данных означает, что судебная экспертиза, являющаяся способом их получения, должна быть проведена в строгом соответствии не только с нормами УПК, но и с имеющимися научными разработками, должным образом апробированными методами, методиками, рекомендациями, информация о чем должна быть в полной мере не только доступна, но и понятна субъектам оценки.

В силу этого возникает настоятельная необходимость обязательно интегрирования современных научных знаний как в процесс судебно-экспертных исследований, так и в ход процессуальной реализации имеющихся или полученных научных результатов. Требуется детерминировать искомый процессуальный результат по делу с обязательным, если нужно, использованием достижений науки в виде проведения судебно-экспертных исследований, что в свою очередь детерминирует обязанность следователя каждый раз с достоверностью убеждаться в том, что эксперт в своей работе использует только должным образом апробированные и репрезентативные методы исследования. Именно это знание в значительной степени и делает судебную экспертизу инструментом доказывания, именно оно поможет оценить содержательную сторону заключения эксперта: компетентность эксперта; научную обоснованность, полноту, всесторонность и объективность исследования; правильность сделанных выводов; логичность умозаключений эксперта; соответствие выводов промежуточным исследованиям и всему исследованию в целом; их непротиворечивость и т. д.

Таким образом, только применение системного подхода к оценке доказательств в целом и оценке достоверности судебно-экспертных исследований в частности искоренит сложившуюся среди правоприменителей практику, когда субъекты доказывания при оценке достоверности заключения судебного эксперта перестанут брать его на веру, а начнут реально оценивать его в строгом соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Реализация такого подхода возможна только путем разработки междисциплинарного научного направления – учения, базирующегося на положениях теории доказывания, криминалистических знаниях о доказательствах и понимании достоверности экспертных исследований как неотъемлемой составляющей общеметодологических основ судебной экспертологии.

Раздел VI. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: НАУЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Вишневская В. П.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В настоящее время проблемам психологического обеспечения расследования преступлений уделяется достаточное внимание. Вместе с тем не потеряли свою актуальность, в частности, такие вопросы, как: составление психологического портрета личности, группы; использование эффективных моделей профессионального общения; использование современных (нетрадиционных) психотехнологий.

В аспекте рассматриваемой проблемы следует обратить внимание на дискуссионный характер вопросов, касающихся составления психологического портрета личности, группы (детализации его структуры, полноты и т. д.).

Неоднозначность в оценке психологического портрета личности продиктована также широтой его типологизации. Результаты проведенного теоретического анализа рассматриваемой проблемы свидетельствуют о том, что психологические портреты могут быть классифицированы: по целевому назначению; категории специалистов, для которых они предназначены; количеству описываемых людей; исходной информации; способу получения информации; методу изучения личности; структуре; способу выделения структуры и т. д.

Результаты анализа современного состояния обозначенной проблемы, проведенного Е. С. Черкасовой, свидетельствуют о возрастающем интересе представителей юридической и оперативной психологии к психологическому портрету личности, в контексте рассмотрения профайлинга; а именно, создания психологического профиля неустановленного лица, совершившего насильственное преступление, технологии наблюдения и опроса пассажиров в ходе предполетного досмотра с целью выявления потенциально опасных лиц при авиаперелетах [2].

На основании анализа представленных в научной литературе данных следует вывод о том, что имеет место:

а) неоднозначность теоретико-методологических подходов к составлению психологического портрета личности у представителей различных научных школ;

б) широкий диапазон типологизации психологических портретов, который оказывает существенное влияние на формирование многова-

риативности в понимании процесса его составления и дальнейшего практического использования;

в) научная полемика относительно: структуризации, рефлексии, психологического моделирования, психологической интерпретации при составлении психологического портрета личности;

г) недостаточное освящение в научной литературе вопросов валидации, релевантности психологического, социально-психологического портрета описываемой личности, группы и т. д. [1].

В связи с этим на практике сотрудники-профессионалы используют эклектический подход, способствующий эффективному решению поставленных профессионально-служебных задач.

В рамках рассматриваемой проблемы следует обратить внимание на то, что в международной практике, в целях повышения уровня профессионализма специалистов силового блока, успешно используется система специальных тренингов (многоступенчатая специальная психологическая подготовка), которая включает и отработку навыков составления психологического, социально-психологического портрета личности, группы.

На основании анализа практического опыта сотрудников-профессионалов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, следует сделать вывод о целесообразности в процессе повышения квалификации вышеуказанной категории специалистов использования:

- современных, эффективных ситуативно-образных психотехнологий, например, ситуативно-образного психорегулирующего тренинга и др.;
- широкого перечня манипулятивных и антиманипулятивных психотехник, в основу которых заложены разнообразные стратегии профессионального общения;
- банка описанных экстремальных ситуаций в оперативно-розыскной деятельности, включая современные данные;
- современных тренинговых психотехнологий, направленных на обеспечение эффективности ролевой, этнокультурной коммуникативной компетентности специалистов;
- ряда других специальных прогрессивных технологий, обеспечивающих успешное решение профессионально-служебных задач в рамках ОРД.

Список использованных источников

1. Вишневская, В. П. Современные подходы к составлению социально-психологического портрета личности [Электронный ресурс] / В. П. Вишневская, Е. И. Сутович // Современные проблемы прикладной юридической психологии : материалы I Респ. науч.-практ. конф., Минск 23 нояб. 2016 г. / редкол.: И. А. Фурманов (отв. ред.) [и др.]. – Электрон. дан. (17,1 Мб). – Минск : Изд. центр БГУ, 2016. – С. 23–28. (1 электрон. опт. диск (CD-ROM)).

2. Черкасова, Е. С. Психологический портрет лица, совершившего насильственное преступление – профайлинг как современное направление психологической науки [Электронный ресурс] / Е. С. Черкасова. – 2013. – Режим доступа: http://www.rusnauka.com/26_WP_2013/Psihologia/7_144300.doc.htm – Дата доступа: 25.02.2016.

Ермолович Д. В., Сечко И. В.

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДОВ ПРОФАЙЛИНГА В КРИМИНАЛИСТИКЕ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Новые технологии из различных научных отраслей постоянно обогащают содержание криминалистики и оперативно-розыскной деятельности, повышая эффективность классических форм работы. Аналогичный процесс развития характерен и для криминальных элементов современного общества. В связи с этим сотрудникам правоохранительных органов не всегда удастся раскрыть преступления с помощью ранее апробированных классических методов.

Бесспорно, на современном этапе существует объективная целесообразность в использовании не только классических методов криминалистики и оперативно-розыскной деятельности по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, но и методов, заимствованных и адаптированных из современной психологической науки. Речь идет о применении в криминалистике и розыскной деятельности технологий профайлинга.

Характерологические особенности личности участвуют в формировании индивидуального стиля поведения, который внешне проявляется в привычной для данной личности форме активности. Другими словами, между внутренними психофизиологическими реакциями и внешними поведенческими проявлениями существует прямая закономерность. Исходя из данной закономерности, можно определить содержание «профайлинга».

Так, под «профайлингом», на наш взгляд, следует понимать совокупность психологических методов и методик оценки и прогнозирования поведения человека на основе анализа его наиболее информативных признаков и характеристик внешности, дающих возможность получения объективной информации через вербальные и невербальные компоненты, использующиеся в межличностном общении, и позволяющие определять нетипичные изменения в поведении, направленные на сопротивление установлению объективной истины. Данное условие объясняет высокую практическую эффективность профайлинга при составлении

психологического портрета (профиля) в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Наблюдая за лицом, участвующим в следственных действиях, и подвергая анализу информацию, транслируемую им через поведение, жестикуляцию, мимику, эмоциональные проявления речи, «сотрудник-профайлер» получает информативные маркеры, позволяющие изобличить преступника и раскрыть преступление.

Важным направлением деятельности «профайлера» может быть консультирование сотрудников оперативно-розыскных и следственных органов по вопросам обнаружения и задержания преступника. Обладая данными о личностных и поведенческих особенностях преступника, образе его жизни и способах реагирования в различных ситуациях, «профайлер» может смоделировать ситуацию, в которой вероятность обнаружения и задержания преступника будет максимально высокой.

На сегодняшний день во многих странах метод профайлинга широко используется на стадии проведения предварительного расследования совершенных преступлений. В структуре правоохранительных органов зарубежных государств (например – Израиль) создаются отделы, в которых работают сотрудники, имеющие профессиональные навыки составления психологического профиля преступника в соответствии с принятыми стандартами. Данный опыт свидетельствует о том, что применение метода профайлинга увеличивает вероятность раскрытия преступлений и способствует их профилактике. Криминальный профиль может обладать определенной юридической силой (розыскная ориентировка), а иногда является единственным основанием для задержания подозреваемого. На наш взгляд, достоинствами данного метода является достаточно высокая степень надежности и широкие возможности применения.

Применение профайлинга может стать элементом системы психологического сопровождения оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса.

В нашей стране метод профайлинга, как перспективное направление, постепенно внедряется в практику выявления и расследования преступлений.

Подводя итог, можно отметить ряд направлений для повышения эффективности применения данного метода, а именно:

- создание информационной базы (видеотека поведения лиц участвующих в уголовном процессе);

- совершенствование форм профессиональной подготовки специалистов правоохранительных органов, участвующих в оперативно-розыскной деятельности, административном и уголовном процессе.

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО
ПРИ МОШЕННИЧЕСТВЕ НА ВТОРИЧНОМ РЫНКЕ
ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ**

Статьей 48 Конституции Республики Беларусь за каждым закрепляется право на жилище. Данное положение является одним из основных конституционных принципов, относящихся к основополагающим правам человека и гражданина. Право на неприкосновенность жилища охраняется уголовным законодательством, устанавливающим ответственность за общественно опасные деяния преступников, направленные на завладение жилой недвижимостью граждан. Вместе с тем имеют место случаи неправомерного завладения жилищем граждан либо денежными средствами, полученными от его реализации, совершенного путем мошенничества. Наиболее часто данный вид мошенничества совершается на вторичном рынке жилой недвижимости, под которым понимается рынок жилых помещений, которые уже имели владельцев, чье право собственности было зарегистрировано в Едином государственном регистре недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним. Для указанного способа мошенничества характерна цепочка смен предыдущих владельцев. Особый интерес для своевременного предупреждения, раскрытия и расследования данного вида мошенничества представляет изучение личности потерпевшего, пострадавшего от противоправных действий злоумышленников, а также факторов поведения «жертв», облегчающих совершение противоправного деяния. Анализ судебной, а также следственной практики показывает, что во многих случаях мошеннические действия осуществляются в отношении наиболее уязвимых, незащищенных слоев населения. К ним относятся прежде всего лица, злоупотребляющие алкоголем либо наркотиками, лица, ведущие асоциальный образ жизни. В отношении указанной категории лиц наиболее часто используются схемы, при которых злоумышленники, подыскав подходящего человека, страдающего алкогольной либо наркотической зависимостью, входят к нему в доверие, начинают проводить с ним время, постоянно предоставляя спиртные напитки, наркотические вещества, тем самым поддерживая состояние человека, при котором он не осознает в полной мере происходящее с ним и совершает заведомо невыгодные для себя юридические действия по отчуждению своего жилого помещения. В данном случае преступники пользуются беспомощным состоянием потерпевших, вызванным наркотическим или алкогольным опьянением, и в силу непонимания с их стороны сложившейся ситуации, склоняют их к подписанию любых документов. Для лиц ука-

занной категории характерна внушаемость психики, изменение этических и моральных устоев, ослабление мыслительных возможностей, неумение прогнозировать последствия своих действий, утрата норм социального поведения. Следует отметить, что вышеуказанная категория лиц чаще всего становится жертвами мошеннических действий по завладению жилой недвижимостью, однако не является исчерпывающей.

Реже данного рода мошенничества совершаются в отношении добросовестных граждан, которые могут как реализовывать свое жилое помещение, так и осуществлять приобретение такового, а также пожилых и одиноких людей, ставших жертвами преступных посягательств по ряду причин, связанных в первую очередь с особенностями их виктимного поведения. В связи с этим интерес также представляет анализ факторов поведения самих потерпевших, способствующих совершению в отношении них мошенничества:

Излишняя доверчивость по отношению к малознакомым людям. В данном случае доверчивость может проявляться в передаче денежных средств от реализации жилой недвижимости, а также оставление залога за сделку с недвижимостью без документального оформления, доверие к лицам, которые представляются, а также возлагают на себя полномочия сотрудников нотариальных контор, агентств недвижимости, регистрирующих органов. Юридическая безграмотность граждан является фактором, способствующим совершению мошенничества. Как правило, юридическая безграмотность проявляется в незнании норм законодательства, регламентирующего порядок заключения сделок по отчуждению жилого недвижимого имущества, правил нотариального удостоверения сделок, с обязательным при этом присутствием, их последующей регистрацией, неумении различить поддельные правоустанавливающие документы при покупке жилой недвижимости, в неосторожном обращении с правоустанавливающими документами, а также документами, удостоверяющими личность потерпевшего. Данное поведение может выражаться в небрежном хранении договоров дарения, купли-продажи, наследования, приватизации, передачу их злоумышленникам, которые в последующем имеют возможность осуществить сделку по реализации жилого помещения без ведома потерпевшего, а также с использованием документа, удостоверяющего его личность, в невнимательности потерпевшего при совершении юридически значимых действий. В данном случае речь идет об игнорировании в ознакомлении с условиями и порядком заключаемой сделки, природы и последствий ее заключения. Так, например, зачастую потерпевший под воздействием обмана со стороны злоумышленников, вносит свою подпись не в договор купли-продажи, а в доверенность, наделяющую их полным правом по распо-

ряжению жилой недвижимостью. Имеют место случаи подмены договоров аренды на договор дарения, с использованием преступных полномочий нотариуса, удостоверяющего такую сделку.

На современном этапе развития общественных отношений все более изощренными становятся преступные посягательства на правоотношения в сфере жилой собственности. При этом зачастую жертва мошенничества может сама способствовать совершению в отношении нее противоправных действий. Изучение личности потерпевшего при мошенничестве на вторичном рынке жилой недвижимости позволит определить основные направления предупреждения и противодействия данному негативному явлению, выработать наиболее эффективные и действенные меры по определению круга лиц, которые могут выступать потенциальными жертвами данного вида преступлений.

Ковальчук А. А.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ХИЩЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕКВИЗИТОВ БАНКОВСКИХ ПЛАТЕЖНЫХ КАРТОЧЕК

Многообразие возможностей современных информационных технологий, в том числе глобальной сети Интернет, включающих доступность, простоту и удобство эксплуатации, относительную анонимность пользователей, нередко подталкивает людей к преодолению психологических и морально-ценностных барьеров, прочных в реальном мире, и совершению различного рода противоправных деяний в виртуальном пространстве. Данный факт обуславливает существование ярко выраженной проблемы, связанной с достаточно широким применением программно-технических средств как при подготовке и совершении преступлений, так и с целью ухода от ответственности, и, в частности, для противодействия правоохранным органам. Более того, стремительность развития информатизации влечет возникновение новых видов и способов совершения преступлений. В связи с этим стоит отметить динамику эволюционных процессов, происходящих в сфере кардинга, представляющего собой хищение денежных средств со счетов банковских платежных карточек (далее – БПК).

Анализ тенденций в области указанной преступной деятельности позволяет выделить в качестве приоритетного способа совершения такого рода преступлений использование реквизитов БПК. При этом современная оперативно-розыскная практика показывает, что завладение сведениями о реквизитах БПК и непосредственное использование данной информации с целью хищения денежных средств далеко не всегда

осуществляется одним и тем же лицом. На сегодняшний день в глобальной сети посредством различных интернет-форумов, именуемых кардерскими, весьма успешно реализуется теневой бизнес с немалым денежным оборотом, представленный международным сообществом, достаточно организованным, с децентрализованным управлением, в котором преступники выступают как самостоятельные субъекты, так и, поддерживая связь друг с другом, выполняют определенные функции.

Изучение оперативно-розыскного опыта подразделений по раскрытию преступлений в сфере высоких технологий Министерства внутренних дел Республики Беларусь позволяет выделить три группы лиц, действовавших в сфере кардинга:

- администраторы кардерских интернет-форумов;
- «вендоры» (от англ. vendor – продавец, поставщик);
- рядовые кардеры.

Администратор интернет-форума, обладая всей полнотой необходимой информации, выступает гарантом проведения кардерских сделок, от которых имеет определенный доход, разрешает споры, возникающие между участниками сделок, регулирует состав членов форума. Кроме того, данное лицо может также самостоятельно принимать участие в сделках.

«Вендоры» – это лица, размещающие объявления на форуме о предоставлении различных услуг в сфере кардинга, в зависимости от вида которых их можно разделить на следующие категории:

- продавцы дампов БПК – занимаются продажей реквизитов БПК с различными персональными данными их держателей;
- лица, осуществляющие разработку сайтов, различных программных продуктов, используемых в дальнейшем при совершении хищений;
- лица, предоставляющие услуги по подмене IP-адреса злоумышленника, совершающего хищения, с целью его анонимизации;
- лица, обеспечивающие «callservice» – осуществляют подтверждающие звонки от имени держателей карточек в банковские учреждения и объекты торговли с целью совершения хищения;
- лица, предоставляющие услуги по изготовлению поддельных почтовых ярлыков, необходимых для международной пересылки товаров (вещевой кардинг) и обеспечивающих существенное снижение стоимости данного процесса;
- лица, организующие «дроп-сервис» – руководят штатом людей («дропов»), которые, выступая посредниками, принимают на свое имя или адрес похищенные денежные средства или имущество и осуществляют их дальнейшую пересылку;

- «обменники» – предоставляют услуги по выводу, зачислению или обмену электронных денежных средств;
- «скупщики» – организуют скупку похищенного имущества по ценам ниже номинальной стоимости для последующей его реализации.

Рядовые кардеры – это лица, непосредственно осуществляющие хищения с использованием реквизитов БПК.

Большая часть приведенной терминологии не встречается в известной литературе. Однако целесообразность введения данной лексики в широкий обиход связана с тем, что среди правоохранителей, осуществляющих борьбу с различными противоправными проявлениями в области кардинга, как в Республике Беларусь, так и за ее пределами, она является общепринятой и общеупотребительной. Кроме того, необходимость владения вышеуказанной терминологией обусловлена тем, что ряд из них нередко встречается на различных форумах, а также в специфической с лексической точки зрения переписке кардеров.

Таким образом, понимание процессов, происходящих в сфере рассматриваемой преступной деятельности, психологии лиц, задействованных в ней, и функций, которые они выполняют, является неотъемлемой составляющей грамотного противодействия хищениям, совершаемым с использованием реквизитов БПК, влияющей на его эффективность.

Копотун И. Н.

СИСТЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГЕРМАНИИ

Важнейшей составляющей полицейского менеджмента в Германии является целенаправленное психологическое обеспечение полицейской деятельности. Как уже отмечалось ранее, практически во всех землях Германии существует сеть психологических служб полиции.

Наиболее показательной, на наш взгляд, является деятельность Центральной психологической службы полиции Баварии. История Психологической службы Баварии началась 40 лет назад в полицейском президиуме Мюнхена.

Начальник полиции на тот момент профессор доктор Манфред Шрайбер добился, чтобы на службе при полицейско-президиуме состоял отраслевой психолог.

1 января 1964 г. к исполнению обязанностей психолога приступил доктор Рольф Умбах, который в последующие годы основал первую в немецкой полиции психологическую службу.

Конечно же, создание психологической службы было совершенно закономерным следствием развития общества в послевоенное время. В

пятидесятые и начале шестидесятых годов прошлого столетия мюнхенская полиция работала с гражданами, которые все больше осознавали свои демократические права.

Столкновения граждан с полицией проявлялись и в повседневной деятельности полиции, особенно во время акций протеста и демонстраций.

Мюнхенская полиция с ее представлениями о своих сугубо карательных функциях не соответствовала уровню демократического развития общества. Она была, как выразился позже один из руководителей полиции Франц Хаймерль в докладе в полицейском институте Хильтруп в 1970 г., подвержена одностороннему мышлению, которое достигало высшей точки, например, в тезисе: «не может быть ничего того, что не разрешено».

Печальный опыт с хулиганствующей эмансипированной молодежью и наряду с этим опыт общения со свободными гражданами свободной страны дали решительный импульс к созданию психологической службы в Мюнхенской полиции.

Намерение ввести психологическую службу для Мюнхенской городской полиции имело, в частности, три мотива.

Во-первых, она была призвана устранить напряжение, возникшее в отношениях полиции и граждан, не силовыми, а психологическими средствами.

Во-вторых, появилась масса психологических исследований в мировой психологической науке, которые ранее полиции были неизвестны.

И, наконец, неоспоримым является тот факт, что одновременно с этими новыми знаниями, которые были получены в области психологии, психиатрии и психосоматики, приходят новые представления о закономерностях развития психики и личности в целом, которые можно и нужно использовать в полицейской деятельности.

Первоначально задачами психологической службы считали:

1. Консультации полицейского руководства по всем психологическим вопросам повседневного, а также кризисного управления персоналом.

2. Улучшение рабочего климата в подразделениях полиции. Психолог считался связующим звеном в иерархически разделенной организации, который должен был служить способом обратной связи для руководства подразделений.

3. Преподавание в школах полиции. Психолог должен был донести до служащего мысль, что при исполнении служебных обязанностей он не должен быть слишком сильным или мягким, а в любой ситуации находить адекватное ситуации решение.

4. Проведение обучающих семинаров для руководителей о законах развития групповой динамики и методах психологически грамотного управления коллективом. Обязательным было участие психолога в разработке тактики работы полиции во время массовых мероприятий.

5. Работа в полицейских округах с участием в служебных занятиях и совещаниях, где в обязанности психолога входило диагностирование возникающих в подразделениях полиции проблем.

6. Способствование изучению правил уличного движения в школах.

7. Рассмотрение в правовом отделе президиума жалоб населения. После чего психолог вместе с полицейскими практиками должен был разрабатывать концепцию предотвращения в будущем таких жалоб и претензий граждан.

8. Научные исследования.

В 1975 г. встал вопрос о преобразовании психологической службы городской полиции Мюнхена в Центральную психологическую службу Баварской полиции (далее – ЦПС) при полицейско-президиуме г. Мюнхена. С тех пор задачи психологической службы радикально изменились.

Собственно психологическое сопровождение службы и использование тренингов в Баварии начинается уже в учебных заведениях полиции с изучением предмета «Профессиональная коммуникация, конфликтология». Принципом обучения является тот, что современный полицейский должен получить в процессе образования не только профессиональные правовые и тактические знания, но и психологическую подготовку для квалифицированной работы с населением. Наряду с коммуникативными навыками от полицейского требуется определенная психологическая компетенция при решении конфликтных ситуаций. Цель преподавания предмета – не готовые «рецепты» общения с гражданами, полицейский должен научиться адекватно реагировать на возникающие проблемы, чтобы для их решения применять прежде всего психологические и коммуникативные средства, соответствующие конкретной ситуации.

Наряду со знаниями о преодолении стресса, разрешении конфликтов огромное внимание уделяется формированию и развитию навыков активного слушания, методике постановки вопросов, приемам аргументации.

Теоретические занятия, тесно связанные с практикой, дают стойкие навыки распознавания причин конфликтов и умения снимать возникшее в конфликте напряжение. Речь идет прежде всего об отношениях полиции и граждан, которые зачастую не осведомлены о правовых нормах и ко-

торым не всегда бывают понятны те или иные требования полицейских. В первую очередь полицейских учат понимать мотивы поведения граждан, управлять конфликтом, владеть своими эмоциями и держать ситуацию под контролем.

Для достижения оптимального уровня усвоения этих тем, на занятиях используется тренинг с обязательной видеосъемкой и последующим анализом его результатов. Тренинг обязательно проводится в условиях, максимально приближенных к реальным и наиболее типичным служебным ситуациям.

ТВР состоит из четырех модулей, которые проводятся ежегодно.

В первом модуле тренинга основное внимание уделяется темам «Восприятие и саморефлексия», «Социальная компетенция руководителя», «Коммуникация и обратная связь».

Темы второго модуля: «Управление стрессом», «Работа с группой и формирование команды».

Третий модуль полностью посвящен вопросам самомотивации и мотивации персонала.

Четвертый модуль предусматривает углубление знаний и умений, полученных в первых трех модулях. Основное внимание уделяется перенесению опыта, полученного на тренинге, в повседневную деятельность руководителя. Таким образом, Институт повышения квалификации и Центральная психологическая служба получают возможность осуществлять мониторинг и психологическое сопровождение руководителей в течение трех лет с момента их назначения.

Все модули взаимосвязаны, и работа при прохождении каждого последующего обязательно начинается с беседы о том, что конкретно из изученного ранее удалось воплотить в практику на рабочем месте за прошедшее после тренинга время.

Таким образом, системное психологическое обеспечение служебной деятельности привело к созданию конструктивных и демократичных взаимоотношений внутри полиции, дало возможность увеличить производительность труда всего персонала за счет удовлетворенности своей работой, осознания персональной ответственности каждого за выполнение заданий, умения принимать кооперативные решения и нестандартно мыслить.

Систематическое проведение различных тренингов с разными категориями служащих полиции способствует оптимизации процесса их обучения, сокращая его сроки, позитивно влияет на профессиональную адаптацию и карьеру полицейских, их личностную и творческую реализацию.

Крамаренко В. П.

О НЕКОТОРЫХ ДЕТЕРМИНАНТАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА, В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Одной из насущных проблем в сфере правоприменительной деятельности на сегодняшний день, требующей своего разрешения, является проблема правового нигилизма.

Правовой нигилизм (от лат. nihil – ничто, ничего) – отрицание права как социального института, системы правил поведения, которая может успешно регулировать взаимоотношения людей.

Исходя из особых задач деятельности следственных подразделений МВД РФ, направленной не только на раскрытие и расследование преступлений, но и на их предупреждение, каждый следователь должен знать, соблюдать уголовно-процессуальный закон и подзаконные нормативные акты.

Предпринимаемые нами исследования показывают, что в связи с так называемым совершенствованием системы высшего образования, среди детерминантов правового нигилизма преобладающим является наблюдающийся средний и ниже среднего уровень профессиональной, морально-этической и психологической подготовки следователей. Конечным итогом месячного или двухмесячного (взамен годового или двух годовичного курса) изучения дисциплин, формирующих основы профессионализма, является непонимание, незнание, а порой и отрицание предписаний применяемых норм уголовного и уголовно-процессуального права, а также криминалистических рекомендаций по тактике производства следственных действий и методике расследования отдельных видов преступлений.

В исследуемой ситуации факторами, детерминирующими проявление пренебрежительно-нигилистического отношения, порой выступают корыстные интересы, доминирующие в мотивационной составляющей принятия решения.

К детерминантам правового нигилизма в данной сфере человеческой деятельности относится и профессиональная деформация.

Профессиональная деформация – когнитивное искажение, психологическая дезориентация личности, формирующаяся из-за постоянного давления внешних и внутренних факторов профессиональной деятельности и приводящая к формированию специфически-профессионального типа личности.

Рассматривая связь между индивидуально-психологическими особенностями и формированием правового нигилизма и профессиональ-

ной деформации, следует в первую очередь говорить о темпераменте, характеризующем личность следователя со стороны динамики психических процессов.

Наиболее подвержены профессиональной деформации люди с меланхолическим типом темперамента (из-за слабости нервных процессов возбуждения и торможения – нервная система быстро утомляется и не выдерживает больших и длительных нагрузок), а также с холерическим типом темперамента (из-за риска быстрого эмоционального «выгорания»). Не следует забывать, что фактически ярко выраженных типов темперамента в природе почти не существует, а присутствуют комбинации, включающие в себя сочетание определенных типов темперамента.

Профилактика профессиональной деформации представляет собой совокупность предупредительных мероприятий, ориентированных на снижение вероятности развития предпосылок и проявлений профессиональной деформации. Необходимо осваивать техники управления сознанием, развивать умение переключаться с одного вида деятельности на другой, укреплять силу воли, а главное, не заикливаться на стереотипах, стандартах, шаблонах и действовать по ситуации в реальном времени, исходя из непосредственных условий.

Стоит помнить, что психологическая подготовка следователей, также необходима и обязательна, как и правовая.

Преодоление правового нигилизма весьма сложный и длительный процесс.

Среди основных направлений в преодолении правового нигилизма среди сотрудников следственных подразделений, с нашей точки зрения, необходимо обозначить:

- принятие на работу следователями лиц, имеющих высшее профессиональное юридическое образование с соответствующей квалификацией;
- возвращение к образовательным системам, обеспечивающим высокую профессиональную подготовку следователей;
- совершенствование системы повышения квалификации и переподготовки следователей;
- проведение семинаров, направленных на повышение уровня общей и правовой культуры, пропаганды правосознания, правового просвещения, правового воспитания с привлечением соответствующих специалистов/экспертов;
- проведение профилактических мероприятий, направленных на предупреждение административных и иных проступков и правонарушений, но только при выполнении, но и вне профессиональной деятельности;

- проведение служебных совещаний, направленных на формирование и поддержание уважительного отношения к личности гражданина и человека, обеспечение защиты прав и свобод личности, соблюдение законности, правопорядка, государственной и служебной дисциплины.

Кубарев И. В.

О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНТАКТЕ ПРИ ДОПРОСЕ

Допрос, как известно, является наиболее распространенным следственным действием, без которого не обходится ни одно досудебное расследование. Различные его аспекты неоднократно становились предметом научных исследований, однако некоторые из них остаются изученными недостаточно и требуют дальнейшей теоретической разработки с целью совершенствования криминалистических рекомендаций. К таким относится проблема психологического контакта при проведении допроса.

Попытки сформулировать понятие психологического контакта при допросе предпринимались криминалистами и специалистами юридической психологии, однако однообразного понимания до настоящего времени не выработано. В частности, в юридической психологии суть психологического контакта определяют как эмоционально-положительную взаимосвязь на основе общих интересов и единства целей лиц, которые общаются (М. И. Еникеев), процесс установления, поддержания и развития взаимного тяготения общающихся лиц (Ю. Ф. Чуфаровский), согласованное деловое взаимоотношение следователя с допрашиваемым, которое возникает на основе правильной процессуальной позиции следователя и соответствующего поведения допрашиваемого, которое не противоречит задачам уголовного судопроизводства (Г. Г. Доспулов).

Однако по отношению к допросу такие взгляды на сущность психологического контакта, на наш взгляд, являются недостаточно точными. В зависимости от позиции допрашиваемого в криминалистике выделяют три типичные ситуации допроса: бесконфликтную, условно-конфликтную и конфликтную. И если в отношении двух первых приведенные выше подходы можно считать приемлемыми, то в отношении последней – далеко не всегда. Вряд ли можно говорить об эмоционально-положительной связи, или взаимном тяготении подозреваемого к следователю, результатом работы которого будет применение уголовного наказания к допрашиваемому. Во многих случаях допрашиваемые пытаются скрыть от следователя известные им факты, а потому говорить о «общих интересах и единстве целей» или «поведении допрашиваемого, которое не противоречит задачам судопроизводства», не совсем оправданно.

Существуют и более «нейтральные» определения психологического контакта. Так, по мнению М. В. Боевой, психологический контакт следователя и обвиняемого – это один из компонентов их взаимодействия, сущность которого составляет психическая взаимосвязь следователя и обвиняемого и их психическое взаимовлияние, что проявляется в желании общаться, взаимодействовать друг с другом. На наш взгляд, используемая автором формулировка «психическая связь следователя и обвиняемого» недостаточно конкретна, но указание на то, что проявлением контакта является желание общения, вполне справедливо. В этом отношении следует отметить, что желание – это осознанное тяготение, отражающее потребность и имеющее побуждающую силу, из чего следует, что для установления контакта следователю необходимо вызвать у допрашиваемого осознанную потребность в общении с ним.

Анализ приведенных и других научных позиций опубликованной следственной практики позволяет предложить относительно допроса различать понятия «психологический контакт» и «коммуникативный контакт».

По нашему мнению, коммуникативный контакт при допросе можно считать установленным, когда у допрашиваемого лица сформировалась осознанная потребность в общении со следователем, оно обнаруживает согласие отвечать на вопросы следователя, даже если эти вопросы не касаются расследуемого преступления, или если ответы лица содержат ложные сведения. Коммуникативный контакт является необходимым условием решения задач допроса, к которым, кроме получения доказательств, могут быть отнесены: получение другой криминалистически значимой информации, диагностика психологического состояния допрашиваемого, осуществление на него допустимого психологического воздействия (в том числе с целью перевода коммуникативного контакта в психологический контакт) и т. д.

Психологический контакт является развитием контакта коммуникативного и, в отличие от последнего, характеризуется положительным эмоциональным окрасом со стороны допрашиваемого.

Эта позиция соответствует и разработкам в области социальной психологии, где отделение в «диаду», т. е. обособленную пару, рассматривается как заключительная стадия установления психологического контакта, которая характеризуется товарищескими отношениями, доверием, пониманием и является результатом двух предыдущих стадий: взаимного оценивания и взаимной заинтересованности. И хотя термин «дружеские отношения» относительно допроса является преувеличением, но понимание и взаимопонимание вполне могут возникнуть, о чем свидетельствует следственная практика.

Таким образом, в тактике допроса целесообразно различать коммуникативный контакт и психологический контакт. Первый является необходимым условием решения задач этого следственного (розыскного действия), его следует считать установленным, когда допрашиваемое лицо вступило в общение со следователем, даже на посторонние темы или если оно предоставляет ложные показания. Психологический контакт является развитием контакта коммуникативного и, в отличие от последнего, характеризуется положительным эмоциональным окрасом со стороны допрашиваемого. Наличие такого контакта предоставляет следователю более широкие возможности для применения тактических приемов допроса, поэтому его установление следует считать криминалистической задачей этого следственного действия.

Лемешко Е. В.

ПСИХОФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Анализ психофункционального состояния человека в условиях мест лишения свободы является первостепенным как у больных людей, так и у соматически здоровых. Речь идет о том, что уже при заключении под стражу нарушается нормальный процесс жизнедеятельности человека. Исключение составляют лишь лица, продолжительное время находящиеся в местах лишения свободы.

Для анализа психофункционального состояния различных категорий лиц, содержащихся под стражей и осужденных, проведено исследование на базе учреждений «Следственный изолятор № 1» и «Тюрьма № 8» управления Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь по г. Минску и Минской области в сравнении с пациентами учреждения здравоохранения «9-я городская клиническая больница» г. Минска.

Обследовано 123 человека. Все обследуемые были разделены на 4 группы: основная – лица, содержащиеся под стражей и имеющие кардиологическую патологию; группа сравнения – здоровые люди, заключенные под стражу; контрольная группа № 1 – здоровые осужденные, отбывающие наказание в отряде хозяйственного обеспечения; контрольная группа № 2 – «свободные» пациенты с кардиологической патологией, проходящие обследование и/или курс лечения в 9-й городской клинической больнице г. Минска. Исследуемые группы являются сопоставимыми по ряду параметров: эпидемиологическим и кардиологическим показателям, диагнозу и показателям нахождения в местах лишения свободы.

Анализ психофункционального состояния проводился по опроснику «Самочувствие, активность, настроение» (САН).

Результаты измерений представлены частотами и процентами в группах. При анализе данных таблиц сопряженности использовался критерий хи-квадрат, в случае нарушения предположений, лежащих в основе критерия хи-квадрат, использовался точный критерий Фишера-Фримана-Халтона. При наличии неоднородности в таблице сопряженности проводились парные сравнения групп с поправкой Хольма на множественные сравнения.

Расчеты проводились в статистическом пакете R, версия 3.3.1. Полученные данные считались статистически значимыми при $p < 0,05$.

Рассмотрим результаты применения опросника САН.

Низкие оценки по самочувствию статистически значимо ($p < 0,05$) чаще встречались у пациентов основной группы (19,7 %). В то же время низкие оценки самочувствия, активности и настроения вообще не зарегистрированы в контрольной группе № 2. Причина этому только в условиях жизнедеятельности людей. Одинаковая частота встречаемости низких оценок самочувствия наблюдается в группе сравнения и в контрольной группе № 1 (9,5 %). Этот факт свидетельствует о том, что в местах лишения свободы низкие оценки самочувствия у индивидов не зависят от условий пребывания (в камере либо вне ее) и правового статуса (лица, содержащиеся под стражей или осужденные) индивидов в местах лишения свободы. Почти одинаковые средние оценки самочувствия (60,7 % и 60 % соответственно) и настроения (47,5 % и 45 % соответственно) зарегистрированы у пациентов основной группы и контрольной группы № 2. Данный результат говорит о том, что средний уровень самочувствия и настроения у пациентов не зависит от условий их жизнедеятельности.

У лиц, содержащихся под стражей, с кардиологической патологией статистически значимо ($p < 0,05$) отмечается наибольшее количество низких оценок активности (11,5 %) в структуре группы, что объясняется их условиями жизнедеятельности и наличием хронических заболеваний. А больше всего высоких оценок активности (61,9 %) в структуре группы зарегистрировано в группе сравнения. Данный факт явился результатом того, что в этой группе находятся здоровые индивиды, заключенные под стражу, с неизвестной дальнейшей судьбой, и их высокая активность обусловлена поиском выхода из сложившейся ситуации.

Как и с показателями самочувствия и активности, больше всего низких оценок настроения в структуре группы статистически значимо ($p < 0,05$) зафиксировано в основной группе (26,2 %) по тем же причинам. У лиц, содержащихся под стражей, в структуре группы больше

всего зарегистрировано средних оценок настроения (47,5 % и 52,4 %), а в контрольных группах – высоких оценок (52,4 % и 55 %), что обусловлено определенностью в жизни последних и неизвестностью – у лиц, заключенных под стражу. Связи полученных данных с наличием либо отсутствием кардиологической патологии не наблюдается, имеет значение только правовой статус индивидов.

Примерно одинаковое число отдохнувших независимо от условий пребывания, правового статуса и наличия либо отсутствия кардиологической патологии встречается в местах лишения свободы (29,5 %, 28,6 % и 28,6 % соответственно в основной группе, группе сравнения и контрольной группе № 1). Большой процент отдохнувших (40 %) зарегистрирован у свободных людей. Причина этому – разные условия жизнедеятельности. Интересный результат получен при анализе соотношения отдохнувших и уставших индивидов в разных группах. Среди свободных людей больше отдохнувших, чем уставших (40 % против 35 %). У осужденных равное количество уставших и отдохнувших (по 28,6 %). А среди лиц, содержащихся под стражей, соотношение отдохнувших и уставших еще больше смещено в сторону отдохнувших, чем на свободе (29,5 % и 18 % в основной группе и 28,6 % и 4,8 % в группе сравнения соответственно). Тот факт, что отдохнувших лиц, содержащихся под стражей, оказалось еще больше, чем таковых по отношению к уставшим в других группах, можно объяснить их малоподвижным образом жизни. А равное соотношение отдохнувших и уставших в контрольной группе № 1 по сравнению со свободными людьми объясняется их интенсивным и продолжительным физическим трудом, в результате чего мало времени остается на отдых и восстановление. Отсутствие хронической кардиологической патологии обуславливает меньшее число уставших (4,8 %) в группе сравнения, чем в основной группе (18 %).

С учетом полученных результатов удалось составить психофункциональную характеристику представителей каждой группы. Анализируя психофункциональную характеристику исследуемых индивидов, видно, что отдохнувшее состояние на свободе противопоставляется неопределенному состоянию в местах лишения свободы. Данный факт объясняется исключительно условиями жизнедеятельности человека. Этим же можно истолковать изменение настроения в лучшую сторону с момента заключения под стражу до освобождения. Кроме того, немаловажную роль в динамике настроения играет изменение правового статуса человека (заключенный под стражу → осужденный → освобожденный). Высокие оценки самочувствия и активности в группе сравнения опять-таки обусловлены их правовым статусом, а в основной группе эти показатели сдерживаются наличием у индивидов хронической кардиологической патологии.

Таким образом, необходимо всегда учитывать психофункциональное состояние человека в условиях учреждений уголовно-исполнительной системы, особенно когда речь идет о лице, имеющем различные заболевания, чтобы максимально достичь целей его нахождения в местах лишения свободы.

Лукьянчиков Е. Д.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ

Современное состояние преступности в Украине характеризуется устойчивым возрастанием. В 2015 г., по сравнению с 2014 г., оно составило 10,4 %, а в 2016, по сравнению с предыдущим, 5 %. На этом фоне уровень расследования преступлений снижается, соответственно по годам – на 7,9 % и 12,7 %. Подобные цифры не могут свидетельствовать о выполнении правоохранительными органами возложенных на них задач. Улучшение результативности их деятельности должно осуществляться в различных направлениях, одним из которых является криминалистическое обеспечение расследования.

Расследование – информационно-познавательный процесс, который осуществляется в специфической процессуальной форме. Основным инструментарием этой деятельности являются следственные действия (часть процессуальных действий). Под ними понимают предусмотренную процессуальным законом и обеспеченную государственным принуждением совокупность операций и приемов, которые применяются в процессе расследования преступлений для выявления, фиксации и проверки фактических данных, которые имеют доказательственное значение по делу¹.

Важное место среди тактических приемов принадлежит тем, которые основаны на достижениях науки психологии. В связи с этим подробнее остановимся на использовании психологического воздействия при производстве следственных действий.

Психологическое воздействие обусловлено самой природой следственной деятельности. Постановка человеку любого вопроса является способом передачи информации, которая воздействует на его сознание, психику. Психологическое воздействие является неотъемлемым и характерным элементом процесса общения человека вообще, а поэтому в

¹ *Быховский И. Е.* Об актуальных вопросах совершенствования процессуальной регламентации следственных действий // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий. Ташкент, 1982. С. 36.

последнее время становится все меньше сторонников, которые относят его к незаконным методам расследования.

Уголовно-процессуальный закон запрещает подвергать лицо пыткам, жестокому, нечеловеческому или унижающему его достоинство обращению или наказанию, прибегать к угрозам такого поведения, удерживать лицо в унижительных условиях, принуждать к действиям, которые унижают его достоинство (ч. 2 ст. 11 УПК Украины). Подобные требования содержатся и в ст. 9 УПК РФ, ст. 12 УПК Республики Беларусь. Статья 373 УК Украины предусматривает уголовную ответственность за принуждение давать показания на допросе путем незаконных действий со стороны лица, которое проводит дознание или досудебное следствие. В комментарии к данной статье отмечается, что под принуждением понимают психологическое воздействие на допрашиваемого. К незаконным действиям относят шантаж, обман, гипноз, незаконное ограничение прав потерпевшего, его подкуп и др.

Анализ действующего законодательства позволяет прийти к выводу, что психологическое воздействие в уголовном производстве может быть правомерным и неправомерным (шантаж, угрозы), а поэтому и недопустимым в следственной деятельности. В каждой конкретной ситуации формы психологического воздействия должны оцениваться именно с точки зрения их законности, дозволенности и допустимости применения. Следует заметить, что угроза может быть вполне правомерной, а иногда специально предусмотрена законом (предупреждение об уголовной ответственности свидетеля за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний).

Говоря о такой форме психологического воздействия, как обман, необходимо показать, в чем именно он может проявиться (демонстрация фальшивого постановления об избрании такой меры пресечения, как содержание под стражей, неправдивое сообщение о том, что в отношении допрашиваемого имеются доказательства его вины, неосуществимые обещания прекратить уголовное производство и т. п.). Подобные формы психологического воздействия могут встречаться в следственной практике, однако их нельзя назвать распространенными. Опытные следователи и оперативные работники тщательно подходят к выбору и применению соответствующих тактических приемов. Голословного заявления о наличии доказательств вины конкретного лица, как правило, недостаточно, чтобы убедить его изменить линию избранного им поведения. С уверенностью можно сказать, что обман в такой форме может только осложнить ситуацию расследования, а поэтому является недопустимым как не отвечающий моральным требованиям, так и рекомендациям криминалистической тактики.

Противодействие расследованию со стороны лиц, которые пытаются уклониться от ответственности, постоянно обостряется и приобретает новые формы, особенно в сфере деятельности коррумпированной и организованной преступности. Поэтому правоохранные органы не могут довольствоваться устаревшими методиками, тактическими приемами и рекомендациями. Использование тактических приемов и комбинаций, которые могут быть неоднозначно оценены, не исключение, а эффективный способ преодоления противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц.

В заключение следует заметить, что перечень действий, которые являются недопустимыми в уголовном производстве, должен быть изложен в ст. 373 УК Украины. Следовательно, применяя тактический прием, не должен быть заложником «разумного» прокурора или судьи в оценке его действий.

Петрова О. В.

НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО/ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Без допроса обвиняемого/подозреваемого невозможно доказывание по любому уголовному делу, в том числе по делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до 18 лет.

С одной стороны, допрос несовершеннолетнего, в отношении которого ведется уголовное преследование, подчиняется общим правилам допроса обвиняемого/подозреваемого в целом. С другой – соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетнего должны обеспечивать дополнительные гарантии и особенности тактики допроса.

Существенным аспектом, который следует учитывать при определении тактики допроса несовершеннолетнего, является то, что социальная незрелость допрашиваемого является фактором, способствующим самооговору. Несовершеннолетние пренебрегают своими правами в отличие от взрослых. Они слабо ориентируются в правовых последствиях своих действий. Надо учитывать также, что подростки не могут наравне со взрослыми принимать разумные решения, а несовершеннолетние из неблагополучных семей будут выбирать тактику улаживания конфликта с правоохранными органами в ущерб своим интересам.

Указанные факторы влекут обязательность представления дополнительных организационных гарантий. Так, особенностью рассматриваемого допроса является расширенный состав его участников. В частности, в ходе допроса должно быть обеспечено двойное представительство интересов несовершеннолетних – участие законных представите-

лей и защитника. Вместе с тем в практике законные представители не всегда должным образом выполняют свою роль, действуя в ущерб интересам представляемого.

Важным требованием является участие педагога/психолога, который приглашается в соответствии с Положением Совета Министров Республики Беларусь от 24 октября 2001 г. № 1533. Однако в случае наличия расстройств личности или иных существенных психологических проблем у несовершеннолетнего представляется разумным приглашать психолога Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

Несмотря на достаточно широкое определение целей участия педагога/психолога в соответствии с указанным Положением, представляется, что педагог/психолог не должен «занимать место следователя» либо становиться на сторону обвиняемого. Успеху допроса будет способствовать адаптация вопросов следователя к возрасту несовершеннолетнего.

Представляется, что участие педагога/психолога не исключает требования знаний психологии подростка, которое закреплено в ст. 22.1 Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) от 29 ноября 1985 г.

Психологическое доверие является залогом успеха любого допроса, в том числе и допроса несовершеннолетнего обвиняемого/подозреваемого. Вместе с тем представляется допустимым применение и тактики конфронтации на допросе. Однако степень психологического воздействия обязательно должна соответствовать возрасту несовершеннолетнего.

Одним из приемов психологического воздействия может рассматриваться его продолжительность. Однако с другой стороны, продолжительный допрос может наносить вред здоровью допрашиваемого. Справедливо, что законодатель с учетом незрелости несовершеннолетнего ограничивает допрос четырьмя часами в сутки (ч. 1 ст. 434 УПК). Представляется также правильным избегать допроса несовершеннолетнего обвиняемого/подозреваемого в ночное время.

Обеспечению законности и приемлемости психологических приемов допроса несовершеннолетнего может способствовать видеозапись допроса несовершеннолетних. Следует обратить внимание, что требование обязательной видеозаписи всех допросов было закреплено в Европейском союзе.

Подводя итог указанному выше, представляется, что только точное соблюдение требований закона, в том числе принципов уважения чести и достоинства личности, неприкосновенности личности и иных норм, является залогом эффективного и гуманного процесса, в частности, и по делам несовершеннолетних.

Раздел VII. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Дедковский А. А.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ «ГРАЖДАНИН» В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПЕРАТИВНЫЙ ОПРОС»)

Оперативный опрос, выступая базовым инструментом деятельности оперативного сотрудника, в структуре оперативно-розыскных мероприятий формирует основной поток оперативно-значимой информации. В более ранних публикациях предпринята попытка анализа отдельных правовых норм, содержащихся в тексте нового Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» в части определения их эффективности для регулирования фактических оперативно-розыскных отношений, возникающих в ходе проведения указанного оперативно-розыскного мероприятия. Сделан вывод, что законодательное определение оперативного опроса (ст. 21 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности») не в полной мере отражает его сущность.

Сравнительный анализ подхода законодателей Беларуси, стран Содружества Независимых Государств к определению «оперативного опроса», а также изучение представленных в юридической литературе точек зрения различных авторов позволили нам прийти к мнению относительно понятия и содержания рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия. Вместе с тем за рамками данной полемики остался терминологический аспект. Так, законодатель определяет оперативный опрос как «общение с гражданином». Отмечу, что термин «гражданин» встречается в нормах Закона повсеместно (статьи 2, 3, 7 и др.). При этом ст. 2 «Основные термины, используемые в настоящем Законе, и их определения» определения понятия «гражданин» в понимании целей оперативно-розыскной деятельности не дает.

Общеизвестно, что гражданство – правовой институт, характеризующий взаимоотношения человека с государством, под юрисдикцией которого он находится. Дословное толкование употребления термина гражданин исходя из Закона Республики Беларусь «О гражданстве Республики Беларусь» позволяет подчеркнуть его принадлежность к юрисдикции Республики Беларусь. Таким образом, по своему правовому ста-

тусу граждане Республики Беларусь отличаются от иностранных граждан и лиц без гражданства. Соответственно они находятся за рамками правового поля в части оперативно-розыскной деятельности.

Относительно оперативно-розыскного мероприятия «оперативный опрос» терминологическую неясность могла бы решить замена термина «гражданин» на термин «лицо». Вместе с тем данный подход не позволит упорядочить категориальный аппарат в целом. Наиболее рациональным выходом из данной ситуации представляется дополнение ст. 2 «Основные термины, используемые в настоящем Законе, и их определения» Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» категорией «гражданин», под которой понимаются граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства.

Климов Д. А.

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Принципы – это основополагающие идеи, руководящие начала и требования, лежащие в основе формирования, организации и функционирования правового механизма юридического познания, определяющие его закономерности и общую направленность, обеспечивающие высокое качество, эффективность и оптимальное достижение целей. Традиционно в систему специальных криминалистических принципов деятельности по выявлению и расследованию преступлений включают базовые принципы (правовую обоснованность, нравственность, безопасность, сочетание тактических и стратегических начал, комплексность исследования обстоятельств в процессе расследования и др.) и технологические (оперативное сопровождение, оперативно-розыскное и информационное обеспечение расследования, использование специальных знаний и др.).

В соответствии с законодательством оперативно-розыскная деятельность осуществляется на принципах законности, соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций, конспирации, проведения оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно. Поскольку оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений является одним из направлений оперативно-розыскной деятельности, оно также подчинено действию перечисленных принципов, образующих систему ее общих руководящих начал. Оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений основывается на *конституционных* принципах (законности и соблюдении прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов

организаций) и *специальных или отраслевых* принципах, отражающих сущность, назначение и особенности оперативно-розыскной деятельности (конспирация и требование о проведении оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно).

Законность – это ключевой государственно-правовой принцип деятельности всех органов государства, в том числе и правоохранительных. Его соблюдение обеспечивается путем установления обязанностей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, определять порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий, контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью. В теории и практике оперативно-розыскной деятельности одним из общепризнанных принципов является конспирация, предполагающая сохранение в тайне направлений поисковой работы, негласных сил, специальных средств и методов, которые используются при проведении мероприятий в отношении конкретных лиц, подозреваемых в совершении преступления. Конспирация предполагает применение методов и средств, обеспечивающих закрытость проводимых оперативно-розыскных мероприятий, зашифрованность их цели, объектов и полученной информации.

Принцип проведения гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий содержит не взаимоисключающие, а дополняющие друг друга положения. Оперативно-розыскное мероприятие, проводимое гласно, предусматривает уведомление должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, гражданина, в отношении которого оно проводится, и получение согласия этого гражданина на его проведение. Негласное оперативно-розыскное мероприятие проводится должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, без уведомления гражданина, в отношении которого оно проводится, и получения согласия этого гражданина на его проведение.

Оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений предполагает реализацию группы специфических принципов, обусловленных особенностями деятельности по выявлению и расследованию криминальных деяний. Оно предполагает наличие исходной информации, выступающей основой поисковой деятельности. Результатом оперативно-розыскного обеспечения расследования является информация, которая служит основой для формирования доказательств. Значение информации обусловило наличие *принципа информационной безопасности* – защищенности информации от неблагоприятного несанкционированного воздействия. Принцип *информационного обеспечения* оперативно-розыскной деятельности по всем направлениям ее осуществления предполагает наличие исходной информации, значимой для выявления, расследования, пресечения преступлений.

Наступательность как принцип оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений предполагает проведение оперативно-розыскных мероприятий, направленных на опережение действий по подготовке к совершению противоправных деяний, их совершению, сокрытию следов преступления, уничтожению доказательств, реализации похищенных ценностей; на нейтрализацию формирования фиктивных доказательств, возможных защитных версий. К принципам оперативно-розыскного обеспечения расследования целесообразно отнести *соразмерность оперативно-розыскного реагирования, всесторонность и объективность оперативно-розыскного обеспечения*, что в сочетании с принципом наступательности будет способствовать эффективности рассматриваемого вида деятельности. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений, как представляется, основывается на принципах *совместного участия следователей и оперативных работников в реализации информации; рационального разграничения компетенции; информационного взаимодействия*.

Основное значение принципов состоит в том, что в них кратко сформулированы руководящие идеи оперативно-розыскной деятельности, которые дают оперативным работникам представление о том, для чего и каким образом осуществляется оперативно-розыскная деятельность, в том числе оперативно-розыскное обеспечение расследования преступлений, в каких случаях могут быть ограничены отдельные права граждан и как оперативно-розыскная деятельность контролируется обществом.

Родевич В. Ч.

НЕКОТОРЫЕ СУЖДЕНИЯ О ПРАВОВОЙ ОСНОВЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУБЪЕКТОВ И УЧАСТНИКОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализ современного состояния правового регулирования свидетельствует о возрастающем интересе к субъектам и участникам оперативно-розыскной деятельности (ОРД). Высказанная мысль подтверждается законодательным закреплением правового статуса специалиста и развитием обязанностей и прав органов, осуществляющих ОРД, и граждан, в ней участвующих.

Тем не менее, анализ теоретических и практических обобщений позволяет сделать вывод, что оперативно-розыскное право по отношению к субъектам и участникам ОРД в онтологическом и гносеологическом смыслах должно представлять собой: а) кто способен быть субъектом права, на кого конкретно эти нормы должны быть направлены;

б) правовая норма, закрепленная в законодательных актах должна определять субъектов и участников ОРД, раскрывать их функциональные характеристики; в) возможность изменения правовых норм, в зависимости от меняющихся социальных связей, связанных с изменением криминальной обстановки.

Высказанные предпосылки, позволяют нам в условиях увеличения объема полученных научных знаний, развивать вопросы эффективной деятельности субъектов и участников ОРД.

Научное осмысление дальнейшего развития законодательного регулирования приводит нас к изучению особенностей функционирования конкретных субъектов и участников ОРД в зависимости от решаемых задач, а также возможностей решения проблем путем совершенствования законодательного регулирования; во-вторых, обеспечение безопасности субъектов и участников ОРД и их близких; в-третьих, определение пределов участия лиц в ОРД.

Специфика содержания оперативно-розыскного права вводит специалистов в области ОРД в полемику о создании самостоятельной отрасли «оперативно-розыскное право».

Четко очерченный предмет правового регулирования, «что подлежит регулированию», не позволяет нам утверждать о наличии самостоятельной отрасли права без определения метода, отвечающего на вопрос «как регулировать?».

На наш взгляд, современное законодательное правовое регулирование функционирования субъектов и участников ОРД не является самостоятельной отраслью права (несмотря на наличие закона). При нынешней уголовной политике процесс кодификации еще долго будет не реализован (несмотря на сохранившийся процесс кодификации оперативно-розыскных норм), предложенные правовые механизмы не подтверждают наличия материального и процессуального права в ОРД. Данные суждения позволяют говорить об успешно развивающейся системе оперативно-розыскного законодательства.

Указанный вывод подтверждает главную посылку законодателя – создание эффективной деятельности субъектов и участников в быстром и качественном решении задач ОРД.

В выстроенной системе субъектов и участников ОРД каждое лицо, участвующее в данной деятельности (несмотря на изменяющиеся их правовые статусы), должно быть наделено своими правами и обязанностями, определяющими их компетенцию, позволяющую им осуществлять свою деятельность в рамках установленных правил поведения, что позволит обеспечить их безопасность, законность при проведении ОРМ и эффективность выполнения задач ОРД.

Следует признать, что созданы условия для проведения самостоятельных исследований в части правового регулирования лиц, участвующих в ОРД, и, на наш взгляд, представляется очевидным изменение правовых норм в части регламентации работы субъектов и участников ОРД для решения некоторых проблем, связанных с обеспечением оперативно-розыскной практики. Имеющиеся разработки показывают, как процесс совершенствования правового регулирования деятельности субъектов ОРД может оказать влияние на устранение ряда противоречий и неточностей в отдельных нормах законодательства, регулирующих их деятельность на основе выявленных закономерностей развития общества и государства.

Не отрицая важности принятия новых норм в законодательном регулировании общественных отношений, на наш взгляд, является необходимым принятие развернутой новой правовой модели субъектов и участников ОРД, соответствующей перспективам развития оперативно-розыскной практики, направленной на решение социальных задач на более качественном уровне.

Говоря о концепции уже дополненного Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», следует обратить внимание на основную идею, заключающуюся в обеспечении безопасности прав и свобод субъектов и участников ОРД, а также человека и гражданина от преступных посягательств. Предложенная система взглядов на новый подход в законодательном регулировании должна быть подкреплена развернутым описанием ее структурных элементов, выразившихся в описанной системе и структуре субъектов и участников ОРД.

Сілаєў С. А.

ЗАБАРОНА ПРАВАКАЦЫІ ЗЛАЧЫНСТВАЎ І КАМПРАМІС У БАРАЦЬБЕ СА ЗЛАЧЫННАСЦЮ (АБ ЛАТЭНТНАЙ КАЛІЗІІ НОРМАЎ АПЕРАТЫЎНА-ВЫШУКОВАГА І КРЫМІНАЛЬНАГА ЗАКАНАДАЎСТВА)

Раскрыццё і расследаванне некаторых высокалатэнтных злачынстваў амаль немагчыма без адпаведнага аператыўна-вышуковага суправаджэння. Даванне і атрыманне хабару, пасрэдніцтва ў хабарніцтве ды шмат якія іншыя грамадска небяспечныя праявы ў гаспадарчай сферы і ў сферы дзяржаўнага кіравання часцей за ўсё раскрываюцца менавіта аператыўным шляхам. Паколькі аператыўна-вышуковая дзейнасць па самой сваёй сутнасці з'яўляецца канспіратыўнай і, адпаведна, схаванай ад грамадскага кантролю, яе ажыццяўленне патрабуе дадатковых гарантый законнасці, сярод якіх цэнтральнае месца займае

забарона правакацыі (ч. 8 арт. 5 Федэральнага закона ад 12 жніўня 1995 г. № 144-ФЗ «Аб апэратыўна-вышуковай дзейнасці», ч. 2 арт. 14 Закона Рэспублікі Беларусь ад 15 ліпеня 2015 г. № 307-3 «Аб апэратыўна-вышуковай дзейнасці»). Гэтая забарона тлумачыцца не толькі меркаваннямі абстрактнага гуманізму або рэлігійна-філасофскімі ідэямі прынцыповай недапушчальнасці «ўвядзення ў спакусу», але і цалкам рацыянальнымі матывамі, уключаючы неабходнасць забеспячэння публічных інтарэсаў: дазволіць праваахоўным органам выкарыстанне метаду правакацыі азначала б стымуляваць іхнюю пагоню за колькаснымі паказчыкамі, якіх лягчэй за ўсё дасягнуць, змагаючыся са злачыннасцю «ў штучна створаных умовах», тады як сапраўдныя злачынцы займаліся б сваёй супрацьпраўнай дзейнасцю далей.

Але, дапускаючы ў пэўных межах выкарыстанне тайных метадаў збірання доказнай інфармацыі па крымінальных справах, амаль усе дзяржавы (зноў-такі маючы на мэце павышэнне эфектыўнасці барацьбы з найбольш латэнтнымі праявамі злачыннасці) ідуць на пэўны кампраміс з некаторымі са злачынных элементаў. Крымінальныя кодэскі Расіі (заўвагі да артыкулаў 291, 291.1 і 291.2) і Беларусі (заўвагі да артыкулаў 431 і 432) прадугледжваюць, сярод іншага, магчымасць звальнення ад крымінальнай адказнасці асоб, якія далі хабар або пасрэднічалі ў хабарніцтве, у абмен на садзейнічанне ў раскрыцці дадзенага факту карупцыі. Пры гэтым у Расійскай Федэрацыі сфера прымянення дадзенай формы кампрамісу стала пашыраецца: аналагічныя імператыўныя падставы вызвалення ад крымінальнай адказнасці прадугледжваюцца таксама дзеля асоб, якія ўчынілі камерцыйны падкуп (артыкулы 204–204.2), аказалі супрацьпраўны ўплыў на рэзультаты афіцыйнага спартыўнага змагання або відовішняга камерцыйнага конкурсу (арт. 184), заключылі картэльнае пагадненне (арт. 178) і г. д.

На нашу думку, гэтыя, на першы погляд, «ліберальныя» меры з флёрам «гуманізму» з’яўляюцца куды больш небяспечнымі для людскіх правоў і рэжыму законнасці, чым самі па сабе «антыліберальныя» апэратыўна-вышуковыя захады, бо гэты «кампраміс» (які, дарэчы, носіць выразна аднабокi характар, не мае дастатковага крыміналагічнага абгрунтавання і ўжо па гэтай прычыне з’яўляецца непрымальным, аб чым мы пісалі раней – гл.: Сілаеў С. А. Кампраміс у крымінальна-прававым процідзеянні хабарніцтву патрабуе перагляду // Государственно-правовое регулирование интеграционных процессов на постсоветском пространстве. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2012. – С. 244–246) можа быць выкарыстаны як магчымасць абысці забарону правакацыі і, адпаведна, спрычыніцца да рэлятывізацыі і паступовага анулявання гэтае забароны. Гутарка ідзе аб тым, што

паасобныя нядобрасумленныя працаўнікі аператыўных падраздзяленняў праваахоўных органаў могуць, карыстаючыся з гэтых заахвочальных нормаў-заўваг, пасылаць сваіх агентаў да «нялюбых» чыноўнікаў або прадпрымальнікаў з заданнем схіліць іх да атрымання хабару, камерцыйнага подкупу ці заключэння картэльнага пагаднення, пасля чаго гэтыя агенты будуць «добраахвотна» заўляць аб факце, які меў месца (зразумела, не ў якасці асоб, што ўдзельнічалі ў аператыўна-вышуковым мерапрыемстве, а ў якасці асоб, што ўчынілі злачынства, але маюць права на вызваленне ад крымінальнай адказнасці). Бясспрэчна, гэтакія «аперацыі» з'яўляюцца найгрубейшым парушэннем заканадаўства аб аператыўна-вышуковай дзейнасці. Але латэнтнасць іх яшчэ вышэйшая за латэнтнасць хабарніцтва ці таго ж крымінальнага манапалізму. Адсюль вынікае, што кампраміс у барацьбе са службовай і гаспадарчай злачыннасцю ў тым выглядзе, у якім ён сягоння замацаваны ў крымінальным законе, не толькі не вырашае праблему, але замест гэтага стварае яшчэ большую праблему злоўжыванняў функцыямі аператыўна-вышуковых апаратаў.

Заўважым, што ў Расіі гэтая латэнтная калізія паміж фармальнай забаронай правакацыі ў Законе аб аператыўна-вышуковай дзейнасці і яе фактычным «сарамлівым дазволам» у Крымінальным кодэксе РФ дадаткова абвастраецца ў сувязі з тым, што Федэральны закон ад 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ вярнуў у нашае заканадаўства пасрэдніцтва ў хабарніцтве як самастойны склад злачынства, але канстытуцыйнай прыкметай дадзенага складу з'яўляецца значны памер хабару. Правапрымяняльная практыка ўспрыняла гэтую навелу як дэкрыміналізацыю пасрэдніцтва ў даванні ці атрыманні хабару на суму да 25 000 расійскіх рублёў уключна. Гэта было фактычна пацверджана Федэральным законам ад 3 ліпеня 2016 г. № 324-ФЗ, які ўвёў прывілеяваныя склады дробнага хабарніцтва (арт. 291.2 КК) ды дробнага камерцыйнага подкупу (арт. 204.2 КК), якія прадугледжваюць у якасці выканаўчых дзеянняў толькі даданне і атрыманне подкупу (хабару), памер якога не перавышае 10 000 расійскіх рублёў, але не пасрэдніцтва ва ўчыненні гэтых дзеянняў. Гэтае рашэнне заканадаўцы стварае ўмовы не толькі для далейшай інстытуцыяналізацыі карупцыі, але таксама і для далейшай эрозіі забароны правакацыі ўчынення злачынстваў, бо цяпер прафесіянальным «карупцыйным брокерам» і правакатарам дробнага хабарніцтва наогул няма чаго лякацца: яны нават не вызваляюцца ад крымінальнай адказнасці за свае дзеянні, а не падлягаюць ёй.

Беручы пад увагу ўсё выкладзенае вышэй, лічым такую сітуацыю цалкам непрымальнай і выступаем за хутчэйшае скасаванне заўваг да артыкулаў 204–204.2, 291–291.2, 178, 184 КК РФ.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ МЕРОПРИЯТИЕ «ОПЕРАТИВНЫЙ ОПРОС»: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Современный этап развития нашей страны характеризуется прогрессивными социально-экономическими преобразованиями, включая построение правового государства на основе правового регулирования различных сфер общественных отношений, а также укрепления правопорядка, включая наступательную борьбу с преступностью. В связи с этим правоохранные органы стоят перед необходимостью, опираясь на накопленный практический опыт и научные исследования, постоянно вести поиск эффективных методов и средств раскрытия преступлений и изобличения преступников. Важнейшее значение в этом процессе принадлежит научно обоснованному совершенствованию правовых основ организации и тактики осуществления оперативно-розыскной деятельности, которая является весьма сложной и креативной в связи со своей поисковой направленностью. Поисковый характер оперативно-розыскной деятельности определяется ее задачами, включающими выявление лиц, имеющих отношение к подготовке или совершению преступлений, лиц, без вести пропавших, свидетелей противоправных деяний, а также на установление фактов, характеризующих объективную и субъективную стороны преступлений и выступающих доказательствами по уголовному делу. В основе оперативно-розыскной деятельности лежит получение информации, необходимой для решения указанных задач.

Одним из наиболее широко применяемых оперативно-розыскных мероприятий, обеспечивающих получение информации, значимой для раскрытия преступлений и изобличения преступников, является оперативный опрос. В то же время его проведение часто связано со значительными трудностями правового, организационного и тактического характера, а также с нежеланием опрашиваемых лиц делиться такой информацией и их противодействием. В связи с этим исследование теоретических и прикладных аспектов проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный опрос», совершенствование его правовых основ, организации и тактики, является важной задачей повышения эффективности деятельности оперативных подразделений и актуальной научной проблемой.

Видится, что эффективность проведения оперативными подразделениями оперативно-розыскного мероприятия «оперативный опрос» перейдет на новый более качественный уровень в результате научного

исследования теоретико-правовых и организационно-тактических аспектов его осуществления.

Обозначенное исследование должно проводиться в рамках диссертации на соискание ученой степени кандидата наук.

По нашему мнению, целью диссертационного исследования должна стать выработка научно-обоснованных рекомендаций и предложений, обеспечивающих создание дополнительных предпосылок совершенствования правовых основ, организации и тактики проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный опрос» работниками оперативных подразделений.

Исходя из поставленной цели, в процессе исследования необходимо решить следующие задачи:

- изучить практику осуществления оперативно-розыскного мероприятия «оперативный опрос» сотрудниками оперативных подразделений в различных ситуациях, включая ситуацию противодействия;
- рассмотреть виды указанного оперативно-розыскного мероприятия;
- выявить проблемы правового регулирования, имеющиеся недостатки и положительные моменты в организации и тактике проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный опрос», определить условия, влияющие на его результативность;
- определить особенности проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный опрос» различными оперативными подразделениями;
- рассмотреть оперативно-розыскное мероприятие «оперативный опрос» в системе всех оперативно-розыскных мероприятий;
- научно классифицировать направления использования результатов оперативно-розыскного мероприятия «оперативный опрос» в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе;
- обосновать и подготовить предложения по совершенствованию правового регулирования, организации и тактики проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный опрос» в различных ситуациях, включая ситуацию противодействия, направленные на совершенствование деятельности оперативных подразделений.

Объектом исследования должны выступить общественные отношения, возникающие в связи с проведением оперативно-розыскного мероприятия «оперативный опрос» в различных ситуациях, включая ситуацию противодействия и использование его результатов в оперативно-розыскной деятельности и уголовном процессе. Предметом исследования – нормы законодательства Республики Беларусь, регламентирующие проведение оперативно-розыскного мероприятия «оперативный

опрос», практика его проведения, а также теоретические и правовые основы использования его результатов.

Таким образом, необходимость глубокого научного исследования проблем проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативный опрос» как одного из основных элементов в решении задач оперативно-розыскной деятельности обусловлено потребностями практики.

Ткачук Т. А., Хитев А. П.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Научно-технический прогресс постоянно оказывает влияние на развитие всех без исключения отраслей знания, в том числе и на криминалистическую науку, непосредственно связанную с использованием соответствующих знаний в сфере практической деятельности правоохранительных органов. Оставаясь в представлении криминалистов (ученых и практиков) системой научных положений и разрабатываемых на их основе средств, приемов и методик, предназначенных для собирания, исследования и использования доказательств, применяемая при этом техника достаточно разнообразна и с содержательной точки зрения, по справедливому мнению В. А. Волынского, представляет собой такое же обобщающее понятие, как, например «техника связи», «медицинская техника», «военная техника» и т. п.

Учитывая тот факт, что криминалистика, уголовно-процессуальное право и теория оперативно-розыскной деятельности – наиболее близкие по теоретическому и практическому содержанию юридические науки, так как изучают одни объекты (преступную деятельность различных видов, деятельность по ее раскрытию и расследованию); имеют общую историю развития; разрабатывают и руководствуются положениями тактики (методики) проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, – подавляющее большинство теоретических положений и рекомендации криминалистики не только легли в основу уголовного процесса и ОРД, но и способствовали формированию большинства приемов и методов рассматриваемой деятельности.

В современном уголовно-процессуальном законодательстве России нет определения научно-технического обеспечения, как и определения самих научно-технических средств. В отличие от достаточно подробного определения доказательств (ст. 74, 75, 81 УПК РФ), все используемые в уголовном судопроизводстве научные методы и средства именуется «техническими» (ст. 164, 166, 179, 189, 192 УПК РФ). Нет единст-

ва в определении научных средств и методов, используемых для работы с доказательствами и в криминалистической литературе, где последние определяются как: «средства криминалистической техники»; «технические средства»; «техничко-криминалистические средства» и «научно-технические средства».

Следует отметить, что унификация криминалистической терминологии способствовала бы в последующем более конкретному и грамотному определению рассматриваемых средств не только в учебной, научной и методической литературе юридического направления, но и в соответствующих законах и подзаконных актах, тем более что любой термин традиционно определяется не сложностью используемых средств, а наличием научной основы и базированием на уже изученных закономерностях, а раскрывается через содержание, организацию какой-либо деятельности.

Нам представляется наиболее правильным использование термина «научно-технические методы и средства» раскрытия и расследования преступлений именно потому, что последнее по своему содержанию намного шире, чем понятие «криминалистическая техника». По нашему убеждению, соотношение данных понятий следует рассматривать «в контексте общих и частных задач оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой в рамках выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений. Применительно к указанной деятельности в целом правомерно говорить именно о ее научно-техническом обеспечении, о применении всего комплекса научно-технических средств. Что же касается отдельных процессуально определенных форм деятельности, осуществляемой в целях раскрытия и расследования преступлений, то для них характерно применение криминалистических средств и методов. Таким образом, криминалистическое обеспечение в рассматриваемом аспекте выступает органичной частью научно-технического обеспечения.

В связи с этим представляется возможным предложить, на наш взгляд, более лаконичное определение научно-технических средств как комплекса приспособленных и специально разработанных на основе современных достижений научно-технического прогресса технических устройств, материалов, методов и приемов их применения в целях выявления, раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

При этом представление о понятии и содержании научно-технических средств с учетом все более ускоряющегося развития научно-технического прогресса, их внедрения в процесс раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, естественным образом обуславливает не только его изменение, но и определяет потенциальные воз-

возможности в борьбе с преступностью. Иными словами, достижения научно-технического прогресса выступают своеобразным средством удовлетворения потребностей общества в обеспечении своей безопасности от преступности, а такая потребность формируется под влиянием множества социально-экономических фактов (включая саму преступность).

Эффективность научно-технического обеспечения оперативно-розыскной деятельности при раскрытии и расследовании преступлений трудно переоценить, так как именно такие приемы, использующие в своей основе глубокие знания в области криминалистической техники и тактики, информационных технологий и специальной техники, как правило, и позволяют создать определенный резерв как самих доказательств, так и информации, позволяющей успешно осуществить раскрытие преступления, обеспечить доказывание по уголовному делу.

Творческий, познавательный характер оперативно-розыскной деятельности по каждому делу (как уголовному, так и оперативного учета) – это, по сути, комплексный процесс исследования, познания истины фактов, требующий особого напряжения духовных и физических сил, профессиональных навыков и знаний для принятия обоснованных и законных решений. В связи с этим достойное научно-техническое обеспечение оперативно-розыскной деятельности должно исходить из глубокого изучения специфики розыска, расследования, знания специфики труда его субъектов, профессионального владения всеми приемами и средствами криминалистического обеспечения такой деятельности.

Современные исследователи данной проблемы почти единодушно отмечают, что возможности науки в ее решении практически безграничны, но проблема заключается в слабой организации и несовершенстве правового регулирования использования научно-технических методов и средств.

Научно-техническое обеспечение оперативно-розыскной деятельности и идентификации личности на современном уровне предполагает законодательную конкретизацию его цели, разработку и реализацию системы взаимосвязанных организационных, правовых научно-технических мер, а в частности, масштабную реализацию возможностей биометрической и антрополого-криминалистической регистрации граждан.

Необходимость создания единой государственной службы розыска и идентификации личности уже давно проявляется не только как научная проблема, но и как элемент государственной политики.

Следует отметить, что в настоящее время предлагаемые решения возникающих в рассматриваемом аспекте вопросов по-прежнему остаются спорными, не находят отклика на практике, а значит, нуждаются в дальнейших научных разработках.

**ПРЕБЫВАНИЕ СРЕДИ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПО СПЕЦИАЛЬНОМУ ЗАДАНИЮ КАК МЕРА ПРАВОВОЙ
ЗАЩИТЫ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ ОРГАНАМ,
ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ОСНОВЕ**

В Республике Беларусь сложилась и эффективно действует система правовых механизмов, направленных на предупреждение правонарушений и преступлений. Однако происходящие изменения в экономической, политической, социальной жизни общества обуславливают изменения в структуре преступности, что вызывает необходимость изменения законодательства с целью организации эффективной борьбы с противоправными проявлениями. Согласно ст. 41 Конституции Республики Беларусь гражданам гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения, т. е. право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей. Статья 10 Закона Республики Беларусь от 15.07.2015 г. «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД») регламентирует право граждан на оказание содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД) на конфиденциальной основе по раскрытию преступлений или при проведении различных оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Тем самым данная категория граждан, с одной стороны, реализует конституционное право, а с другой – оказывает государству помощь в борьбе с преступностью. В связи этим социальная защита личности в ОРД, прежде всего граждан, оказывавших или оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД (далее – конфидененты), приобретает особое значение. В Законе «Об ОРД» впервые были перечислены в ст. 55 меры по обеспечению безопасности, а также дана их детальная регламентация (статьи 56–66). Это повлекло необходимость внесения ряда изменений в соответствующие статьи (192, 216, 262, 281) УПК Республики Беларусь, однако нормы Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) не были подвергнуты соответствующей ревизии.

Немаловажное место в правовой защите конфиденентов занимает вопрос освобождения последних от уголовной ответственности в связи с выполнением специальных заданий. Как правило, с необходимостью применения указанных мер защиты мы сталкиваемся при участии конфиденента в таком ОРМ, как «оперативное внедрение». Пребывание кон-

фидентов среди соучастников преступления не исключает возникновения ситуаций, когда преступники, оказывая воздействие на последних, провоцируют их на вынужденное совершение преступления. Законодателем в главе 6 УК Республики Беларусь предусмотрено наличие ряда обстоятельств, исключающих преступность деяния, если конфиденгент совершал преступление вынужденно и действовал по специальному заданию органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Несомненно, что конфиденгент, являясь вовлеченным в преступную деятельность, находится под воздействием участников преступного сообщества, поэтому в случае их указания или принуждения, конфиденгент вынужден совершить противоправное деяние, тем самым избежать расшифровки перед преступниками. Таким образом, конфиденгент, будучи внедренным в преступное сообщество, испытывает психическое или физическое воздействие со стороны участников преступной среды и вынужденно совершает преступление, находясь под психическим или физическим давлением со стороны остальных членов преступной группы, а не самостоятельно (поскольку в случае совершения преступления без соответствующего указания соучастников, его действия влекут наступление уголовной ответственности). Исходя из вышесказанного, на наш взгляд, преступление признается совершенным вынужденно в случае психического или физического воздействия на конфиденгента со стороны лиц, находящихся в преступном сообществе, а также с целью совершения им преступления, которое будет способствовать дальнейшему пребыванию конфиденгента в преступной среде. При соблюдении всех положений, содержащихся в ст. 38 УК Республики Беларусь, законодатель исключает наступление уголовной ответственности конфиденгента в случае причинения им любого вреда, за исключением вреда, связанного с посягательством на жизнь или здоровье человека.

На основании вышеизложенного предлагаем дополнить ст. 38 УК Республики Беларусь частью 3 следующего содержания: «вред признается совершенным вынужденно в случае психического или физического воздействия в отношении лица, находящегося среди соучастников преступления по специальному заданию, со стороны иных соучастников с целью совершения им преступления, и его совершение будет способствовать дальнейшему пребыванию лица в преступной группе, а также предупреждению или раскрытию более тяжкого преступления».

Дополнение данной статьи правовой нормой, оговаривающей условия вынужденного причинения вреда правоохраняемым отношениям, позволит более правильно квалифицировать действия конфиденгента, пребывающего среди соучастников преступления по специальному зада-

нию и совершившего противоправное деяние. Это, в свою очередь, исключит возможность необоснованного их привлечения к уголовной ответственности, что положительным образом отразится на правовой защите в целом.

Харевич Д. Л.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ АГЕНТУРНЫХ ОПЕРАЦИЙ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В последние десятилетия преступность характеризуется ростом количества транснациональных преступлений, таких как торговля людьми, наркотрафик и ряд других. Опыт показывает, что борьба с ними на территории отдельно взятого государства малоэффективна, что требует от правоохранительных органов различных стран мира объединения своих усилий и совершенствования тактики борьбы с преступностью, в том числе путем использования не только гласных, но и негласных мер. Для решения указанной задачи государствами – членами ООН разработана и принята Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года (далее – Конвенция), к которой присоединились все государства – участники СНГ. Согласно русскоязычному тексту ст. 20 указанной Конвенции рекомендуется использование каждым государством «агентурных операций» при противодействии организованной преступности как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Значение термина «агентурные операции» не раскрывается ни в Конвенции, ни в выпущенных позднее руководствах по ее осуществлению [1]; он также не имеет прямых аналогов в правовых системах государств – участников СНГ, что затрудняет решение вопроса о том, в какой степени соответствующие нормы могут использоваться правоохранительными органами этих государств при осуществлении международного сотрудничества в сфере борьбы с транснациональной организованной преступностью.

Как показывает анализ текста Конвенции на русском, английском и немецком языках, а также нормативных правовых актов Австрии, США, ФРГ [2], Швейцарии [3], ведущая роль в осуществлении негласных расследований (негласных операций) принадлежит штатным сотрудникам правоохранительных органов, участие же гражданских лиц, не состоящих в штате таких органов, возможно не во всех государствах либо может являться исключительной мерой или не допускается.

Данное обстоятельство может повлечь за собой ряд проблем при использовании Конвенции в качестве правовой основы для проведения агентурных операций между государствами – участниками СНГ и иными государствами, национальное законодательство которым не допускает участия гражданских лиц в подобных операциях. Так, служащие правоохранительных органов зарубежных государств при проведении агентурных операций на территории любого из государств – участников СНГ не имеют статуса сотрудника органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и могут участвовать в таких операциях лишь как граждане, оказывающие конфиденциальное содействие данным органам. Аналогичная ситуация будет иметь место в отношении сотрудников правоохранительных органов государств – участников СНГ, участвующих в проведении негласных мероприятий в иностранном государстве. Поскольку законами государств – участников СНГ «Об оперативно-розыскной деятельности» органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, могут привлекать к проведению оперативно-розыскных мероприятий лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, в том числе граждан иностранных государств, то осуществление агентурной операции с участием служащего правоохранительного органа зарубежного государства на территории государств – участников СНГ является допустимым. В то же время в странах, законодательством которых запрещено проведение негласных расследований (негласных операций) лицами, не находящимися в штате национального правоохранительного органа, проведение подобной агентурной операции неправомерно. Разрешение указанной проблемы возможно путем внесения в национальное законодательство указанных стран нормы, допускающей участие в агентурной операции лиц, не состоящих в штате правоохранительных органов этих стран, если проведение такой агентурной операции была начато на территории зарубежного государства при соблюдении требований законодательства данного государства. Указанная мера может быть реализована путем принятия приведенной нормы как поправки к Конвенции или ее включения в очередную резолюцию сессии ООН по вопросам борьбы с транснациональной преступностью либо Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию.

Конвенция ООН может использоваться в качестве универсального правового инструмента, предоставляющего возможность сотрудничества со странами, с которыми отдельными государствами – участниками СНГ не заключены двусторонние договоры о сотрудничестве. Помимо этого, указанная Конвенция является основой для разработки двусторонних соглашений, основывающихся на общепризнанных стандартах

права, которые закреплены в конвенциях ООН, в том числе и в рассматриваемой Конвенции. С учетом этого существует объективная необходимость в выработке согласующихся с нормами национального законодательства государств – участников СНГ формулировок (определений), которые могут использоваться в процессе разработки дву- и многосторонних международных договоров, а также формулирования оговорок при подписании, ратификации международных договоров либо разработки национальных правовых актов о применении правил международного договора.

В качестве основы представляется возможным использование в соответствующих международных договорах определения термина «агентурные операции» в следующей редакции: «негласные действия уполномоченных органов Сторон, осуществляемые с целью борьбы с организованной преступностью, сопровождающиеся проникновением в организованные преступные формирования должностных лиц указанных органов, а также лиц, сотрудничающих с данными органами на конфиденциальной основе и ведением ими разведывательно-поисковой работы в таких формированиях».

Список использованных источников

1. Руководства для законодательных органов по осуществлению Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и протоколов к ней / Управление ООН по наркотикам и преступности. – Нью-Йорк, 2004. – 586 с.

2. *Харевич, Д. Л.* Негласное расследование в Германии / Д. Л. Харевич ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД, 2010. – 287 с.

3. *Харевич, Д. Л.* Некоторые проблемные аспекты правового регулирования проведения оперативно-розыскных мероприятий, связанных с противодействием транснациональной организованной преступности / Д. Л. Харевич// Вестник Акад. МВД Респ. Беларусь. – 2009. – № 1(17). – С. 71–74.

Шаматульский И. А.

ПОНЯТИЕ РИСКА В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На сегодняшний день нет однозначного понимания сущности риска в оперативно-розыскной деятельности. Это связано прежде всего с многоаспектностью этого явления. Большинство авторов определяют риск в оперативно-розыскной деятельности как действия, осуществляемые в расчете на удачу и счастливый исход при преодолении различных опасностей в сфере борьбы с преступностью.

В наиболее развернутом виде концепцию риска в оперативно-розыскной деятельности разработал В. Г. Самойлов, который отмечал,

что необходимость осуществления оперативно-розыскных мероприятий ставит оперативного сотрудника в условия постоянного профессионального риска, потому что благополучный исход не всегда гарантирован. В то же время уйти от принятия решения о проведении такого оперативно-розыскного мероприятия он не может, ибо в этом случае тоже рискует возможностью нарушения законности, своим авторитетом, престижем профессии и оперативного подразделения.

Чтобы понять содержание категории риска в оперативно-розыскной деятельности, необходимо выяснить сущность таких понятий, как «ситуация риска» и «степень риска», так как они непосредственно связаны с содержанием термина «риск».

Термин «ситуация» определяется как сочетание, совокупность различных обстоятельств и условий, создающих определенную обстановку для оперативно-розыскного или иного вида деятельности. По мнению А. П. Альгина, рискованной ситуации сопутствуют три условия:

1) наличие неопределенности – развитие ситуации трудно прогнозировать, при этом вероятность наступления негативных последствий достаточно высока, если на ситуацию не повлиять;

2) необходимость осуществления выбора (в том числе отказ от него) – поведение работника правоохранительных органов регламентируется действующим законодательством, но в сложившейся ситуации грань между дозволенным и необходимым неопределенная;

3) возможность оценивания вероятности воплощения выбранных альтернатив – как соотношение возможности наступления положительного и отрицательного результата в зависимости от выбранного решения.

А. П. Альгин определяет следующие черты таких ситуаций:

1. Субъект, который выбирает из нескольких альтернатив, имеет определенные объективные данные, позволяющие проанализировать и определить вероятность развития событий.

2. Лицо может оценить вероятность наступления определенных последствий только на основе субъективных оценок.

3. Субъект при выборе обладает как субъективными, так и объективными данными.

Следовательно, ситуация риска включает в себя как субъективную, так и объективную составляющую. Объективная ситуация риска включает в себя совокупность внешних обстоятельств, определяющих возможность наступления вредных последствий. Субъективная ситуация связана с осознанием субъектом рискованности принимаемых им решений.

Вторым понятием, отражающим сущность риска в оперативно-розыскной деятельности, является «степень риска». В явлении риска выделяют следующие основные элементы, раскрывающие его сущность:

- возможность отклонения от предусмотренной цели, ради которой и реализуется выбранная альтернатива;
- отсутствие уверенности в достижении поставленной цели;
- вероятность достижения желаемого результата;
- возможность наступления негативных последствий;
- материальные и другие потери, связанные с осуществлением избранной в условиях неопределенности альтернативы;
- ожидание опасности, неудачи в результате реализации избранной альтернативы.

Наличие в риске указанных элементов показывает, что нельзя его связывать только с возможным наступлением негативных последствий, опасностью, неудачей или только с удачным результатом, который может наступить в ходе реализации выбранной в условиях неопределенности альтернативы.

Безусловно, риск можно рассматривать как неотъемлемый элемент оперативно-розыскной деятельности. Риск, расчет, случай – это то, с чем сталкивается оперативный сотрудник регулярно в своей практической деятельности. Одни рискуют при проведении оперативно-розыскных мероприятий, другие – при работе с гражданами, оказывающими содействие на конфиденциальной основе.

Исходя из вышеизложенного, риск в оперативно-розыскной деятельности можно определить как объективно существующую вероятность наступления неблагоприятных последствий в ходе осуществления оперативно-розыскных и иных мероприятий сотрудниками оперативных подразделений при достижении общественно полезной цели, направленной на решение задач по борьбе с преступностью, обусловленную неопределенностью возможных оценок ситуаций, в которых реализуются данные мероприятия.

Шемет В. С.

КОНЦЕПЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Анализ общественных отношений в сфере оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), представляющий собой сложный и многогранный процесс, невозможен без научной разработки вопросов теории и методологии. В свою очередь, прогресс методологии науки тесно «связан с конкретизацией и развитием представлений о концептуальных структурах научного знания» [1, с. 308].

Любой вид социальной деятельности, в том числе и оперативно-розыскной, базируется на гносеологических, онтологических, эмпири-

ческих и других основаниях, которые могут быть представлены в виде определенной концепции.

Обычно под «концепцией» понимают «систему взглядов, выражающую определенный способ видения («точку зрения»), понимания, трактовки каких-либо предметов, явлений, процессов и презентующую ведущую идею или (и) конструктивный принцип, реализующие определенный замысел в той или иной теоретической знаниевой практике» [2, с. 505], «систему связанных между собой и вытекающих один из другого взглядов на то или иное явление [3, с. 97].

Несмотря на широкое распространение термина «концепция», его толкование может быть различным. Н. И. Кондаков предлагает следующую дифференциацию:

- концепция как способ понимания, трактовки каких-либо явлений, событий;

- концепция как основополагающая идея какой-либо теории;

- концепция как общий замысел, главная мысль;

- концепция как система взаимосвязанных и вытекающих один из другого взглядов на те или иные явления, процессы [4, с. 263].

С практической точки зрения представляется целесообразным рассмотреть концепцию ОРД в деятельностном аспекте, т. е. в рамках логической цепочки: цель – программа – результат. Причем, «концепция представляет собой лишь первый, ближайший шаг от целеполагания к проектированию» [5, с. 188].

Нельзя не согласиться с мнением Н. Н. Рыбалкина о том, что «конкретное содержание концепции определяется, с одной стороны, характером деятельности, а, с другой, – теми конкретными условиями, в которых она осуществляется» [5, с. 188].

Современные условия (речь идет не об условиях проведения оперативно-розыскных мероприятий), в которых осуществляется ОРД, имеют внешнюю и внутреннюю компоненту. Это нашло отражение в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575.

Внешняя зависит от состояния миропорядка и характеризуется следующими элементами (потенциальными, либо реально существующими): навязывание Республике Беларусь политического курса, не отвечающего его национальным интересам; подготовка или осуществление террористических актов или актов экстремистского характера, использование транзитных возможностей Беларуси в этих целях; потеря внешних рынков, в том числе в результате дискриминации белорусских товаропроизводителей и др. Внутренняя компонента включает потенциальную или реальную возможность возникновения в республике беспорядков, сопровождающихся насилием или угрозой насилия, роста пре-

ступных и иных противоправных посягательств против личности и собственности, коррупционных проявлений, преступлений в сфере информационных технологий и т. д.

В этих условиях формирование концепции ОРД должно происходить по двум фундаментальным направлениям: познание объекта ОРД и воздействие (преобразование) на него (его).

Объектом ОРД в широком смысле будет выступать комплекс общественных отношений, складывающихся непосредственно в процессе осуществления этой деятельности. Его познание основано на таком свойстве материи, как отражение.

Воздействие на общественные отношения в сфере ОРД, их преобразование должны осуществляться исходя из цели деятельности. Несмотря на то, что в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» отсутствует юридическая формулировка цели ОРД, она вытекает из смысла ст. 1 Закона, а именно: целью ОРД будем считать защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав и законных интересов организаций, собственности от преступных посягательств, обеспечение безопасности общества и государства.

Как мы отмечали ранее, концепция представляет собой лишь первый, ближайший шаг от целеполагания к проектированию. В силу этого структуру концепции ОРД можно представить в виде двуединых составляющих:

концепцию объекта ОРД, основанную на отражении в сознании субъектов этой деятельности элементов материального мира;

концепцию непосредственно самой ОРД как деятельности, обладающей специфическими сущностно-содержательными признаками.

Список использованных источников

1. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. обществ.-науч. фонд ; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 2000–2001. – Т. 2. – 634 с.

2. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А. А. Грицанов, науч. ред. : М. А. Можейко, Т. Г. Румянцева. – 3-е изд., испр. – Минск : Книжный Дом, 2003. – 1280 с.

3. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. язык, 1981–1984. – Т. 2. – 1983. – 736 с.

4. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М. : Наука, 1975. – 720 с.

5. Рыбалкин, Н. Н. Философия безопасности / Н. Н. Рыбалкин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 253 с.

Раздел VIII. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Акчурина А. В.

СПОСОБЫ, ОРУДИЯ И СЛЕДЫ СОВЕРШЕНИЯ ОСУЖДЕННЫМИ ДЕЙСТВИЙ ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА

На основе изучения материалов возбужденных в 2010–2015 гг. в 66 регионах Российской Федерации уголовных дел по ст. 321 УК РФ нами предпринята попытка исследования в отношении осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы в исправительных колониях общего, строгого и особого режимов, некоторых обстоятельств совершения дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Анализ практики совершения осужденными действий, направленных на дезорганизацию деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, показывает, что орудия и способы совершения преступления могут быть разнообразными, но вместе с тем их выбор весьма ограничен, что объясняется особыми условиями жизнедеятельности осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы (их изоляция, постоянный контроль и надзор, регламентация внутреннего распорядка и т. п.). Большинство преступлений совершается осужденными без использования какого-либо оружия либо иных предметов (табл.1).

Таблица 1

Способы совершения преступлений

№ п/п	Способ	Процентное соотношение
1.	Без применения орудий преступления, но с использованием физической силы, в том числе:	84,7 %
	– нанесение ударов руками и ногами	45,9 %
	– оказание сопротивления, выкручивание рук, удержание, толчки, сбивание с ног, захват за одежду, воспрепятствование изъятию запрещенных предметов и т. п.	32,6 %
	– нанесение ударов головой	3,8 %
	– причинение ран зубами	2,2 %
	– причинение ран (травм) ногтями	0,2 %

2.	С применением орудий преступления, в том числе:	9,9 %
	– подручные предметы (деревянная урна, тумба, табурет, пепельница, костыль, тарелка, кружка, вилка, шариковая ручка, металлический прут, труба, камень, палка и т. п.)	4,1 %
	– лезвие от одноразовых бритвенных станков	2,2 %
	– заточка	0,8 %
	– кипяток (горячий чай)	0,8 %;
	– осколок стекла	0,5 %
	– ножницы	0,4 %
	– жидкость с признаками биологических и химических веществ (моча, раствор хлорки и т. п.)	0,3 %
	– производственный инструмент (стамеска, монтировка и т. п.)	0,3 %
	– металлическая дверь (при открывании)	0,3 %
	– спецсредство ПР-73, отобранное у сотрудников исправительного учреждения	0,2 %
3.	Высказывание угроз, но без применения насилия	5,4 %

При этом осужденные зачастую используют собственную мускульно-физическую силу без применения каких-либо орудий и средств причинения вреда, как правило, в форме нанесения ударов руками и ногами по телу потерпевшего, либо оказания сопротивления, выкручивания рук, толчков и т. п.

Вместе с тем, велика доля таких действий, при которых насилие в отношении потерпевшего причиняется не при первичном контакте, а как следствие этого воздействия (при падении, ударе о какое-либо препятствие и т. п.), либо не причиняется вовсе.

Для осужденных, имеющих стойкую криминальную направленность характерны ухищренные способы совершения преступления (причинение вреда или угрозой такого причинения с использованием лезвия от бритвенного станка больного ВИЧ-инфекцией, использованием жидкостей химического характера и т. п.).

При анализе способов и орудий преступления нами выявлены взаимосвязанные и взаимообусловленные с ними следы, которые остаются на потерпевшем. Такие следы характеризуются в значительной степени наличием различного рода травм, ран и повреждений одежды (табл. 2).

Таблица 2

Следы, обнаруженные на потерпевшем

№ п/п	Вид следа	Процентное соотношение
1.	Следы на голове потерпевшего, в том числе:	64,9 %
	– ушибы, кровоподтеки, ссадины мягких тканей лица	43,9 %
	– тупая травма головы	16,4 %
	– ожог лицевой части головы, глаз	1,7 %
	– перелом спинки носа	1,7 %
	– резаная рана лица	1,2 %
2.	Следы на теле потерпевшего, в том числе:	25,2 %
	– тупая травма грудной клетки	9,6 %
	– тупая травма брюшной полости	4,3 %
	– тупая травма шеи	4,0 %
	– тупая травма бедра	2,1 %
	– проникающее ранение шеи, брюшной полости, поясничного отдела, рук	1,9 %
	– следы укуса на руках и ногах	1,7 %
	– резаная рана рук	1,6 %
3.	Повреждение форменной одежды, в том числе:	6,5 %
	– повреждение ее целостности (оторван карман, рукав и т. п.)	3,4 %
	– повреждение символики форменного обмундирования (сорван погон, шеврон)	3,1 %
4.	Иные следы	3,4 %

Большая их часть приходится на область головы и ее лицевой части.

Подводя итог, сформулируем характеристику отдельным обстоятельствам совершения дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Итак, типичным способом совершения преступления является мускульно-физическая сила осужденных без применения какого-либо оружия и средств причинения вреда, как правило, в форме нанесения ударов руками и ногами по телу потерпевшего, либо оказания сопротивления, выкручивания рук, толчков и т. п. Типичные следы преступления – различного рода травмы, раны на теле и повреждения одежды потерпевшего.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПО ИСПОЛНЕНИЮ ПРИГОВОРА ПРИ УКЛОНЕНИИ ОСУЖДЕННОГО ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА

Политика государства в области уголовного законодательства на протяжении XXI в. была направлена на реформирование норм права согласно реальной криминальной ситуации, складывающейся в стране. Так, «устаревшие» составы преступлений Особенной части УК РФ, потерявшие в силу течения времени свою общественную опасность, были декриминализированы в установленном порядке («Оскорбление») либо существенно изменены в связи с появлением новых преступных технологий, влияющих на способы и методы совершения преступления, в связи с чем требующие более детального уточнения всех элементов состава преступления («Контрабанда»). При этом в сфере мошенничества и экономической деятельности были введены в действие нормы права, устанавливающие ответственность за общественно-опасные деяния, осуществление которых стало возможным в условиях современной экономической ситуации и развития технологий («Мошенничество с использованием платежных карт»).

Таким образом, уголовное законодательство фактически оценивает, какие запретительные меры необходимы, чтобы таким образом стабилизировать обстановку в обществе, находящемся на определенном этапе развития, а также предотвратить сохранение мер, которые в настоящее время являются излишними, бесполезными и даже вредными.

В связи с проведением указанной политики в области уголовного законодательства Президент РФ в феврале 2017 г. подписал закон о декриминализации «домашнего насилия» – побоев в семье, на основании которого лицо, совершившее указанное деяние впервые привлекается к административной ответственности.

Следует отметить, что согласно статистическим данным за 2014 г. по ст. 116 УК РФ были осуждены 31 260 человек, прекращено в связи с отсутствием состава преступления 11 719 дел, прекращено по другим основаниям 42 245 дел. Таким образом, на сегодняшний день среди лиц, осужденных за преступления против жизни и здоровья, 35,7 % отбывают наказание за побои.

Одни ученые склоняются к мнению, что декриминализированные преступления не несут как таковой угрозы обществу и не требуют фактической изоляции от него осужденного, однако у лица, имеющего судимость в современных экономических условиях, возникают проблемы с трудоустройством, что сказывается как на семейных интересах, так и

может подталкивать лицо на совершение уже более весомых преступлений, другие – опасаются, что декриминализация может повлечь увеличение числа противоправных действий, направленных против личности, от лиц, склонных к совершению преступлений и правонарушений.

В связи с декриминализацией побоев в УК РФ для защиты личности каждого человека были внесены изменения о введении нового состава преступления «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию».

Таким образом, для стабилизации криминальной обстановки необходимо наличие эффективного комплекса мер по привлечению лица, уже подвергнутого административному наказанию, к уголовной ответственности в связи с его опасностью для общества как склонного к совершению насильственных действий.

Эффективность данного комплекса мер, связанных с совершенствованием уголовного, уголовно-процессуального законодательства, направленных на защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, а также защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, является назначением уголовного судопроизводства.

Бодрова Ю. В.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИНЯТИЯ ПРОКУРОРАМИ МЕР РЕАГИРОВАНИЯ ПО ФАКТАМ ВЫЯВЛЕНИЯ НЕДОСТАТКОВ ПРИ ПОДДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДАХ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Осуществление надзора за исполнением требований закона является основной функций прокуратуры Российской Федерации. В статьях 23–25, 25.1 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» содержится исчерпывающий перечень форм реализации полномочий прокурора в связи с выявленными правонарушениями. Основными средствами обеспечения правопорядка являются: представление, протест, предостережение и постановление. Будучи предусмотренными в законе, перечисленные акты прокурорского реагирования имеют процессуальный характер. При этом закон определяет порядок их внесения и рассмотрения, права и обязанности прокурора и лиц, рассматривающих эти акты. В то же время указанный перечень не охватывает всех мер воздействия прокурора на нарушения законности, возникающих в правоприменительной практике.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года в условиях реформирования современного россий-

ского законодательства основными целями уголовно-правовой политики государства является предупреждение и профилактика преступлений.

В сфере осуществления прокурорского надзора на всех этапах уголовного судопроизводства существуют меры реагирования, способствующие устранению причин и условий совершенного преступления, т. е. профилактике преступности, а также меры реагирования на нарушения закона, допущенные участниками уголовного процесса. Данные меры применяются в практической деятельности прокурорами, поддерживающими государственное обвинение по уголовным делам. Однако они не нашли своего закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве. К таковым, в частности, относятся ходатайства государственных обвинителей о вынесении судами частных постановлений (определений) в связи с выявленными нарушениями закона, допущенными в ходе предварительного расследования, и принятие иных мер реагирования в уголовном судопроизводстве.

Так, согласно статистическим данным за 2016 г. в связи с недостатками, допущенными в ходе предварительного расследования, государственными обвинителями заявлено 92 ходатайства о вынесении судом частных постановлений (АППГ – 106). Удовлетворяемость судом ходатайств в 2016 г. составила 92,4 % (АППГ – 96,2 %), в 1 квартале 2017 г. – 100 % (АППГ – 100 %).

Часть 4 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) предоставляет суду право в ходе судебного разбирательства по уголовному делу реагировать на нарушения закона путем вынесения частного определения или постановления. Однако в УПК РФ не предусмотрено право инициировать вынесение судом частных постановлений другими участниками уголовного судопроизводства, в частности, государственным обвинителем (прокурором). Кроме того, действующее законодательство Российской Федерации не регламентирует вопросы исполнения указанных частных постановлений (определений), не закрепляет срок, в течение которого должно быть рассмотрено частное постановление (определение), не устанавливает форму сообщения о результатах рассмотрения судебного решения, не содержит обязательного требования о сообщении суду о принятых мерах по устранению нарушений закона.

Представляет значительный интерес для российского законодательства практика вынесения и рассмотрения частных постановлений суда в Республике Беларусь, регламентированная национальным Уголовно-процессуальным кодексом. Статья 33 УПК Республики Беларусь устанавливает для рассмотрения частного постановления срок – не позднее 1 месяца со дня поступления. Кроме того, в указанной статье

предусмотрена письменная форма сообщения судье о мерах, принятых по частному постановлению.

Следует отметить, что российское законодательство для рассмотрения обращений, запросов граждан и правоохранительных органов устанавливает общий срок – 30 суток. Данный срок по аналогии должен применяться и для рассмотрения частного постановления (определения) суда. Исчисление срока сутками способствует более единообразному подходу к решению данного вопроса, так как количество календарных дней в месяце различно. Целесообразно обязать руководителя, в адрес которого вынесено частное постановление, проводить служебную проверку в отношении подчиненных лиц, отвечающих за направление деятельности, в отношении которых судом вынесено частное постановление.

В связи с вышеизложенным, в целях повышения эффективности прокурорского надзора за организацией предварительного расследования предлагается внести изменения в УПК РФ, изложить ч. 4 ст. 29 в следующей редакции: «Если при судебном рассмотрении уголовного дела будут выявлены обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания, предварительного следствия или при рассмотрении уголовного дела нижестоящим судом, то суд вправе по собственной инициативе либо по ходатайству прокурора вынести частное определение или постановление, в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер. Суд вправе вынести частное определение или постановление и в других случаях, если признает это необходимым. Вынесенное частное постановление (определение) подлежит рассмотрению в срок, не превышающий 30 суток с момента поступления адресату, с сообщением в письменном виде суду о принятых мерах реагирования. Руководитель, в адрес которого вынесено частное постановление, обязан проводить служебную проверку в отношении лиц, допустивших нарушения закона, указанные в частном постановлении (определении)».

Василевич Г. А.

ИСТОЧНИКИ МЕДИЦИНСКОГО ПРАВА

Любая отрасль права (и медицинское право – не исключение) имеет свои источники, т. е. те формы, в которых закрепляются обязательные для граждан (пациентов), медицинского персонала, должностных и иных лиц правила поведения, за неисполнение которых может наступить ответственность.

В юридическом отношении выделяют несколько источников права. Среди них – нормативные правовые акты, международные договоры, правовые обычаи, юридические прецеденты.

Наиболее многочисленным источником являются нормативные правовые акты. Нормативным правовым актом считается официальный документ установленной формы, принятый (изданный) в пределах компетенции уполномоченного государственного органа (должностного лица) или путем референдума с соблюдением установленной законодательством Республики Беларусь процедуры, содержащий общеобязательные правила поведения, рассчитанные на неопределенный круг лиц и неоднократное применение.

В национальном праве предусмотрены различные виды издаваемых (принимаемых) органами государственной власти (должностными лицами) нормативных правовых актов. Каждому субъекту власти присущи свои виды актов: Парламент принимает законы и постановления, Президент издает декреты, указы, распоряжения, Правительство – постановления и т. д.

В Республике Беларусь принято более 2 500 законов. Конечно, не все эти акты являются источниками медицинского права. Для определения этого надо исходить из предмета правового регулирования нормативного правового акта.

В случае необходимости решения какого-либо правового вопроса важно руководствоваться иерархией, т. е. юридической силой акта: правила, содержащиеся в акте, обладающем большей юридической силой, имеют приоритет. Иерархия (правовая пирамида) актов строится с учетом места и роли того или иного органа (должностного лица) в системе власти. Определяя иерархию нормативных правовых актов, следует иметь в виду, что заключениями Конституционного Суда Республики Беларусь нормативный акт любого государственного органа может быть признан неконституционным и в силу этого не подлежащим применению судами и иными органами, т. е. заключения Конституционного Суда по своей юридической силе идут вслед за Конституцией.

В Конституции Республики Беларусь имеются положения, посвященные общим вопросам охраны здоровья и осуществления медицинской деятельности. Так, в ст. 24 закреплено право каждого человека на жизнь. Конституцией установлен запрет на пытки, жестокое, бесчеловечное либо унижающее достоинство человека обращение или наказание, а также без его согласия быть подвергнутым медицинским или иным опытам (ст. 25). Одной из важнейших для медицинского права является ст. 45 Конституции, согласно которой гражданам Республики Беларусь гарантируется право на охрану здоровья, включая бесплатное

лечение в государственных учреждениях здравоохранения. Государство создает условия доступного для всех граждан медицинского обслуживания. Право граждан Республики Беларусь на охрану здоровья обеспечивается также развитием физической культуры и спорта, мерами по оздоровлению окружающей среды, возможностью пользования оздоровительными учреждениями, совершенствованием охраны труда. Конституционные нормы, которые провозглашают человека, его права и свободы, включая здоровье, честь, достоинство, неприкосновенность и безопасность высшей целью общества и государства, получают свое развитие в актах текущего законодательства и в целом в национальной системе права.

Положения Конституции находят свое развитие в законодательных актах (законах, декретах, указах). Так, среди специальных актов можно назвать ряд законов. Среди них Закон Республики Беларусь «О здравоохранении», который направлен на обеспечение правовых, организационных, экономических и социальных основ государственного регулирования в области здравоохранения в целях сохранения, укрепления и восстановления здоровья населения. Этот закон отражает государственную политику, проводимую в области здравоохранения в Республике Беларусь, принципы здравоохранения, определяет содержание права на охрану здоровья и обязанности пациентов и врачей, устанавливает государственные гарантии правовой защиты права на охрану здоровья и другие вопросы в этой сфере жизнедеятельности. Закон Республики Беларусь от 07.01.2012 № 340-З «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» направлен на установление правовых и организационных основ предотвращения неблагоприятного воздействия на организм человека факторов среды его обитания в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Имеется ряд законов, которыми ратифицированы международные договоры: Закон Республики Беларусь от 19.07.2006 № 158-З «О ратификации Соглашения между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о порядке оказания медицинской помощи гражданам Республики Беларусь в учреждениях здравоохранения Российской Федерации и гражданам Российской Федерации в учреждениях здравоохранения Республики Беларусь»; Закон Республики Беларусь от 19.07.2000 № 425-З «О ратификации Базового соглашения между Правительством Республики Беларусь и Всемирной организацией здравоохранения об установлении технического консультативного сотрудничества» и др.

Особый интерес представляет Кодекс республики Беларусь о браке и семье. Он, в частности, определяет условия заключения брака. Для

заключения брака необходимы взаимное согласие лиц, вступающих в брак, достижение ими брачного возраста и отсутствие предусмотренных Кодексом препятствий к заключению брака (ст. 17). Им установлен брачный возраст – обычно это восемнадцать лет. В исключительных случаях, обусловленных беременностью, рождением ребенка, а также в случае приобретения несовершеннолетним полной дееспособности до достижения совершеннолетия орган, регистрирующий акты гражданского состояния, может снизить лицам, вступающим в брак, брачный возраст, но не более чем на три года. Снижение брачного возраста производится по заявлению лиц, вступающих в брак. При этом согласия родителей, попечителей несовершеннолетних на заключение брака не требуется. В целях обеспечения здоровья будущих детей Кодекс предусматривает препятствия к заключению брака. Так, не допускается заключение брака между лицами, из которых хотя бы одно лицо состоит уже в другом браке, зарегистрированном в установленном порядке; между родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии, между полнородными и неполнородными братьями и сестрами, а также между усыновителями и усыновленными; между лицами, из которых хотя бы одно лицо признано судом недееспособным. Сокрытие лицом, вступающим в брак, обстоятельств, препятствующих его заключению, является основанием для признания брака недействительным. Полезно использовать опыт других стран при заключении брака. В Азербайджане предусмотрена обязанность вступающих в брак сообщать своему будущему супругу о состоянии здоровья. Аналогичная норма есть в Семейном кодексе Украины.

В Гражданском, Уголовном, Трудовом кодексах Республики Беларусь, Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях и других содержатся нормы о юридической ответственности лиц, допустивших нарушения в области здравоохранения.

Акты Президента Республики Беларусь относятся к числу важнейших источников медицинского права. К ним можно отнести: Указ от 13.02.2012 № 62 «Об учреждении официальных геральдических символов Министерства здравоохранения» (вместе с «Положением о геральдическом знаке – эмблеме Министерства здравоохранения», «Положением о нагрудном знаке отличия Министерства здравоохранения “Ганаровы донары Рэспублікі Беларусь”»); Указ Президента Республики Беларусь от 06.03.2005 № 118 «Об утверждении перечня товаров медицинского назначения, обороты по реализации которых на территории Республики Беларусь освобождаются от обложения налогом на добавленную стоимость»; Указ Президента Республики Беларусь от 11.08.2005 № 366 «О формировании цен на лекарственные средства, изделия меди-

цинского назначения и медицинскую технику»; Указ Президента Республики Беларусь от 26.04.2010 № 198 «Об освобождении от налога на добавленную стоимость оборотов по реализации отдельных медицинских услуг»; Указ Президента Республики Беларусь от 12.05.2005 № 219 «О страховых взносах по договорам добровольного страхования жизни, дополнительной пенсии и медицинских расходов, включаемых в затраты по производству и реализации продукции, товаров (работ, услуг)»; Указ Президента Республики Беларусь от 05.01.2012 № 10 «О совершенствовании порядка оказания медицинской помощи обучающимся».

В сфере здравоохранения важную роль играют нормы административного права. Ими определяются вопросы, связанные с организацией здравоохранения. Вместе с нормами гражданского права они определяют правовой статус учреждений здравоохранения. В актах административного законодательства предусматриваются права и обязанности граждан, касающиеся оказания медицинской помощи. Они могут быть связаны не только с получением медицинской помощи, но и с реализацией права на труд, с обеспечением санитарно-эпидемиологического благополучия. Так, некоторые лица, отдельные категории работников обязаны делать профилактические прививки, осуществлять лечебные и карантинные мероприятия.

Среди актов Правительства назовем постановление Совета Министров от 28.10.2011 № 1446 «О некоторых вопросах Министерства здравоохранения и мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 г. № 360» (вместе с «Положением о Министерстве здравоохранения Республики Беларусь», «Положением о Департаменте фармацевтической промышленности Министерства здравоохранения Республики Беларусь»); постановление Совета Министров Республики Беларусь от 10.02.2009 № 182 «Об оказании платных медицинских услуг государственными учреждениями здравоохранения»; постановление Совета Министров Республики Беларусь от 18.12.2014 № 192 «Об утверждении Положения о порядке представления организациями здравоохранения в правоохранительные органы информации, составляющей врачебную тайну».

Специально уполномоченным республиканским органом исполнительной власти в области здравоохранения является Министерство здравоохранения Республики Беларусь, правовой статус которого определяется Положением о Министерстве здравоохранения Республики Беларусь, утвержденным Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28.10.2011 № 1446 «О некоторых вопросах Министерства здравоохранения и мерах по реализации Указа Президента Республики Беларусь от 11 августа 2011 г. № 360».

Большое количество актов принято Министерством здравоохранения. К сожалению, обилие актов приводит к тому, что при их сопоставлении обнаруживаются противоречия или несогласованность. В связи с этим необходимо руководствоваться правилом: кодекс по своей юридической силе выше закона, новый акт обладает приоритетом по отношению к ранее принятому, специальный акт (например, закон о социальной защите инвалидов) обладает большей юридической силой, чем общий.

Конституционный Суд Республики Беларусь также выносил свои решения по вопросам, касающимся оказания платных медицинских услуг, открытия аптечных киосков и др.

В силу обилия актов, регулирующих отношения в сфере здравоохранения, необходимости их упорядочения было бы полезно осуществить их кодификацию – принять Медицинский кодекс. В нем следовало бы решить весь комплекс вопросов, относящихся к медицинской деятельности, правовому статусу пациентов, медицинского персонала, учреждений здравоохранения. Он должен быть ориентирован на международно-правовые стандарты прав человека и здравоохранения.

Василевич Д. Г.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВТАНАЗИИ

Слово «эвтаназия» имеет греческое происхождение и означает легкую, спокойную, безболезненную смерть. Указанный термин введен в науку Ф. Бэконом, согласно которому «долг врача состоит не только в том, чтобы восстанавливать здоровье, но и в том, чтобы облегчать страдания и мучения, причиняемые болезнями... даже и в том случае, когда уже нет никакой надежды на спасение и можно лишь сделать самое смерть более легкой и спокойной, потому что эта эвтаназия... уже сама по себе является немалым счастьем» [1, с. 269].

Вопрос о легализации эвтаназии в Республике Беларусь, на наш взгляд, остается открытым. При этом аргументы можно привести как в пользу, так и против ее легализации. Из работ белорусских авторов на эту тему можно указать автореферат С. М. Сивца. В российской юридической литературе данный вопрос исследован в большей степени, ведется научная дискуссия [2]. По мнению некоторых российских ученых, «конституционное установление права на жизнь логически означает юридическое закрепление права человека на смерть. Очевидно, раз право на жизнь относится к числу личных прав человека, его реализация осуществляется им индивидуально и самостоятельно, независимо от воли других... Вопрос жизни и смерть юридически должен решаться человеком самостоятельно. Исключение составляет смертная казнь...

Во всех остальных случаях вмешательство других лиц в самостоятельное решение человеком вопроса жизни и смерти следовало бы признать юридически недопустимым» [3, с. 52].

Ю. А. Дмитриева и Е. В. Шленева полагают, что в случае наступления потребности в эвтаназии право на охрану здоровья (это право часто противопоставляется праву на добровольный уход из жизни – эвтаназию) оказывается исчерпанным, дальнейшее оказание больному медицинской помощи только усугубляет его страдания [3, с. 53]. Указанные авторы отстаивают позицию, согласно которой право на жизнь предполагает и право на самоубийство [3, с. 53]. Считаем, что настолько широкая трактовка права на жизнь, которая по существу поощряет право на самоубийство, уязвима для критики. Конечно, замалчивать данную тему не следует, проблема самоубийств актуальна и для нашей республики, и для других государств, о чем речь будет идти ниже.

Возвращаясь к проблеме эвтаназии отметим, что сторонники эвтаназии обращают внимание на необходимость ее распространения на пациентов, биологическая смерть которых неминуема и которые испытывают тяжелые физические страдания [3, с. 53]. Вместе с тем необходимо учитывать и религиозный аспект эвтаназии. Эвтаназию следует отличать от суицида, который реализуется непосредственно самим человеком, посчитавшим необходимым прекратить свою жизнь, причем не всегда это обусловлено какими-либо непреодолимыми страданиями.

По мнению Ю. А. Дмитриева и Е. В. Шленевой, отказ в эвтаназии следует рассматривать как применение к человеку пыток, насилия, жестокого или унижающего человека достоинства обращения [3, с. 58–59]. Данную позицию подверг критике В. И. Крусс, который обоснованно считает, что приобщение к западным традициям права должно осуществляться с учетом предшествующего духовно-культурного развития [4, с. 50]. Заметим, что иногда реализации права на эвтаназию добиваются люди, которые не имеют каких-то смертельных заболеваний, но в силу психического состояния вынуждены, как они считают, воспользоваться такой возможностью. Так, в Бельгии 24-летняя женщина по имени Лаура добилась эвтаназии по причине нахождения в течение нескольких лет в депрессии. По словам Лауры, ее с шести лет преследовали мысли о суициде. С 21 года она совершила несколько попыток самоубийства, став пациенткой психиатрической клиники. «Смерть для меня – не дело выбора. Если бы могла выбирать, то предпочла бы жизнь, которую можно вынести. Я сделала все, что могла, но это оказалось безуспешным», – заявила она. По информации Christian Examiner, страдающая от алкоголизма мать бросила Лауру, когда ей был всего год. Отец девочки также выпивал и плохо к ней относился.

В Бельгии эвтаназию разрешили в 2002 г. Изначально для ее осуществления основанием была только невыносимая боль, не поддающаяся лечению, или смертельное заболевание. В 2014 г. королем Бельгии подписан закон, разрешающий эвтаназию даже для смертельно больных детей любого возраста. Это стало поводом острой критики со стороны религиозных организаций внутри страны и за рубежом.

«Нестандартно» решение было принято в отношении другого гражданина Бельгии, который, как и Лаура, психологически страдал. Бельгийские врачи отказались проводить процедуру эвтаназии Франка ван ден Блекена, осужденного на пожизненное заключение за убийства и изнасилования. Тогда осужденный добился проведения эвтаназии через суд, хотя он и не страдает неизлечимым заболеванием. Сам 51-летний мужчина признал себя опасным для общества и испытывал психологические страдания из-за совершенных преступлений. Франк ван ден Блекен был приговорен к пожизненному заключению за изнасилование и убийство 19-летней девушки более 20 лет назад. Тогда его признали невменяемым. Спустя семь лет, выйдя из больницы, он совершил еще три убийства, после чего был осужден на пожизненный срок.

Процедура эвтаназии стоит больших денег. Так, в Швейцарии она стоит четыре тысячи евро. Помимо Бельгии, эвтаназия также разрешена в Нидерландах, Люксембурге и Колумбии.

Одна из наиболее громких историй, связанных с эвтаназией, произошла в 2014 г. в США. 29-летняя Бриттани Мейнард страдала от неизлечимой и неоперабельной опухоли головного мозга. По этой причине она претендовала на эвтаназию. Хирургическая операция по удалению опухоли не дала положительных результатов. Врачи констатировали, что болезнь вернулась, и прогрессирует со второй стадии до четвертой, терминальной. Они спрогнозировали ее продолжительность жизни в полгода. Онкологи объяснили пациентке, что могут предложить лучевую и химиотерапию, но данные виды лечения существенно ухудшат качество жизни, хоть и продлят ее на пару месяцев. Мейнард предпочла провести остаток дней без лекарств. Изучив медицинские факты, девушка узнала о невыносимых мучениях, испытываемых больными glioblastomой перед кончиной. И приняла решение о добровольном уходе из жизни в момент, когда ее состояние резко ухудшится. Близкие одобрили ее выбор. Мейнард с мужем проживали в Калифорнии, где эвтаназия законодательно запрещена, поэтому они переехали в Орегон. В организацию, консультировавшей смертельно больных по вопросам добровольного ухода из жизни, ей выписали лекарство, позволяющее уйти из жизни в любой момент без мучений. Мейнард составила список желаний, которые хотела бы осуществить до своей кончины. В том числе

она основала благотворительный фонд The Brittany Maynard Fund, призванный улучшить качество жизни неизлечимо больных и помочь им реализовать право на спокойный уход в мир иной. Она отправила письмо в CNN, озаглавленное My Right to Death with Dignity at 29 («Мое право умереть с достоинством в 29 лет»). «Я рассматривала возможность перемещения в хоспис. Но выяснила, что можно быстро привыкнуть к обезболивающим препаратам, даже к морфию, и они перестанут действовать. Кроме того, я в любом случае постепенно начала бы страдать от личностных изменений: потери вербальных, когнитивных способностей, возможности двигаться. Поскольку, если не брать в расчет опухоль, я молода и здорова, я хотела бы сохранять нормальный образ жизни, даже если рак пожирает мой мозг. Возможно, я бы месяцами страдала в хосписе, и моя семья была бы вынуждена это наблюдать – я не хочу для них такого кошмарного сценария, поэтому и приступила к поискам программ эвтаназии». В письме Бриттани задавалась вопросом, имеют ли все люди необходимые ресурсы для аналогичного шага, и сама отвечала себе: нет, не имеют, это неправильно и должно быть изменено законодательно. «Я неделями лечилась от рака. Я не самоубийца. Если бы я хотела совершить суицид, я бы давно сделала это, поскольку соответствующее лекарство мне выписано, и оно уже у меня. Я не хочу умирать, но я умираю. И я хочу умереть на своих условиях. Я не собираюсь убеждать кого-либо, оказавшегося в моей ситуации, выбрать “смерть с достоинством”. Мой вопрос в другом: почему у кого-то есть право лишать нас этого выбора?». Мейнард рассказала, что испытала колоссальное чувство облегчения, получив в аптеке выписанное врачом медицинское средство для безболезненного ухода из жизни. Право на смерть с достоинством, по ее словам, освободило ее от непрерывного страха, позволив заняться приятными вещами: общением, путешествиями, приготовлениям к празднованию дня рождения мужа.

Ее письмо и другие публикации и телепередачи о Бриттани, создали колоссальный общественный резонанс, где были одобрение и сострадание, гнев и осуждение. Большинство порицающих приводили религиозные доводы об отсутствии у человека права лишать себя жизни, дарованной Богом. По мнению оппонентов Мейнард, истинная «смерть с достоинством» заключается в принятии любых жизненных обстоятельств и борьбе с болезнью до самого конца. Комментаторы приводили примеры из собственного опыта, рассказывая об ушедших в муках родных и близких: по мнению осуждающих, сам термин «смерть с честью» оскорбляет память тех, кто выбрал бороться до конца, поскольку подразумевает, что не выбравшие эвтаназию скончались «без достоинства». Вместе с тем многие одобрили как личный выбор Брит-

тани, так и предложенные ею социальные реформы, касающиеся права на смерть. Например, бывший главный редактор издания *New England Journal of Medicine* Марсия Каплан назвала Мейнард «новым лицом движения за этический уход из жизни». Артур Каплан из орегонского комитета по медицинской этике отметил, что Мейнард изменила взгляд на давнюю дискуссию благодаря тому, что сильно отличалась от типичного терминального больного: была «молодой, оживленной, привлекательной и очень необычной». Мейнард пришлось воспользоваться своим правом добровольного ухода из жизни 1 ноября 2014 г. после того, как ее состояние значительно ухудшилось. Молодая женщина ушла из жизни в присутствии родственников и лучшей подруги в собственной спальне, приняв выписанное лекарство – смесь транквилизаторов и подавляющих функцию дыхания веществ. Она погрузилась в глубокий сон, и через 30 минут ее не стало. В свидетельстве о смерти была сделана запись, что Мейнард скончалась от глиобластомы, а не совершила самоубийство.

Приведенные выше примеры свидетельствуют, что вопрос о законодательном регулировании эвтаназии (ее запрете или разрешении) довольно сложный. Здесь существует много факторов, которые следует изучить и принять решение, которое бы учитывало в первую очередь тех людей, которые обречены на страдания. В законодательстве Республики Беларусь, в частности в Законе «О здравоохранении» в той или иной степени затрагиваются вопросы эвтаназии. Так, в ст. 31 этого Закона наряду с определением эвтаназии как удовлетворения просьбы пациента о прекращении жизнедеятельности его организма и наступлении смерти посредством каких-либо действий (бездействия) с целью избавления от мучительных страданий, вызванных неизлечимым заболеванием, прямо указано, что на территории Республики Беларусь осуществление эвтаназии, в том числе с помощью медицинских (фармацевтических) работников, запрещено. Лицо, сознательно побудившее другое лицо к эвтаназии и (или) осуществившее эвтаназию, несет ответственность в соответствии с законодательством Республики Беларусь.

Исходя из анализа приведенной законодательной нормы можно сделать вывод о том, что эвтаназия как прекращение жизни пациента в Беларуси недопустима, но граждане Республики Беларусь могут ее осуществить в других странах, где она легализована.

Список использованных источников

1. *Бэкон, Ф.* Соч. : в 2 т. / Ф. Бэкон. – М. : Мысль, 1977–1978. – Т. 2. – 1978. – 575 с.
2. *Ковалев, М. И.* Право на жизнь и на смерть / М. И. Ковалев // Государство и право. – 1992. – № 7. – С. 68–75; *Линник, Л. Н.* О праве на жизнь / Л. Н. Линник // Государство и право. – 1992. – № 2. – С. 50–59.

3. *Дмитриев, Ю. А.* Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии / Ю. А. Дмитриев, Е. В. Шленева // Государство и право. – 2000. – № 11. – С. 52–59.

4. *Крусс, В. И.* Актуальные аспекты проблемы злоупотребления правами и свободами человека / В. И. Крусс // Государство и право. – 2002. – № 7. – С. 46–53.

Веренчиков И. Р., Асаёнок Б. В.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ПРИ ВЕДЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА

Организационно-тактический комплекс в административном процессе следует охарактеризовать как систему осуществляемых под единым руководством и с единой тактической целью наиболее эффективных действий (как процессуального, так и непроцессуального характера), результаты которых используются в доказывании по делу об административном правонарушении.

Как таковые организационно-тактические комплексы (кончено же, не определяемого выше названия) уже давно существуют в практике ведения административного процесса различными правоохранительными и иными государственными органами. Достаточно сказать, что большая часть административных правонарушений выявляется именно посредством применения разнородных сил и средств в повседневной юрисдикционной деятельности указанных органов. Законодательство наделяет их полномочиями на осуществление проверок, назначение различного рода несудебных (и непроцессуальных по своей сути) экспертиз, проведение досмотров, осмотров, получение письменных и устных объяснений, отбор различных проб и образцов и т. д. Все указанные действия направлены на выявление, предупреждение и пресечение государственных органами в пределах своей компетенции тех либо иных нарушений законодательства и их осуществление зачастую приводит к выявлению административных правонарушений. Эта поисковая деятельность может носить как системный характер, так и осуществляться наряду с иными полномочиями государственных органов.

Таким образом, к началу административного процесса имеются закрепленные в служебных документах данные, свидетельствующие как о проведении определенных юрисдикционных действий, так и о получении по их результатам определенной информации о совершенном административном правонарушении. Оценка такой информации зачастую ведется лишь с позиций ее значимости в качестве поводов и оснований к началу административного процесса. Однако, как нам представляется,

при оценке ее системно, как получаемой в рамках организационно-тактического комплекса, такой информации следует придавать доказательственное значение, минуя необходимость повторного ее закрепления путем проведения процессуальных действий, предусмотренных Процессуально-исполнительным кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП). Подобную возможность предоставляет ст. 6.11 ПИКоАП, давая возможность оценивать полученные до начала административного процесса в результате юрисдикционных действий государственных органов фактические данные в качестве иных документов и носителей информации. Вместе с тем включение таких фактических данных в доказательственную базу по делу об административном правонарушении также должно подчиняться общим правилам оценки доказательств в административном процессе. И если допустимость их в полной мере признается положениями главы 8 ПИКоАП, то относимость, достоверность и достаточность нуждается в дополнительной научной проработке.

Относимость непроцессуальных результатов применения организационно-тактического комплекса обеспечивается именно целенаправленным осуществлением юрисдикционных действий для выявления значимых для административного процесса. В связи с этим дополнительно следует изучить, насколько цели осуществления юрисдикционных действий соответствуют полученному результату – доказательственной информации по делу об административном правонарушении. Ведь наряду с поиском признаков административных правонарушений, такие действия могут иметь и другие цели (обеспечение общественного порядка и безопасности, профилактика правонарушений, обеспечение того либо иного правового режима и др.).

Достоверность полученных в результате проведения юрисдикционных действий результатов напрямую зависит от правильной методики их осуществления. И здесь, как представляется, существенное значение имеет именно криминалистический взгляд на порядок осуществления юрисдикционных действий. К примеру, термин «досмотр» встречается более чем в двухстах нормативных правовых актах Республики Беларусь. Однако порядок его осуществления в зависимости от задач осуществляющего его государственного органа, объектов досмотра пока еще не стал предметом единого системного исследования с единой методологической базой. Такие попытки время от времени предпринимаются в некоторых специальных научных дисциплинах (административная деятельность органов внутренних дел, тактика пограничной службы и пограничного контроля, технические средства таможенного контроля и др.). Однако при ближайшем изучении таких попыток можно убедиться,

что имеет место бессистемное и методологически неоправданное искажение уже имеющегося криминалистического инструментария, а не обоснованное его совершенствование под нужды конкретной задачи и объекта досмотра. Нам представляется, что достоверность результатов досмотра и иных юрисдикционных действий может быть гарантирована только научно обоснованным применением с учетом имеющейся специфики категориального аппарата и тактического инструментария криминалистики.

В завершение несколько слов о достаточности результатов применения непроцессуальных элементов организационно-тактического комплекса. Как нам представляется, с учетом приведенных выше положений обоснованное использование результатов организационно-тактических комплексов в административном процессе может привести к существенной процессуальной экономии, поскольку оценка их в качестве достаточных доказательств приведет к отсутствию необходимости во многих процессуальных действиях (а значит, экономии людских, материальных и временных ресурсов).

Гамбарова Е. А.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИСТОЧНИК ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Возможности сети Интернет способствуют созданию новых способов совершения преступлений, что обязывает органы следствия учитывать специфику следов преступной деятельности, выбор технических средств, применяемых в процессе раскрытия и расследования преступлений, методов получения информации и т. д. Вместе с тем развитие сети Интернет открывает новые возможности использования сведений, полученных из этих источников для расследования преступлений.

Методы работы при сборе информации из социальных сетей существенно отличаются от традиционных методов сбора данных и получения доказательств. Перед следователем встанут новые правовые и процессуальные проблемы.

Сегодня происходит виртуализация общественных отношений, внедряется виртуальная коммуникация. Появление новых коммуникативных инструментов, таких как социальные сети и мессенджеры, облегчает людям обмен информацией и способствует созданию огромных информационных массивов в сети Интернет.

В настоящее время цифровой мир продолжает развиваться, источники и объем информации быстро растут, поэтому необходимыми усло-

виями улучшения качества расследования и повышения эффективности противодействия преступности является применение новых технологий, поиск и использование современных способов работы с данными. Необходимо поддерживать на высоком уровне, сбор и аутентификацию информации во время кибер-расследования.

Сегодня нужно сформулировать четкое представление о том, как использовать достижения в области технологий и богатство доступной в Интернете информации в целях расследования преступлений.

Кибер-расследования с использованием социальных сетей являются новым направлением в правоохранительной деятельности, поэтому требуется нормативно-правовая регламентации и создание методических рекомендаций.

Остро стоит вопрос о доказательственном значении информации, полученной из сети Интернет, в частности, из социальных сетей. Сегодня складывается парадоксальная ситуация, что информация в сети Интернет фактически существует, а нормативно-правовой регламентации использования этой информации в доказывании определенных обстоятельств до конца не выработано. Законодатель не в полной мере определился даже в том, что из себя представляет эта информация, какие доказательства и каким образом порождает.

Л. Б. Краснова пишет, что «за рубежом подобная информация при ее использовании в рамках уголовного судопроизводства получила условное название “компьютерные доказательства” (computer evidence)» [1]. Ссылаясь на диссертацию Н. А. Зигуры, Л. Б. Краснова отмечает, что компьютерная информация является самостоятельным видом доказательств, исходя из ее специфической формы, среды существования, механизма формирования и способа введения ее в качестве доказательств в уголовный процесс.

В США все чаще такого рода информацию и доказательства, полученные с ее использованием, именуют «цифровыми доказательствами» «digital evidence» [2].

Цифровые доказательства – это информация, которая хранится или передается в двоичном виде. Она может храниться на жестком диске компьютера, мобильном телефоне, компакт-диске, флеш-карте, в цифровой камере, в «облаке». Необходимо нормативное закрепление механизмов изъятия и фиксации этой информации и предания ей процессуальной формы с тем, чтобы появилась возможность дальнейшего использования ее в качестве доказательств по уголовному делу.

Представляется целесообразным внесение изменений в предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом РФ следственные действия: ст. 186 УПК РФ «Контроль и запись переговоров», ст. 186.1 УПК

РФ «Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами». Это связано с повсеместным использованием сети Интернет, Интернет-телефонии, мессенджеров и др.

Таким образом, при работе с цифровыми данными нужны специальные инструменты, которые помогут следователю преобразовать цифровую информацию в доказательства.

Список использованных источников

1. Краснова, Л. Б. О соотношении понятий электронной, цифровой и компьютерной информации применительно к уголовному процессу и криминалистике / Л. Б. Краснова // Воронежские криминалистические чтения. – 2016. – № 1(18) – С. 70–75.

2. Digital Evidence and Forensics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nij.gov/topics/forensics/evidence/digital/Pages/welcome.aspx> – Дата обращения: 15.04.2016.

Зорин Р. Г.

НА ПУТИ УКРЕПЛЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ НАУК «КРИМИНАЛИСТИКА» И «УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС»

Криминалистика как правовая наука, зародившись и пребывая на этапе становления в границах уголовного процесса, находится с ним в тесной связи и выполняет по отношению к нему служебную роль. По указанным причинам криминалистика естественно реагирует (изменяется) на реформы уголовного судопроизводства. За пределами уголовного процесса жизнеспособность криминалистики, воспринимаемой в четких ее традиционных границах как самостоятельной правовой науки, символична, в этих случаях сторонники противоположного универсального подхода фактически заявляют о своего рода «квазикриминалистике» [1, с. 20]. К сожалению, надо признать, дистанция с точки зрения взаимодействия между учеными процессуалистами и криминалистами на современном этапе беспрецедентно велика. Сегодня складывается ситуация когда криминалисты и процессуалисты определяют и решают научно-практические задачи автономно, все чаще уходя от взаимодействия, самоизолируясь. Таким образом, нетрудно догадаться, что криминалистов все меньше тревожат насущные проблемы уголовного процесса, равно как и процессуалисты все меньше придают внимания проблемам криминалистики. Отсутствие прямой и обратной связи в научных исследованиях криминалистов и процессуалистов всячески препятствует эффективному развитию обеих наук, как показывает практика. Следствием является снижение качественного уровня диссертационных исследований, в определенной степени данная ситуация негативно влияет на

подготовку студентов в вузах по дисциплинам «уголовный процесс» и «криминалистика». Так, появляющиеся в последнее время научные исследования в области криминалистики, в том числе и диссертационные работы, имеют весьма отдаленное отношение к решению задач раскрытия и расследования преступлений, не соответствуют ее нацеленности на обслуживание нужд практики. Один из распространенных недостатков диссертационных исследований по специальностям 12.00.09 и 12.00.12 – не основываться на анализе исключительно литературных источников, а быть результатом полноценного научного исследования, анализа следственной практики, изучения архивных уголовных дел, использования иных методов научного исследования [2, с. 51]. В. А. Образцов один из основных недостатков современной криминалистической подготовки кадров видит в том, что модель учебного процесса отражает уровень развития науки, а не объекта изучения криминалистической науки – реальной практики [3]. В свою очередь, Т. Н. Шамонова отмечает среди недостатков современных учебников по криминалистике отсутствие ссылок на передовой опыт применения тактических приемов отдельных следственных действий, не приводится описание тактических приемов применительно к типичным ситуациям расследования [4, с. 106].

Представляется необходимым вернуться к обобщению следственной практики по разделам криминалистической тактики и криминалистической методики в целях изучения и адресного распространения передового опыта не только обучающимся студентам вузов, но и практикам. Обобщение следственной практики будет свидетельством эффективности того или иного тактического приема, тактической комбинации, методики расследования отдельных видов преступлений. Думается, полезной станет организация и проведение научных форумов с привлечением ученых и практиков – криминалистов и процессуалистов в целях совместного обсуждения и решения насущных научно-практических проблем, а в отдельных случаях – путем объединения научных секций. Полагаем, что в деятельности по совершенствованию законодательства не только могут, но и должны принимать активное участие как процессуалисты, так и криминалисты. Нужно определить, как и каким образом, передовые методы, способы решения тех или иных научно-практических задач, разработанные криминалистами, могут быть применимы в уголовном процессе и как передовые процессуальные технологии корреспондируются с современными научными криминалистическими разработками. При этом криминалисты могут и должны ставить задачи перед процессуалистами и, наоборот, процессуалисты должны выносить предложения для обсуждения криминалистов с точки зрения эффективного использования (применения) криминалистических знаний,

что будет подстегивать обе стороны. Только в условиях совместного обсуждения проблем становится возможным вывести на новый качественный уровень обе науки. Например, использование криминалистических знаний на отдельных стадиях уголовного процесса, в частности, комплексное использование знаний криминалистической техники и тактики, криминалистической тактики и криминалистической методики. Так, возникновение новых методов производства следственных действий может повлечь за собой необходимость в ряде случаев внесения дополнений в УПК. Достаточно широко стала применима практика организации филиалов кафедр криминалистики на базе суда, органов прокуратуры. В рамках вузовских филиалов кафедры криминалистики и кафедры уголовного процесса научные и практические работники могут обозначить новые рубежи исследовательской деятельности, а в результате совместной деятельности разрабатывать научно-практические рекомендации, полезные не только с точки зрения науки, но и практики. Представляется целесообразным создать в структуре Следственного комитета Республики Беларусь научно-исследовательский институт, задачами которого являлось бы изучение и адресное распространение передового отечественного и зарубежного опыта следственной работы; разработка современных научно-практических (криминалистических) рекомендаций применительно к отдельным категориям уголовных дел; совершенствование методики и тактики производства отдельных следственных действий, иные совместные проекты процессуалистов и криминалистов, др. Только совместными усилиями криминалистов и процессуалистов будут позитивно решаться задачи борьбы с преступностью, а науки «криминалистика» и «уголовный процесс» найдут новые грани и векторы направления перспективной деятельности исследователей.

Список использованных источников

1. *Николюк, В. В.* Проблемы взаимосвязи уголовного процесса и криминалистики в условиях действия УПК РФ (2002–2016) / В. В. Николюк, В. А. Антонов // Российский следователь. – 2016. – № 17. – С. 19–24.
2. *Мухин, Г. Н.* Проблемы совершенствования научных исследований в области криминалистики / Г. Н. Мухин, Д. В. Исютин-Федотков // Вестник ГрГУ. – Сер. 4. Правоведение. – 2014. – № 1. – С. 51–56.
3. *Образцов, В. А.* Криминалистическая дидактика: вчера, сегодня, завтра / В. А. Образцов. – Режим доступа: <http://www.msal.ru/toobr.html>. – Дата доступа: 29.04.2017.
4. *Шамонова, Т. Н.* О необходимости совершенствования и обновления положений криминалистической тактики // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы междунар. науч.-практ. конф., 24–25 апр. 2014 г., г. Симферополь-Алушта / отв. ред.: М. А. Михайлов, Т. В. Омельченко. – Симферополь, 2014. – С. 105–111.

ДОЗНАНИЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ЭВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Объектом исследования предлагаемой работы является дознание как функция (деятельность) уполномоченного властью субъекта на осуществление деятельности по установлению признаков преступления; розыску и выявлению лиц, причастных к его совершению; собиранию доказательств; принятию мер по возмещению ущерба, причиненного преступлением; установлению причин и условий, способствовавших его совершению.

Предметом исследования являются закономерности возникновения и развития дознания как процессуального института в целях определения возможности и целесообразности его дальнейшего совершенствования. Изучение предмета основывается на материалистической концепции восприятия явлений, предполагающей исследование объекта в его историческом развитии и взаимообусловленности от объективных экономических, политических, организационных, а также субъективных противоречий, складывающихся в ходе формирования процессуальных норм и функционирования компетентного органа, ведущего уголовный процесс.

На историческом аспекте деятельности органов дознания можно наблюдать постоянные процессы их реформирования и уточнения их компетенции, а также закономерности взаимодействия дознания с органами, осуществляющими предварительное следствие. Эти процессы и закономерности могут наблюдаться в рамках определенных исторических периодов развития: дознание в дореволюционный период, до 1917 г.; дознание в период образования и развития Советского государства; дознание в современный период, который можно исчислять с 2001 г., когда вступил в силу новый Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) Республики Беларусь и деятельность органов дознания с 2012 г., с момента создания Следственного комитета Республики Беларусь.

Во времена Древней Руси и в Великом княжестве Литовском проявились характерные для дознания черты: территориальный принцип процессуальной деятельности; розыск (дознание), как совокупность мероприятий, проводимых должностными лицами суда (либо действовавших по решению суда) для установления места нахождения разыскиваемого либо похищенного имущества; производство розыскных и следственных действий и иных мероприятий в присутствии участвующих лиц (аналоги понятых и лиц, участвующих в проведении оперативно-розыскного мероприятия).

До проведения судебной реформы 1860-х гг. в Российской империи полиция, являясь органом, обеспечивающим общественный порядок, одновременно выполняла функцию судебного органа первой инстанции по мелким уголовным делам, в том числе делам о кражах, а также осуществляла предварительное следствие по уголовным делам (исследовала место происшествия, обнаруживала доказательства) и производила оперативно-розыскные действия по выявлению преступлений.

В ходе судебной реформы 1860 г., имевшей целью переход от системы розыскной (инквизиционной) формы уголовного процесса к состязательному процессу, полиция была освобождена от следственных функций, и ее полномочия сводились к работе по обнаружению противоправных проступков, выявлению лиц, их совершивших, а также их розыску. Однако дознание как деятельность правоохранительного органа прочно закрепилось за полицией как специфическая функция. Так, уже в ст. 252 первого отделения Устава 1864 г. «Участие полиции в производстве предварительного следствия» особо регламентируется следующее: когда ни судебного следователя, ни прокурора или его товарища нет на месте, то полиция, сообщая им о происшествии, заключающем в себе признаки преступного деяния, вместе с тем производит надлежащее при нем дознание.

В начале XX в. полиция получает еще больше функций в сфере сыска, обеспечения уголовно-процессуальной деятельности и полномочия в досудебном уголовном судопроизводстве по определенному кругу преступлений, вплоть до самостоятельного рассмотрения уголовных дел о политических преступлениях.

В результате политических преобразований, вызванных событиями Октябрьской революции 1917 года, функция дознания для созданной вместо полиции милиции выражалась в производстве отдельных следственных действий с дальнейшей передачей собранных материалов органам предварительного следствия. Согласно Положению «О рабоче-крестьянской милиции», которое утверждалось Всесоюзным Центральным Исполнительным Комитетом РСФСР 10 июня 1920 г., к ведению милиции относилось: производство розысков и дознания по уголовным делам под руководством и по указаниям народных судей и следственных комиссий; выполнение поручений судебных и следственных органов по задержанию и доставке в суд или для допроса обвиняемых; задержание подозреваемых в преступлениях и препровождение в местные народные суды или следственные комиссии по принадлежности¹.

¹ Качур А. Н. Историко-правовые и организационные особенности деятельности органов дознания // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы Всерос. науч.-практ. конф., 29–30 сент. 2011 г. – Краснодар : Изд. дом «Юг», 2012. – С. 118.

В соответствии со ст. 98 УПК БССР 1923 года дознание как форма предварительного расследования продолжалось не более одного месяца и осуществлялось: 1) по делам, по которым производство предварительного следствия является обязательным (с последующей передачей материала дознания следователю, а в РСФСР, согласно УПК РСФСР 1922 года – предусматривалась передача прокурору!); 2) по преступлениям, за которые высшее наказание, согласно Уголовному кодексу, предусмотрено в виде лишения свободы на срок до одного года, с последующим направлением материала дознания в суд. Согласно положениям ст. 107 УПК БССР 1923 года надзор за производством дознания по каждому отдельному делу принадлежит следователю (по УПК РСФСР 1922 года – прокурору!). Следователь имел право знакомиться со всеми материалами дознания в любой момент и по любому делу давать указания органу дознания и предлагать им произвести те или иные действия. Общий надзор за действиями органов дознания принадлежал прокурору. Также следует отметить, что согласно ст. 221 УПК БССР 1923 года следователь, получив материалы дознания, вправе был направить их в орган дознания для производства дополнительного дознания, такая же процедура предусматривалась УПК РСФСР 1922 года статьей 226 относительно полномочий прокурора и представляемых ему материалов.

В дальнейшем на основании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 октября 1929 г. полномочия органов дознания начались расширяться за счет получения возможности расследования любого уголовного дела, переданного дознанию следователем с разрешения прокурора. Далее в этом постановлении указывалось, что случаи, когда расследование производится органами Объединенного государственного политического управления, определяются специальными правилами. Этим же постановлением допускалось продление срока производства дознания (на срок не свыше одного месяца с разрешения краевого (областного) прокурора по мотивированному постановлению его), а также направление материалов дознания в суд, минуя следствие, однако с соблюдением необходимых процедур (составление обвинительного заключения, списка лиц, подлежащих вызову в суд, справки о сроках содержания под стражей).

Таким образом, в период становления Советского государства и его развития, в том числе в условиях Гражданской и Великой Отечественной войны, вплоть до реформирования конца 50-х гг. XX в., в сфере дознания наблюдаются следующие тенденции: во-первых, постепенное усиление силовых правоохранительных органов за счет расширения их полномочий в сфере уголовного преследования; во-вторых, дознание создается как самостоятельная форма предварительного расследования.

25 декабря 1958 г. Верховным Советом СССР были утверждены Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а в 1960 г. принят УПК БССР, особенностями которого являлись: создание в рамках уголовного преследования стадии возбуждения уголовного дела с производством на этой стадии проверки; закрепление дознания как отдельной формы предварительного расследования, обеспеченного соответствующей компетенцией; закрепление полномочий осуществления ОРД и иных мер, необходимых для предупреждения и пресечения преступлений; возможность для органов дознания осуществлять производство в протокольной форме без возбуждения уголовного дела (ст. 6 УПК 1960 года). Деятельность органов дознания в соответствии с этим УПК различалась в зависимости от того, действуют ли они по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, или же по делам, по которым производство предварительного следствия необязательно (ст. 46 УПК).

Этим кодексом закреплялась ст. 108, в которой впервые прокурор, следователь, орган дознания и судья обязывались принимать заявления и сообщения о любом преступлении и принимать по ним решения в срок не более трех суток со дня получения заявления или сообщения, а в исключительных случаях – в срок не более десяти суток. В связи с этим в работе органа дознания обозначилась «проблема» деятельности в рамках так называемой «проверки», при проведении которой предоставлялась возможность истребовать необходимые материалы и получать объяснения без производства следственных действий для решения вопроса о возбуждении уголовного дела либо отказе в его возбуждении.

С одной стороны, это время законодательством предоставлялось в целях недопущения необоснованного вовлечения советских граждан в уголовный процесс. С другой стороны, орган дознания (милиция) фактически получил возможность в рамках «проверки» направлять свою работу не на раскрытие преступлений, а на отказ в возбуждении уголовных дел, например, в связи с малозначительностью причиненного ущерба. И эта новация в уголовно-процессуальном законодательстве (стадия возбуждения уголовного дела) до сих пор является предметом для дискуссии.

До 2011 г. деятельность органов дознания в Республике Беларусь осуществлялась следующим образом. В структуре ОВД были созданы подразделения дознания (не входящие в структуру следственных подразделений), в которых дознаватели наравне со следователями занимались расследованием уголовных дел в полном объеме. В соответствии с УПК Республики Беларусь 1999 года органы дознания осуществляли производство по уголовным делам наравне со следователями. Сложив-

лась ситуация, когда в системе МВД расследованием уголовных дел одновременно занимались два подразделения (следствие и дознание), что влекло увеличение численности не только следователей и дознавателей, но и управленческого аппарата. Однако это существенно не повлияло на качество предварительного расследования уголовных дел.

В рамках реформирования органов, осуществляющих правоохранительную деятельность, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 12 сентября 2011 г. № 409 создан Следственный комитет Республики Беларусь, в который были переданы функции предварительного расследования, что привело к ликвидации в структуре ОВД следственных подразделений. Этот законодательный акт предусматривает совершенствование деятельности органов предварительного следствия, усиление защиты прав и законных интересов граждан в досудебном уголовном производстве за счет сосредоточения процессуальных функций в одном государственном органе.

Действующий УПК Республики Беларусь работу для органов дознания закрепил следующим образом:

- 1) законодательно установил их перечень (ст. 37 УПК);
- 2) определил полномочия и обязанности начальника органа дознания в рамках производства проверок, дознания и осуществления ОРД (ст. 38 УПК);
- 3) сформулировал компетенции лица, производящего дознание (ст. 39 УПК).

Однако анализ компетенций этого органа в досудебном производстве позволяет сделать следующий вывод – дознание утратило завершенность отдельной формы уголовного преследования (фактически по всем уголовным делам в соответствии со ст. 181 УПК обязательно предварительное следствие).

Касаясь стадии возбуждения уголовного дела и проводимых на этой стадии проверок, следует отметить, что возникающие противоречия между органами дознания и предварительного следствия обусловлены во многом проблемами взаимодействия и компетентности лиц, производящих дознание. Эти «проблемы» решаются надлежащим кадровым обеспечением и профессиональной подготовкой работников ОВД. Однако «проблема» дознания в правоохранительной деятельности обуславливается и комплексом противоречий, связанных с вопросами организационного и процессуального порядка, возникающими между субъектами уголовного процесса по поводу стадии возбуждения уголовного дела, и связанной с этой стадией полнотой и эффективностью проведенных следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий. Эти аспекты нуждаются в дальнейшем исследовании.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать выводы.

1. Диалектическая связь дознания и предварительного следствия проявляется в том, что второе появилось из первого благодаря политической воле в целях создания основ состязательности и обеспечения прав обвиняемых (подозреваемых) в уголовном процессе. Противоречия между дознанием и предварительным следствием обусловлены особенностями взаимодействия субъектов уголовного процесса, преследующих одну цель (раскрытие преступлений), но решающих разные задачи по достижению этой цели.

2. На этапе дознания проводится наиболее важная и, как правило, эффективная работа по установлению всех обстоятельств уголовного дела, воссозданию картины совершенного преступления, информационному наполнению элементов материальной его структуры. С этой проблемой эффективно справляются работники территориальных ОВД (лица, производящие дознание), непосредственно знающие обстановку на объектах оперативного обслуживания, располагающие возможностями применения сил, средств и методов ОРД в целях решения задач уголовного процесса.

3. Эволюция дознания как правоохранительной процессуальной деятельности позволяет сделать вывод о двойственности подходов к ее восприятию: это либо самостоятельная, наделенная властными (процессуальными) полномочиями работа компетентных органов, либо деятельность, обеспечивающая работу следователя. Последнее неизбежно обуславливает конфликт интересов между субъектами, производящими дознание и следствие, что необходимо учитывать в процессе дальнейшего реформирования: конфликт воспроизводит не норма права, но субъект, исходящий из своих интересов (своего понимания) при реализации этой нормы.

4. Это неантагонистическое противоречие возможно разрешить реформированием не самих органов, а совершенствованием компетенций (круга полномочий и принимаемых решений) при производстве дознания в современном его понимании. Например, разработкой исчерпывающего перечня мероприятий, подлежащих исполнению лицами, производящими проверки на стадии возбуждения уголовного дела в установленные законодательством сроки; уточнением (запретом) оснований для отказа в возбуждении уголовного дела органом дознания в силу его малозначительности (ч. 4 ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь); запретом возвращать материалы проверки из органа следствия в орган дознания для дополнительной проверки либо для принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

ПРИЧИНЕНИЕ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ В СВЯЗИ С НЕОКАЗАНИЕМ И НЕНАДЛЕЖАЩИМ ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) предусматривается ответственность медицинского работника как специального субъекта, когда в связи с его деятельностью по оказанию медицинской помощи пациенту по неосторожности причиняется телесное повреждение: в ч. 2 ст. 161 «Неоказание медицинской помощи больному лицу» – за неоказание помощи больному человеку без уважительных причин; в ч. 1 ст. 162 «Ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей медицинским работником» – при ненадлежащем оказании медицинской помощи.

Поставлена цель определить варианты ситуаций и особенности причинных связей, когда медицинский работник: 1) своим бездействием, ничего не делая, причиняет нуждающемуся в медицинской помощи человеку телесное повреждение; 2) оказывая медицинскую помощь, причиняет телесное повреждение, в том числе и при уже имеющемся телесном повреждении или каком-либо заболевании.

Определение основных понятий приводится в соответствии с законодательством Республики Беларусь [1; 2]. Медицинская помощь направлена на сохранение, укрепление и восстановление здоровья пациента, сохранение жизни; это воздействие (манипуляция) в отношении пациента, выполняемая медицинским работником. Медицинский работник – это физическое лицо, имеющее высшее или среднее специальное медицинское образование (подтвержденное документом), занимается профессиональной медицинской деятельностью (организацией и оказанием медицинской помощи (МП), а также обеспечением санитарно-эпидемиологического благополучия, проведением медицинских экспертиз) в условиях учреждения либо как индивидуальным предпринимателем.

Согласно ст. 161 УК указано потерпевшим «больное лицо», в ст. 162 УК – «пациент». Термин «больное лицо» нормативно не устанавливается, однако раскрывается по понятиям «заболевание», «пациент» [1].

Заболевание – расстройство здоровья, нарушение нормальной жизнедеятельности, в том числе в результате травм, ранений, увечий, контузий, врожденных дефектов и неотложных состояний. Заболевание дифференцируется с травмой и выделяется 1) как следствие травмы; 2) как состояние, возникшее без какой-либо травмы от внешних или внутренних причин. Травма – нарушение целостности тканей за счет

факторов внешней среды, определяется как синоним юридического термина «телесные повреждения» (обосновывается [2; 3]).

Пациент – это физическое лицо, которое обратилось за МП, которое получает МП, а также за которым осуществляется медицинское наблюдение. Из изложенного следует, что «больное лицо» (по содержанию ст. 161 УК) – это пациент, имеющий заболевание или травму (очевидно для медицинского работника).

Для данного сообщения термины «ненадлежащее оказание медицинской помощи» или «дефективная медицинская помощь» определяются при нарушении порядка оказания МП, когда в какой-либо связи с этим возникают телесные повреждения у пациента.

В соответствии с указанным и статьями 161, 162 УК Республики Беларусь следует:

1) неоказание МП имеет причинную связь с возникновением телесного повреждения у пациента;

2) оказание дефективной МП по причинной связи определяется двумя вариантами (обосновывается [4]): не наступает ожидаемое улучшение состояния здоровья пациента, наступает его ухудшение, что определяется как телесное повреждение; возникновение неблагоприятного результата как телесного повреждения у пациента возникает именно по причине действий медицинских работников.

Выделяем следующие смысловые конструкции, полагаем, что они имеют обоснование, когда в связи с неоказанием МП и ненадлежащей МП пациенту причиняются телесные повреждения.

1. Бездействие медицинского работника при признаках заболевания или травме приводит к возникновению новой травмы (телесного повреждения). Это также случаи, когда при заболевании или при травме МП должна привести к улучшению (стабилизации) состояния здоровья, но в результате бездействия медицинского работника у больного формируется состояние, требующее впоследствии новых медицинских манипуляций, осуществление которых в свою очередь в итоге определяет телесные повреждения. Примеры: 1) при судорогах при бездействии присутствующего медицинского работника больной получил черепно-мозговую травму от ударов о пол; 2) при тромбозе сосудов ноги неоказание МП привело в последующем к необходимости хирургической ампутации этой конечности (потеря органа как признак телесных повреждений); 3) при резаной ране руки неоказание медицинской помощи привело к продолжительному кровотечению и возникновению шока III степени (состояние опасности для жизни как признак тяжкого телесного повреждения).

2. Ненадлежащая МП приводит к телесному повреждению, когда при оказании медицинской помощи по поводу заболевания или по поводу травмы определяется выход за необходимые для медицинской помощи пределы, а также когда медицинский работник в отношении пациента совершает не те действия, которые требуются при оказании медицинской помощи, либо ошибочно совершает медицинские манипуляции в отношении другого пациента. Это также случаи, когда при оказании медицинской помощи по поводу травмы отсутствуют надлежащие медицинские манипуляции, что ухудшает состояние пациента и возникают признаки телесных повреждений. Примеры: 1) при хирургической операции по поводу заболевания возникает повреждение кровеносного сосуда или органа, которые должны были остаться неповрежденными. Так, при операции по удалению болезненно измененных (варикозном расширении) вен нижних конечностей хирурги ошибочно удалили фрагмент артерии, что в последующем привело к ампутации ноги; 2) при оказании помощи пациенту по поводу перелома костей предплечья и кисти (менее тяжелых телесных повреждений), при сопоставлении отломков костей, выполненного без проведения надлежащего обезболивания, у пациента развился шок (признак тяжелого телесного повреждения); 3) известны случаи, когда по ошибке врачей вместо больной почки (удаление камней) прооперировали здоровую правую, либо когда хирурги, перепутав пациентов, делают операцию не тому больному, который в ней нуждался.

Список использованных источников

1. О здравоохранении [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 18 июня 1993 г., № 2435-ХІІ : в ред. Закона Республики Беларусь от 16.06.2014 № 164-З // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

2. Об утверждении Инструкции о порядке проведения судебно-медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений [Электронный ресурс]: постановление Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, 24 мая 2016 г. № 16 // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

3. Браусов, А. М. Уголовная ответственность за причинение вреда здоровью: об адекватности терминологии и других вопросах / А. М. Браусов // Законность и правопорядок. – 2010. – № 3. – С. 55–60.

4. Кухарьков, Ю. В. Ненадлежащая медицинская помощь в диспозиции ст. 162 УК / Ю. В. Кухарьков, В. Н. Неборак // Законность и правопорядок. – 2010. – № 4. – С. 44–49.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Знание уголовно-правовой характеристики преступлений в совокупности с данными о предмете доказывания, определенными в УПК Украины, позволяют правоохранителям строить условные правовые модели преступления, описывающие действия, которые совершает субъект, реализующий преступный замысел, и сопоставлять их с преступными действиями конкретных лиц с целью установления сходства между ними. Это дает представление об обстоятельствах, которые должны быть установлены в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий, а также о личности преступника, что в конечном итоге способствует выбору оптимальных путей и методов борьбы с преступностью.

Стоит заметить, что правовые модели преступлений в общем виде более пригодны для использования в деятельности следователей, для оперативных же работников они не являются исчерпывающими, в связи с тем, что не учитывают многих факторов, которые относятся к специфике оперативно-розыскной деятельности по установлению возможной причастности лица к совершению преступления в условиях неочевидности, т. е. при отсутствии данных, указывающих на наличие в его действиях всех признаков состава преступления. Именно поэтому оперативно-розыскная характеристика преступлений включает в свое содержание, кроме элементов уголовно-правовой характеристики преступлений, также аспекты характеристик, предоставляемых иными правовыми науками.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению уголовно-правовой характеристики преступлений, связанных с террористической деятельностью, отметим, что мы в своей работе относим к ним преступления, предусмотренные следующими статьями УК Украины: 258 и 112, 147, 260, 261, 349, 443, 444 при наличии в действиях виновного специальной цели, предусмотренной ст. 258, а также статьями 258-1, 258-2, 258-3, 258-4, 258-5. Учитывая ограниченный объем данной работы, проанализируем только важнейшие аспекты, входящие в предметную область уголовно-правовой характеристики исследуемых преступлений, и выделим их общие признаки, которые обуславливают отнесение их к отдельной группе.

Преступления, связанные с террористической деятельностью, являются многообъектными, так как посягают на несколько непосредственных объектов, таких как общественная безопасность, нормальные меж-

дународные отношения, жизнь и здоровье человека, его воля, честь и достоинство, собственность, окружающая среда, нормальное функционирование органов государственной власти, местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций. Они способны дестабилизировать социально-политическую обстановку в государстве или в отдельных регионах, вызвать у населения чувство напряжения, незащищенности, тревоги, страха, беспокойства и даже панику.

Как правило, вместе с совершением одного из исследуемых нами преступлений или высказыванием угрозы его совершения террористы выдвигают властям, объединениям граждан или юридическим лицам определенные требования, выполнение которых является единственным условием прекращения или не совершения ими преступных действий.

Специфика характера действий, которые образуют объективную сторону данных преступлений, обуславливает то, что они не могут быть совершены спонтанно или случайно, а требуют тщательной подготовки. Это в совокупности с преследованием специальной цели исключает возможность наличия у преступников вины в форме неосторожности или косвенного умысла. Необходимо также учитывать тот факт, что по содержанию объективной стороны большинство преступлений, связанных с террористической деятельностью, имеют формальный состав. В соответствии с уголовным законодательством Украины подобная конструкция состава преступления предполагает наличие вины только в форме прямого умысла.

Однако к главному определяющему признаку, присущему субъективной стороне данных преступлений и объединяющему их в отдельную группу, относится обязательное наличие специальной цели их совершения. Она заключается в нарушении общественной безопасности, устрашении населения, провокации военного конфликта, международного осложнения, оказания влияния на принятие решений, совершения или не совершения действий органами государственной власти, местного самоуправления, должностными лицами этих органов, объединениями граждан, юридическими лицами или привлечении внимания общественности к определенным политическим, религиозным или иным взглядам виновного (террориста).

На основании изложенного можно сделать обоснованный вывод о том, что, несмотря на то, что преступления, связанные с террористической деятельностью, расположены в разных разделах особенной части УК Украины, они имеют некоторые сходные признаки, которые их характеризуют. Так, три из четырех элементов составов рассматриваемых преступлений являются общими для них и совпадают, а именно: 1) их основным или дополнительным объектом обязательно является общест-

венная безопасность или (и) нормальные международные отношения; 2) с объективной стороны они характеризуются совершением только активных действий и имеют формальный состав, исключая совершение данных преступлений с квалифицирующими признаками (ч. 2 и ч. 3 ст. 258, ч. 5 ст. 260 УК Украины); 3) их субъективная сторона при формальном составе характеризуется виной исключительно в форме прямого умысла, при материальном составе возможна смешанная форма вины, что предполагает умысел к деянию и неосторожность к последствиям (например, к гибели людей в результате совершение террористического акта с применением взрывного устройства).

Мишин А. В.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СОДЕЙСТВУЮЩИХ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЛИЦ КАК АКТУАЛЬНАЯ ТАКТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Успешное решение задач, стоящих перед уголовным преследованием в досудебном производстве, во многом определяется активным участием в нем потерпевших, свидетелей и иных лиц, содействующих следственным органам. Обеспечение безопасности таких лиц является эффективным средством получения доказательственной и иной, в том числе криминалистической, информации об обстоятельствах совершенного преступления и лицах, его совершивших, а также о противодействии расследованию со стороны подозреваемого (обвиняемого) и его преступного окружения.

Повышение эффективности процесса обеспечения безопасности лиц, содействующих расследованию преступлений, связано с необходимостью комплексного применения как уголовно-процессуальных, так и криминалистических средств.

Представляется, что безопасность участия потерпевших, свидетелей и иных участников, содействующих производству по уголовному делу, выступает в качестве исходного положения современного тактико-криминалистического обеспечения предварительного расследования и формирует в конкретных условиях деятельности следователя соответствующие тактические задачи.

На наш взгляд, обеспечение безопасности содействующих расследованию лиц (далее – защищаемых лиц) следует считать одной из современных тактических задач предварительного расследования, представляющую собой специфическую совокупность конкретных вопросов тактического характера, определенных необходимостью принятия мер безопасности.

Решение тактической задачи по обеспечению безопасности защищаемых лиц должно основываться на криминалистическом анализе и оценке следователем сложившейся на определенный момент расследования следственной ситуации.

С криминалистической точки зрения тактическая задача по обеспечению безопасности содействующих расследованию лиц должна включать соответствующие тактические средства ее решения в виде определенных тактических приемов и тактических комплексов (тактических комбинаций и тактических операций) и их сочетания. Реализации указанных тактических средств предшествует процесс принятия следователем тактических решений, направленных на обеспечение безопасности защищаемых лиц.

При расследовании преступлений в целом и при обеспечении безопасности защищаемых лиц в частности следователь принимает уголовно-процессуальные, тактические и иные решения, которые отличаются друг от друга своим содержанием.

Под тактико-криминалистическим решением задачи по обеспечению безопасности защищаемых лиц мы понимаем интеллектуально-волевой акт следователя по принятию мер безопасности, обусловленный конкретными тактическими условиями расследуемого дела и приводящий к вариативной линии его тактического поведения.

На наш взгляд, в области криминалистических исследований, направленных на обеспечение безопасности лиц, содействующих следователю при расследовании преступлений, существует известный пробел. В связи с этим перспективной представляется разработка научно обоснованных тактико-криминалистических рекомендаций в направлении оптимального решения задач, связанных с обеспечением безопасности указанных лиц. Считаем, практически оправданным создание типовых специальных тактико-криминалистических программ (алгоритмов) для решения задач по обеспечению безопасности защищаемых лиц применительно к следственным действиям, условиям определенных следственных ситуаций, возникающих на отдельных этапах досудебного производства по уголовному делу. Использование таких программ призвано облегчить следователю выбор конкретных уголовно-процессуальных и иных мер обеспечения безопасности защищаемых лиц в соответствии с решаемой тактической задачей.

Принятие конкретных уголовно-процессуальных мер безопасности к защищаемым лицам, исходя из тактического решения следователя может осуществляться в различных тактических направлениях: при проведении отдельных следственных действий, недопустимости разглашения данных предварительного расследования (ч. 2 ст. 161 УПК РФ), применении мер пресечения (п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ) и др.

ПОЛУЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Глобальное пространство сети Интернет, объединяющее различные информационные сервисы, телематические услуги, социальные сети и иные средства интернет-коммуникаций, давно является не только общественным благом, но и орудием, а также местом совершения преступлений. Интернет-мошенники давно облюбовали всемирную паутину, а количество преступлений, связанных с кражей денежных средств с электронных счетов, неуклонно растет. Кроме «чисто» компьютерных преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом, сеть Интернет все чаще используется как средство совершения других видов преступлений. Тому пример незаконный сбыт наркотиков, совершаемый бесконтактным способом посредством сети Интернет [1]. Все чаще преступные сообщества используют средства интернет-коммуникаций для управления организованными группами и осуществления анонимной связи между фигурантами. Все эти факты свидетельствуют об актуальности проблемы раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с использованием сети Интернет. При этом источником криминалистически значимой информации выступают непосредственно компьютерные данные и следы преступления, которые отражаются в электронном виде на различных ресурсах и материальных носителях. Получение такой информации является актуальной задачей и решается она различными способами.

Первоочередной задачей, стоящей перед правоохранительными органами, является выявление преступлений. Нередко факт совершения преступления становится известен на основании сообщения о нем, но некоторые виды преступлений, связанные с интернетом, могут быть выявлены из других источников. Так, например, факт сбыта наркотиков через сайты и интернет-мессенджеры может быть установлен путем прямого поиска информации с помощью поисковых сервисов и документирован копией скриншота экрана.

Иные преступные действия отражаются в транзакциях банковских операций или электронных сообщениях, соответственно документируются на носителях в виде файлов журналов событий, сетевых протоколов, статистики соединений на ресурсах интернет-компаний и могут быть получены правоохранительными органами в установленном законом порядке.

Как правило, важнейшим источником информации, способным установить лицо, совершившее противоправные действия с использовани-

ем интернета, является адрес компьютера в сети (IP-адрес). Поэтому первоочередной задачей является установление IP-адреса устройства (смартфона, планшета, нетбука, компьютера и т. п.), с помощью которого осуществлялись те или иные действия подозреваемых лиц. Так как абоненты выходят в сеть Интернет посредством своих провайдеров, информация об их публичном IP-адресе ассоциируется именно с ними. Факт соединения и дальнейшие действия пользователя фиксируются аппаратурой провайдера и сохраняются в электронном журнале. Кроме IP-адреса сетевой интерфейс имеет и другую важную характеристику – физический адрес (MAC-адрес). На основе известного MAC-адреса устройства можно в дальнейшем связать подозреваемое лицо непосредственно с фактом совершения противоправных действий. Получение этих сведений возможно с помощью официального запроса к провайдеру.

Наравне со следственными действиями используется и технические средства реализации оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ), которые установлены у каждого интернет-провайдера. Основанные на системах DPI, они способны анализировать данные на всех уровнях сетевой модели OSI. Тактика проведения отдельных оперативно-розыскных мероприятий позволяет получать значимую в интересах раскрытия и расследования преступлений информацию. Так, например, после установления IP-адреса абонента можно документировать сеансы его соединения и использовать в интересах следствия. Однако широкомасштабное внедрение криптопротоколов позволяет скрывать передаваемую по каналам сети Интернет информацию, что, как правило, и используют лица, осуществляющие противоправную деятельность.

Еще одним источником криминалистически значимой информации могут служить публичные данные о пользователях, размещаемые в социальных сетях, форумах, блогах и т. п. Методы поиска с использованием операторов запросов в поисковых сервисах, а также непосредственно в социальных сетях, дают зачастую довольно подробную информацию об интересующем человеке. Многие люди уже давно не различают грани между реальностью и виртуальным миром и оставляют множество фактов личной жизни в интернете, следовательно, делая их публичными для просмотра. Методы интернет-разведки уже давно используются сотрудниками правоохранительных органов для получения оперативно значимой информации [2].

Наконец, компьютерно-техническая экспертиза (КТЭ) способна выявить множество документированной информации на электронных устройствах подозреваемых лиц. Работая с компьютерными устройствами, их пользователи иногда даже не подозревают, что приложения долговременно сохраняют историю переписки, адреса сайтов, элек-

тронные кошельки и факты операций с ними. КТЭ также позволяет восстановить удаленные компьютерные данные. Все это может быть извлечено из электронного носителя информации и процессуально закреплено в качестве доказательств.

Таким образом, источниками криминалистически значимой информации могут выступать интернет-компании, реализующие услуги связи и коммуникаций, сервисы всемирной паутины, система технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий, непосредственно компьютерные устройства и иные открытые источники информации всемирной паутины. Однако для получения этой информации необходимо обладать некоторыми специальными техническими знаниями [3]. Не всегда добытая оперативным путем компьютерная информация имеет доказательственную силу, но может способствовать эффективному раскрытию и расследованию преступлений.

Список использованных источников

1. *Молоков, В. В.* Интернет и наркотики / В. В. Молоков // Актуальные проблемы профилактики наркомании и противодействия правонарушениям в сфере легального и нелегального оборота наркотиков : материалы XV междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. – Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2012. – Ч. 1. – С. 72–75.

2. *Галушин, П. В.* О выявлении латентных связей в социальных сетях для решения задач оперативно-розыскной деятельности в целях противодействия терроризму / П. В. Галушин // Современные системы безопасности – Антитеррор : материалы конгрессной части XII специализированного форума. – Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2016. – С. 51–54.

3. *Молоков, В. В.* Специальные технические знания, необходимые для эффективного раскрытия и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемых посредством сети Интернет / В. В. Молоков, П. В. Галушин // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – Красноярск : СибЮИ ФСКН России, 2016. – Вып. 2(23). – С. 138–142.

Ревтова С. Ю.

ОСОБЕННОСТИ ЗАДЕРЖАНИЯ КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Задержание как мера уголовно-процессуального принуждения применяется: к подозреваемому, обвиняемому и осужденному. Мы хотим рассмотреть особенности задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления. Этот вопрос следует рассматривать с двух позиций: понятия задержания и понятия подозрения, а также их взаимосвязи.

В статье 107 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) дается понятие задержания: «Задержание состоит в фактическом задержании лица, доставлении его в органы преследования и в кратковременном содержании под стражей в местах и условиях, определенных законом». По нашему мнению, это нельзя назвать понятием данной меры принуждения, а скорее эта формулировка раскрывает действия, из которых состоит задержание, при этом остается непонятным, в чем суть задержания. Законодатель использует это понятие и как фактическое задержание, как задержание на три часа для выяснения обстоятельств, и как задержание, с определением лица в места и условия, определенных специальными законом.

На наш взгляд, именно с этого неопределенного понятия задержания начинаются сложности понимания и правильной трактовки содержания и процессуальных последствий его применения. Отсюда возникает и смешение задержания, которое ограничивается 3 часами и оформляется протоколом задержания и задержание, осуществляемое на 72 часа, которое оформляется постановлением. Часть 2 ст. 110 УПК гласит, что орган дознания, следователь, прокурор в течение трех часов с момента доставления подозреваемого в органы уголовного преследования принимают решение о задержании, о чем выносятся постановления, которое является правовым основанием для кратковременного задержания в местах и условиях, предусмотренных законом. «Кратковременное задержание», здесь подразумевается задержание на 72 часа. А как тогда считать задержание, которое предусмотрено законом на 3 часа?

На наш взгляд, следует четко определить в законе, что есть задержание и выделить конкретные виды задержания.

Так, задержание на месте преступления определить как фактический захват лица и его доставление в органы уголовного преследования; задержание на 3 часа, как задержание для установления обстоятельств совершения преступления и задержание на 72 часа определить как процессуальное задержание.

Следующий момент, требующий пересмотра, это определение времени, с которого задержанный становится подозреваемым и у него появляется право на защиту.

Важное значение имеет определение понятия и сущности подозрения, как общее основание задержания.

Этимологически значение термина «подозрение» тесно связано с термином «подозреваемый» и означает предположение, основанное на сомнении в правильности, законности чьих-нибудь поступков. Подозрение в общеупотребительном значении слова может возникнуть у любого человека по поводу правильности каких-либо действий других лиц, независимо от того, окажутся ли эти действия противоправными или нет.

В соответствии со ст. 40 УПК подозреваемым является физическое лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, либо лицо, в отношении которого органом уголовного преследования возбуждено уголовное дело или вынесено постановление о применении меры пресечения до вынесения постановления о привлечении его в качестве обвиняемого или о признании подозреваемым. На этом основании в юридической литературе обосновывается тезис, согласно которому подозреваемым является физическое лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления. Тем самым законодатель связывает появление подозреваемого как участника уголовного процесса с применением к нему задержания.

Полагаем, что с данной позицией сложно согласиться, так как, следуя данной точке зрения, подозрение формулируется через принуждение, тогда как не принуждение порождает подозрение, а наоборот – подозрение влечет применение к лицу мер принуждения.

Исходя из того, что подозрение является одним из оснований задержания как меры уголовно-процессуального принуждения, следует рассмотреть содержание данного понятия и его соотношение с понятием подозреваемого. В юридической литературе подозрение определяется как многоаспектное понятие. Например, Л. М. Карнеева рассматривала данное понятие в трех значениях: «как психологическую характеристику состояния сознания следователя, определяющую его субъективное отношение к исследуемому факту; как криминалистическое понятие, используемое при подборе оснований к решению задач расследования и для выдвижения версий, а также как процессуальную категорию» [3, с. 61]. А. М. Ларин рассматривал подозрение в криминологическом и уголовно-процессуальных аспектах, «в специальном криминалистическом значении подозрение – это вывод (объясняющая часть), версия о субъекте преступления. Подозрение же в уголовно-процессуальном смысле есть вывод из версий, основание которой специально предусмотрено законом» [4, с. 140]. В понятии «подозрение» как общеправовом основании задержания необходимо учитывать только процессуальный аспект данного понятия, при этом следует отметить, что данное понятие не имеет законодательного закрепления, в отличие от обвинения. Соответственно, подозрение – это выраженное в специальном процессуальном решении утверждение органа уголовного преследования о причастности лица к совершению расследуемого преступления, при отсутствии достаточных доказательств для предъявления ему обвинения» [5, с. 39]. Таким образом, подозреваемый может стать субъектом уголовно-процессуальной деятельности не иначе, как именно при наличии подозрения.

На сегодняшний момент в соответствии с ч. 1 ст. 110 УПК немедленно после доставления задержанного в органы уголовного преследования должностным лицом, осуществившим фактическое задержание, составляется протокол, в котором указывается основания, место и время фактического задержания, и задержанному лицу разъясняется его право на защиту. Таким образом, из этого следует, что задержанный получает статус подозреваемого. Как отмечалось выше, такое положение не верно. По смыслу закона, при фактическом задержании и доставлении лица в правоохранительные органы дается три часа для установления обстоятельств происшедшего, т. е. необходимо разобраться, что произошло, какую роль при этом играл задержанный, есть ли в его действиях признаки преступления. Только после этого можно решить вопрос, является ли задержанное лицо подозреваемым и есть ли необходимость задерживать его на 72 часа.

Надо учитывать, что при непосредственном захвате лица на месте происшествия возможны ошибки по оценке событий преступления. Таким образом, задержанное лицо по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления, таковым становится только после предварительного разбирательства, на что и дает законодатель три часа после его доставления в органы уголовного преследования. В связи с этим после доставления лица в органы уголовного преследования должен быть составлен протокол по факту задержания лица и должна быть проведена проверка оснований задержания, обстоятельств совершения преступления. По результатам такой проверки, при наличии подтверждения подозрения, следователь или лицо, производящее дознание, должны вынести постановление о признании лица подозреваемым. Только после этого, когда лицо получит статус подозреваемого, у последнего возникает право на защиту, со следующими вытекающими из этого положения последствиями, а также может быть решен вопрос о необходимости его кратковременного задержания на 72 часа. Надо иметь в виду, что под эти обстоятельства попадают и лица, задержанные гражданами в соответствии со ст. 109 УПК, что должно повлечь за собой обязательное предварительное разбирательство по существу дела, признание лица подозреваемым и только после этого решение вопроса о его кратковременном задержании.

Таким образом, на сегодняшний день законодательство четко не разграничивает разные по существу виды задержания и ч. 1 ст. 110 регламентирует положение подозреваемого с момента доставления его в органы уголовного преследования, что явно противоречит зависимости задержания от подозрения.

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Республики Беларусь, 24 июня 1999 г. № 295-З : в ред. от 23.01.2012 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Республики Беларусь. – Минск, 2017.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ, с изм. и доп. от 16.10.2015 // СПС «КонсультантПлюс: Версия Проф.». – М., 2017.
3. *Карнеева, Л. М.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе / Л. М. Карнеева. – М., 1994. – 128 с.
4. *Ларин, А. М.* От следственной версии к истине / А. М. Ларин. – М., 1976. – 200 с.
5. *Пантелеев, И. А.* Подозрение в уголовном процессе России / И. А. Пантелеев. – Екатеринбург, 2001. – 48 с.

Руткевич В. Н.

О ПРЕСТУПЛЕНИИ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В процессе жизни мы все вступаем в различные, а иногда даже самые немыслимые отношения, поэтому совместная жизнь людей всегда требует определенного упорядочения и регулирования. Эти регуляторы весьма разнообразны. Наиболее важными и ведущими в системе этих регуляторов являются нормы права: они санкционированы государством, носят общеобязательный характер, закреплены в определенных нормативных актах. Любое нарушение этих норм ведет к совершению правонарушения. Наиболее тяжким видом правонарушения является преступление.

В уголовном законодательстве Беларуси под преступлением понимается совершенное виновно общественно-опасное деяние, характеризующееся признаками, предусмотренными уголовным законом, и запрещенное им под угрозой наказания [1, ст. 10]. Как видим, здесь идет разговор об абстрактном общественно-опасном деянии, но имеющем признаки преступления. Уголовным законом установлена система объективных и субъективных признаков. Они в совокупности составляют состав преступления.

Объективные признаки указывают конкретные свойства каждого в отдельности преступления. Наличие только этих признаков уже дает нам право квалифицировать общественно-опасное деяние как преступление. Состав же преступления – это юридическое понятие о преступлении, так как оно установлено уголовным законом и является фактическим основанием уголовной ответственности. И отсутствие в деянии хотя бы одного из признаков уже исключает уголовную ответствен-

ность, но не исключает преступность деяния. Здесь вроде все ясно и понятно.

Совсем другая картина вырисовывается, когда совершается конкретное общественно-опасное деяние (пока еще это не преступление). Об этом деянии в соответствующие органы дознания или следствия поступает соответствующая информация. Она подлежит проверке – возбуждается производство по материалам, как принято говорить, начинается первая стадия уголовного процесса – стадия возбуждения уголовного дела, хотя цель возбудить или не возбудить уголовное дело как таковая не ставится.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) продекларировано, что «государство гарантирует каждому защиту от преступных посягательств» (ст. 15) [2]. Безусловно, исходя из реалий, видится, что это некорректная посылка: разве можно гарантировать то, что от тебя в полной мере не зависит? Фиксируемые ежегодно десятки тысяч преступных посягательств подтверждают это. И речь ведь идет только об официально зарегистрированных случаях совершения преступлений, а сколько их совершается реально – это большой вопрос. Хотя по некоторым оценкам этот показатель составляет лишь 10–15 % от реально совершаемых преступлений.

И как бы извиняясь перед гражданами за то, что государство не смогло в полной мере их защитить от противоправных посягательств, государство организует уголовный процесс, т. е. деятельность уполномоченных государством органов и должностных лиц по расследованию и раскрытию общественно-опасных деяний. Причем, это все осуществляется на бесплатной основе в отличие от других видов процессуальной деятельности.

Для реализации этой обязанности обеспечить защиту граждан от противоправных посягательств государство наделило соответствующие государственные органы особыми государственно-властными или как их еще называют уголовно-процессуальными полномочиями, хотя известные нам органы уголовного преследования и так наделены широкими полномочиями. Для них принятие неотложных мер по информации о совершенном общественно-опасном деянии является главной задачей и обязанностью.

Казалось бы, и здесь все ясно и понятно:

- имеется информация о возможно общественно-опасном деянии, которое могло иметь или не иметь место в реальной действительности;
- имеются уполномоченные органы и их представители, наделенные определенными уголовно-процессуальными правами-обязанностями, которые должны проверить и рассмотреть эту информацию;

- имеются иные лица, могущие иметь отношение к конкретному общественно-опасному деянию;
- имеется информация о возможно причиненном вреде (ущербе) определенным лицам (физическим или юридическим) или определенным общественным отношениям.

Однако множество проверок информации о совершенном общественно-опасном деянии заканчивается принятием решения «в возбуждении уголовного дела отказать», подчас даже при очевидных признаках преступления. Почему же это происходит? Причин здесь много.

Во-первых, хотя государство и создало и обязало свои уполномоченные органы принимать неотложные меры по пресечению и раскрытию данных общественно-опасных деяний, но именно на этой стадии их достаточными правами не наделило. Казалось бы, на этой стадии органам уголовного преследования предоставлено достаточно прав в соответствии со ст. 173 УПК. Но на этой стадии можно лишь применять меры, которые содержат минимальный элемент принуждения и предусмотрены соответствующими статьями УПК. Ну почему, скажем, ст. 402 УК «Отказ либо уклонение...от дачи показаний...» может начать действовать только после возбуждения уголовного дела? Почему гражданин может отказаться от общения с представителем органа дознания (следствия) и тем более дачи правдивых показаний? Почему руководитель и иные должностные лица не имеют обязанности незамедлительно принять представителей органов дознания (следствия)? А ведь в новом Законе «О судебных исполнителях» от 24.10.2016 г. существенно в разумных пределах расширены их права, в том числе они наделены правом вызывать для дачи показаний руководителей, должников, а также имеют право быть безотлагательно приняты руководителями и иными должностными лицами. Ведь орган дознания (следствия) тоже проводит не социальный опрос, а проверку по материалам о преступлении.

Во-вторых, иных лиц, могущих иметь отношение к конкретному общественно опасному деянию, на этой стадии в законодательстве просто нет, поэтому для них нет и обязанности в полной мере выполнять законные и обоснованные требования органов дознания (следствия) – это скорее просьбы, чем требования. Имеется лишь одно лицо, к которому законодателем установлены обязанности. Это – заявитель об общественно-опасном деянии. При регистрации его заявления он предупреждается о ложном доносе [1, ст. 400].

В-третьих, хотелось бы, обратить внимание на то, по каким основаниям принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Основным основанием отказа является «отсутствие состава преступления». И причем, это все устанавливается в кратчайшие сроки – 10 дней

или одного месяца. Действительно, не всякое общественно-опасное деяние, о котором идет речь в сообщении о преступлении, впоследствии становится преступлением. Для этого, прежде всего, нужно наличие объективных признаков преступления (объекта, объективной стороны). Эти признаки и предстоит выявить и установить на этой стадии и последующих стадиях уголовного процесса. Но для возбуждения уголовного дела необязательно устанавливать все признаки преступления. Причем наличие этих признаков нет необходимости устанавливать достоверно. Вполне достаточно данных, свидетельствующих о наличии объективных признаков преступления, и если имеющиеся сведения характеризуют содеянное хотя бы в общих чертах, т. е. деяние существует в реальной действительности и оно имеется в перечне деяний в Особенной части уголовного кодекса. Уголовное дело может возбуждаться при наличии минимальной вероятности того, что общественно-опасное деяние действительно было совершено. В ходе дальнейшего производства это предположение может не подтвердиться, и дело может быть прекращено, но это не означает, что оно было возбуждено необоснованно.

В-четвертых, казалось бы, очень важно, что имеется у заявителя право на обжалование принятого решения в суд или прокуратуру, а если точнее – выразить свое несогласие с принятым решением. Это право напрямую касается и органов уголовного преследования: оно предусмотрено законом и пусть принятое решение обжалуют – в этом нет служебного нарушения, действия правомерны, а значит – и нет ответственности. По большому счету это ведь и не жалоба. А ведь если бы поверхностно были бы выполнены иные обязанности, не связанные с уголовно-процессуальной деятельностью, то руководство органов уголовного преследования, конечно же, этому дало бы иную (негативную) оценку.

Представим, что принятое решение обжаловано. Идет время, идет состязательность между государственными органами: кто главнее, кто важнее. Ну, а если все же принятое решение будет отменено, это отнюдь не обязывает орган предварительного расследования возбудить уголовное дело. Зачастую на практике даже после отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела после дополнительной проверки заявителю вновь поступает извещение об отказе в возбуждении уголовного дела. Очень часто в таких случаях потерпевшие от преступления граждане просто дальше уже никуда не обращаются, потеряв веру в справедливость, и в итоге преступное посягательство остается безнаказанным.

Возникает закономерный вопрос: кто же все – таки должен принять окончательное решение, и на каком этапе проверки?

И как итог, уголовное дело не возбуждено, уголовное преследование не начато, преступление вроде бы есть, и вроде бы нет. Все удовлетворены: нет лишнего преступления, нет излишних хлопот, не испорчена криминальная статистика (отчетность). Всем хорошо. Плохо только одному лицу – заявителю, потерпевшему от посягательства.

Таким образом, мы видим, что преступление в реальности на стадии возбуждения уголовного дела не просто общественно-опасное деяние, а деяние, которое установлено и удостоверено уполномоченным на то должностным лицом органов уголовного преследования. Разглядели в деянии признаки преступления – быть уголовному делу, а если «сэкономили зрение», не увидели (или не захотели увидеть) признаки преступления – нет преступления.

Список использованных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – Минск : Национальный центр правовой информации. Республики Беларусь, 2010. – 304 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. – Минск : Национальный центр правовой информации. Республики Беларусь, 2015. – 448 с.

Скаков А. Б.

ПРОГРЕССИВНАЯ СИСТЕМА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ И ЕЕ РОЛЬ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Конституцией Республики Казахстан приоритетным направлением деятельности государства определено обеспечение прав и законных интересов человека. Это требование распространяется и на осужденных, составляющих часть казахстанского общества, поэтому наряду с принудительными мерами законодательством предусматриваются и иные способы воздействия на осужденных. Одним из них является стимулирование их правопослушного поведения путем реализации в процессе отбывания наказания прогрессивной системы.

В настоящее время значительная часть элементов прогрессивной системы уже реализована в казахстанском законодательстве и правоприменительной практике. Из традиционно выделяемых форм прогрессивной системы в УИК РК предусмотрено постепенное изменение условий содержания осужденных как внутри одного исправительного учреждения, так и путем перевода в исправительное учреждение другого вида. В УК РК закреплены возможность замены наказания более мягким или более строгим видом наказания, а также условно-досрочное освобождение осужденных.

В наиболее общем виде прогрессивную систему можно определить как организацию исполнения наказания, при которой в зависимости от

поведения осужденного условия отбывания им наказания изменяются в сторону улучшения или ухудшения.

Следует отметить, что в действующих в настоящее время белорусском, казахстанском и российском уголовно-исполнительных кодексах термин «прогрессивная система» не используется.

Вместе с тем в настоящее время термин «прогрессивная система» гораздо чаще встречается в специальной литературе, нежели в правовых актах. Естественно, разные авторы вкладывают в него различный смысл. Отсутствует и общепринятая ее дефиниция.

В связи с этим в данной статье излагается авторское понимание прогрессивной системы. Как нам представляется, прогрессивную систему можно охарактеризовать как единый институт, состоящий из нескольких самостоятельных, включающих нормы различных отраслей права.

Действительно, такие элементы прогрессивной системы, как изменение условий содержания осужденных в пределах одного исправительного учреждения и перевод в исправительное учреждение другого вида обладают специфическими особенностями, не говоря уже о замене наказания в процессе отбывания и условно-досрочном освобождении, что позволяет рассматривать их как отдельные самостоятельные институты. Согласно теории к признакам правового института относят: наличие совокупности норм, имеющей собственную структуру; своеобразие юридической конструкции данной совокупности норм, ее внешнее обособление и обеспечение самостоятельного регулятивного воздействия на определенный участок общественных отношений; отраслевую чистоту норм [4, с. 121–135]. Самостоятельный характер институтов, являющихся структурными элементами прогрессивной системы, казалось бы, должен служить препятствием для объединения их в единую систему, тем более что первые два имеют уголовно-исполнительную природу, а два последних – уголовно-правовую.

Между тем правовые институты могут образовываться не только в рамках одной отрасли. Тесная взаимосвязь уголовного и уголовно-исполнительного права, с помощью которого обеспечивается реализация значительной части предписаний уголовного законодательства и достижение стоящих перед ним задач, позволяет говорить о формировании межотраслевых институтов. В данном случае единые цель, правовые последствия, основания применения входящих в прогрессивную систему элементов позволяют говорить о ней как о едином институте, имеющем межотраслевой характер.

Другим важным вопросом, который следует рассмотреть, является значение эффективной реализации институтов прогрессивной системы

для предупреждения преступности как в условиях изоляции от общества, так и после освобождения от наказания.

Большинство ученых-пенитенциаристов, изучавших значение институтов прогрессивной системы в профилактике правонарушений среди осужденных, отмечают их высокий потенциал в предупреждении преступности. Действительно, широкомасштабное применение структурных элементов прогрессивной системы путем изменения условий содержания в зависимости от поведения осужденных, существенно улучшает дисциплинарную практику исполнения лишения свободы. Сделанный нами вывод подтвердился всесоюзным экспериментом в конце 80-х гг. прошлого века, проведенным на базе исправительных колоний Чимкентской области Казахской ССР.

Резюмируя все изложенное, нам хотелось бы в заключение сделать некоторые краткие выводы.

Во-первых, приводившиеся выше общепринятые определения прогрессивной системы, точно отражая ее суть, на наш взгляд, не затрагивают правовой природы данного явления. Не беремся оценивать это как недостаток, просто констатируем такое их свойство.

Представляется, что более правильно было бы сформулировать следующее определение прогрессивной системы: «Прогрессивная система является комплексным межотраслевым институтом уголовного и уголовно-исполнительного права, включающим несколько самостоятельных институтов, в процессе применения которых правовое положение осужденного меняется в зависимости от степени его исправления в сторону либо расширения, либо ограничения объема его прав».

Другой важный вывод состоит в том, что в новом законодательстве с установлением общего правила о различных условиях отбывания наказания в пределах одного исправительного учреждения прогрессивная система приобрела вполне законченный вид и может считаться основой всего карательно-воспитательного воздействия на осужденных.

В-третьих, закрепление в законодательстве положения о возможности создания в одном исправительном учреждении изолированных участков с различными видами режима позволит сосредоточить весь процесс отбывания наказания в одном учреждении. Это будет способствовать обеспечению стабильности психолого-педагогического климата в местах лишения свободы и созданию благоприятных условий для более углубленного изучения администрацией исправительного учреждения личности осужденного. Несомненно, результатом реализации этого предложения станет облегчение процесса социальной адаптации осужденных после освобождения и, соответственно, снижение уровня рецидивной преступности.

Иными словами, будут созданы условия для реализации другого правового института – пробации, которая обеспечивает социальную адаптацию и реабилитацию лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, на всех ее стадиях (досудебная, приговорная, пенитенциарная и постпенитенциарная пробации).

В-четвертых, широкомасштабное применение прогрессивной системы исполнения лишения свободы значительно повысит эффективность профилактики преступности как при отбывании осужденными наказания, так и после их освобождения.

Список использованных источников

1. *Аванесов, Г. А.* Изменение условий содержания осужденных (прогрессивная система) / Г. А. Аванесов ; под ред. Н. А. Стручкова; МООП СССР, Всесоюз. науч. исслед. ин-т охраны обществ. порядка. – М., 1968. – 156 с.
2. *Аванесов, Г. А.* Изменение условий содержания осужденных в процессе отбывания лишения свободы (прогрессивная система) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Г. А. Аванесов; ВНИИ МВД СССР. – М., 1966. – 26 с.
3. *Аванесов, Г. А.* Совершенствование системы изменения условий содержания осужденных по новому исправительно-трудовому законодательству / Г. А. Аванесов // Тр. Высш. шк. МВД СССР. – М., 1971. – Вып. 29. – С. 82–88.
4. *Алексеев, С. С.* Структура советского права / С. С. Алексеев. – М., 1975. – 210 с.
5. *Бажанов, О. И.* Прогрессивная система исполнения наказания / О. И. Бажанов. – Минск : Наука и техника, 1981. – 167 с.
6. *Беляев, Н. А.* Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях / Н. А. Беляев. – Л.: ЛГУ, 1963. – 186 с.
7. *Михлин, А. С.* Классификации осужденных по уровню их исправленности и факторы, его определяющие / А. С. Михлин // Тр. ВНИИ МВД СССР; под ред. Н. А. Стручкова. – М., 1973. – № 26. – С. 20–27.
8. *Познышев, С. В.* Основы пенитенциарной науки / С. В. Познышев. – М., 1924. – 169 с.
9. *Селиверстов, В. И.* Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания / В. И. Селиверстов; ВНИИ МВД РФ. – М., 1992. – 204 с.
10. *Стручков, Н. А.* Курс исправительно-трудового права. Проблемы Общей части / Н. А. Стручков. – М., 1984. – 365 с.
11. *Ткачевский, Ю. М.* Проблемы совершенствования прогрессивной системы исполнения уголовного наказания / Ю. М. Ткачевский // Вестн. МГУ. Сер. 11, Право. – 1981. – № 6. – С. 45–54.
12. *Ткачевский, Ю. М.* Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний: учеб. пособие / Ю. М. Ткачевский, МГУ им. М. В. Ломоносова. – М.: Зерцало, 1997. – 143 с.
13. *Уголовно-исполнительное право. Общая часть : учебник / В. В. Геранин [и др.]; под общ. ред. Ю. И. Калинина; науч. ред. М. П. Мелентьев, С. И. Пономарев; М-во юстиции РФ, Акад. права и упр. – Рязань: Акад. права и упр. Минюста России, 2001. – 583 с.*

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Для эффективной борьбы с преступностью необходимо создать профессиональную криминалистическую систему, которая должна опираться на адекватное законодательство. Источниками криминалистической деятельности являются Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, законы «Об органах внутренних дел», «Об оперативно-розыскной деятельности», «О судебно-экспертной деятельности», постановления Правительства, нормативные постановления Конституционного Совета и Верховного суда, а также другие внутриведомственные правовые акты Республики Казахстан. Каждый из указанных источников представляет интерес с точки зрения правового обеспечения криминалистической деятельности, однако хотелось бы остановиться на предстоящей новелле в Казахстане – дактилоскопической регистрации.

Вопрос о дактилоскопической регистрации физических лиц поднимался в Казахстане неоднократно, однако из-за отрицательного отношения общества к данной процедуре проекты законов отзывались с рассмотрения Парламента. И вот, 30 декабря 2016 г. в Казахстане принят Закон «О дактилоскопической и геномной регистрации», который будет введен в действие с 1 января 2021 г. До введения его в действие предполагается проработать вопросы хранения и защиты данных регистрации, решить иные вопросы правового и организационного характера.

Полагаем, принятие данного закона отразится и на правовом обеспечении криминалистической деятельности.

Положительный или отрицательный эффект закона мы ощутим, когда он начнет свое действие, однако сейчас можно проанализировать некоторые его интересные, на наш взгляд, положения.

Во-первых, если ранее обязательной дактилоскопической регистрации подлежали только лица, попавшие в поле зрения правоохранительных органов, то теперь все граждане с 16-летнего возраста и некоторая категория иностранных граждан. В России и Беларуси дактилоскопическая регистрация производится в добровольном и обязательном порядке.

Во-вторых, хотелось бы обратить внимание на сроки хранения дактилоскопической информации:

- для граждан Республики Казахстан – до установления факта их смерти, в случае признания гражданина безвестно отсутствующим или объявления его умершим судом, утраты или выхода из гражданства до даты, когда им исполнилось бы 100 лет;
- для иностранных граждан, лиц без гражданства – 10 лет со дня регистрации.

В России и Беларуси, к примеру, срок хранения ограничивается 80 годами или фактом смерти ее носителя.

Однако полагаем, что указанные сроки противоречат нормам уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Так, в соответствии с п. 6 ст. 71 Уголовного кодекса Республики Казахстан предусмотрены сроки давности, которые не применяются к лицам, совершившим определенную категорию преступлений (против мира и безопасности человечества, коррупционные, террористические, экстремистские и др.).

Одной из целей наказания является восстановление социальной справедливости. При этом уголовно-процессуальное законодательство предоставляет потерпевшему, а в случае его смерти – правопреемнику право на получение за счет бюджетных средств денежной компенсации за имущественный вред, причиненный особо тяжким преступлением.

Таким образом, мы полагаем, что хранить дактилоскопическую информацию целесообразно 100 лет, не ограничивая сроки фактом смерти либо регистрации иностранных граждан или лиц без гражданства.

Другой особенностью закона мы бы хотели выделить принципы дактилоскопической регистрации. Одним из принципов является обеспечение безопасности для здоровья человека. Как мы полагаем, этот принцип относится к научно-техническим средствам при снятии дактилоскопической информации. При этом криминалистической наукой давно разработаны принципы, которым они должны отвечать. Так, наряду с безопасностью, научно-технические средства должны быть прямо предусмотрены законом, научно обоснованы и проверены практикой, и самое главное – обеспечивать сохранность и не искажать дактилоскопическую информацию.

В рамках данной работы мы не ставили цель охватить другие не менее важные проблемы принятия данного закона (затратность, отсутствие доверия со стороны населения к правоохранительной системе, не изжиты злоупотребления со стороны правоохранительных органов и др.), а лишь попытались рассмотреть один из будущих источников криминалистической деятельности. Резюмируя изложенное, хотелось бы обратить внимание, что обоснование принятия данного закона в основном сводилось к документированию личности, однако он напрямую будет влиять на происходящие процессы в криминалистической деятельности.

Трефилов А. А.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОПЫТ ШВЕЙЦАРИИ

В Швейцарии дознание представляет собой первоначальную, факultативную, досудебную стадию уголовного судопроизводства, на-

чинающуюся после получения информации о предполагаемом преступлении, в ходе которой полиция, взаимодействуя с прокуратурой, обладая лишь незначительной процессуальной самостоятельностью, собирает доказательства, на основе которых возможно: а) последующее открытие прокуратурой предварительного следствия; б) отказ в его открытии, соединенный или не соединенный с изданием приказа о наказании. При этом мы вовсе не претендуем на исчерпывающий характер данной дефиниции, но стремимся показать в ней наиболее важные признаки определяемого термина.

Ключевые особенности дознания в рассматриваемом правовом порядке обусловлены его факультативностью, а также объемом процессуальной деятельности полиции, направленной на формирование пределов производства по делу *in rem* и *in personam*. Построение дознания по УПК Швейцарии 2007 г. имеет определенное сходство с существующей в России стадией возбуждения уголовного дела. Одновременно с этим данная форма досудебного производства приближена к прокурорскому следствию, поскольку в отношении полицейского дознания законодатель не устанавливает какие-либо жесткие формальные барьеры для производства следственных действий и избрания мер принуждения. В то же время необходимо отметить, что дознание с точки зрения объема возможных следственных действий ограничено *defacto* кругом тех из них, которые направлены на установление события преступления и достаточности подозрения в отношении лица, причастного к его совершению.

В качестве общего правила, швейцарский уголовный процесс начинается с дознания. Его производство возлагается на полицию. Вместе с тем прокуратура не отстранена от дознания, поскольку она, согласно УПК 2007 года, вправе руководить действиями полиции, которая обладает лишь в малой степени процессуальной самостоятельностью в организационном и функциональном отношении.

Поводы и основания для начала уголовного судопроизводства (в данном случае – дознания) в Швейцарии традиционны для большинства континентальных правовых порядков, хотя законодатель и не выделяет эти существующие объективно научные категории.

Принятие УПК 2007 года стало важным шагом в защите прав и свобод граждан от незаконного и необоснованного уголовного преследования, поскольку отныне защитник допускается в уголовный процесс и имеет право общаться с задержанным, образно говоря, с самого раннего момента, с какого только возможно. Законодатель, желая защитить права и законные интересы обвиняемого, стремится как можно раньше наделить его этим статусом, отдавая предпочтение материальному, а не формальному пониманию данного участника производства по делу.

Составители УПК Швейцарии предусмотрели не только традиционные для современных континентальных стран формы окончания дознания, но и сконструировали собственную модель института приказа о наказании с целью разгрузить суды, освободив их от необходимости рассматривать несложные уголовные дела о правонарушениях, не представляющих большой общественной опасности, тем самым обеспечивая соблюдение разумных сроков производства по делу.

В Швейцарии институт медиации, не будучи самостоятельной формой окончания дознания, находит достаточно ограниченное действие, поскольку в соответствии с УПК 2007 года может применяться далеко не по всем категориям уголовных дел. Вместе с тем данный Кодекс предусматривает важные гарантии, повышающие значение данного института для потерпевшего, а также лица, в отношении которого ведется производство (например, отказ заявителя явиться на примирительные слушания влечет прекращение производства).

Предварительное следствие представляет собой досудебную стадию уголовного судопроизводства, в ходе которой прокуратура, являясь независимым органом, ведущим производство по делу, взаимодействуя с полицией и иными субъектами, в целях установления истины исследует обстоятельства, на основе которых возможно: а) последующее направление дела в суд первой инстанции; б) отказ от его передачи в данный орган, влекущий прекращение дела (при этом также возможно издание приказа о наказании). По общему правилу предварительное следствие обязательно, и оно может не производиться лишь в порядке упрощенного судопроизводства (если приказ о наказании издан в ходе дознания).

В ходе предварительного следствия прокуратура остаётся «госпожой» досудебного производства. Ей принадлежит ведущая роль в совершении следственных действий, избрании мер принуждения (в ряде случаев – с санкции суда) и принятии решений о дальнейшем направлении уголовного дела. Все это свидетельствует о весьма условном разграничении дознания и предварительного следствия в современной швейцарской процессуальной системе.

Суды по вопросам мер принуждения отражают идею, состоящую в том, что, с одной стороны, необходимо разграничить функции по избранию мер принуждения и рассмотрению дела по существу, а с другой – предоставить кантонам большие возможности по самостоятельному решению вопроса о месте данного суда в системе правоохранительных органов, его организационной структуре и ведомственной принадлежности. Вместе с тем нужно заметить, что большинство кантонов не воспользовались возможностью реформировать указанный институт и не создали специальных судей по вопросам мер принуждения.

ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ КОРРУПЦИИ

Стремительное развитие науки, техники и реализация их достижений способствовали переходу всего мирового сообщества в информационное общество, функционирующее в едином информационном пространстве. Немаловажное значение для формирования и развития информационного общества имеют процессы глобализации.

Преимущества глобализации несомненны: развивается международная торговля, внедряются современные технологии, способствующие повышению производительности труда и, соответственно, конкурентоспособности производимой продукции и др. Вместе с тем глобализация усилила многие и явилась причиной новых проблем. Она значительно влияет на мировую экологическую систему, наносит ущерб национальному культурному наследию, способствует миграции, безработице, увеличению «ненужных» людей, навязывает вредные для человека идеалы и ценности, существенно увеличивает разрыв между богатыми и бедными и др. Негативные последствия, связанные с глобализацией, более существенны и превосходят ее положительные стороны.

Не менее важной является иная проблема, связанная с коррупцией. По мнению идеологов интеграционных процессов, количество коррупционных проявлений будет сокращаться, так как во многих случаях глобализация исключает непосредственную связь должностных лиц (потенциальных коррупционеров) с представителями бизнеса и гражданами, реализующими предоставленное им законодательством право. С этим можно согласиться, если не учитывать, что это односторонний взгляд на проблему. Дело в том, что глобализационные процессы способствовали выходу коррупции за рамки национальных государств. Коррупция превратилась в транснациональное явление, противодействовать которому должны одновременно все государства.

Многие аспекты коррупции и коррупционных преступлений исследованы в достаточной мере. Но следует обратить внимание на одну, мало изученную форму коррупции – политическую. Политическая коррупция, по-нашему мнению, является одним из препятствий в развитии отношений между государствами. Свидетельством тому могут служить проблемы экономических отношений, возникшие между Россией и Беларусью в рамках ЕАЭС.

Многие коррупционные проявления имеют политический характер. Это объясняется связью практически всех коррупционных сфер с деятельностью государственных служащих. Занимая определенную должность в государственном органе, они призваны реализовывать государ-

ственную политику в сфере своей деятельности. Путем совершения служащим коррупционных действий подрывается авторитет государственного органа и причиняется вред его политической линии. Все это указывает на политическую коррупцию. Деятельность коррумпированного чиновника не всегда ориентирована на повышение его материального благосостояния. Она может не иметь отношения к коррупционному бизнесу в виде взяток, хищений, путем злоупотребления должностным положением и т. п. Коррумпированный чиновник использует иные средства для обеспечения личного политического благополучия: влияние на судебные органы, преследование политических противников, формирование преданного окружения и др. Вот эта разновидность политической коррупции представляет особую проблему и определяет необходимость проведения соответствующих исследований.

Несомненна и значима роль криминалистической науки в познании коррупции. Данная наука изучает коррупцию и коррупционные преступления, но с характерной для нее особенностью.

Социальные преобразования и качественные изменения преступной деятельности коррупционной направленности определяют новые направления развития криминалистики.

Во-первых, в условиях глобализации необходимо пересмотреть свои взгляды на объект криминалистики, основываясь на его представлении как двуедином образовании. В качестве его составляющих рассматриваются два противоположных вида деятельности человека. С одной стороны, преступная деятельность по подготовке, совершению и сокрытию преступлений, а с другой – деятельность по выявлению, раскрытию, расследованию преступлений.

Понятие преступной деятельности нередко сводится к единичным преступным деяниям, хотя данные понятия не идентичны и их следует различать. Не одинаков подход и к процессу их познания. Преступления являются единичными актами, а их совокупность составляет преступность в масштабе государства. Преступную деятельность следует понимать как направление жизнеобеспечения преступной части общества, способ ее существования посредством совершения отдельных преступлений и их совокупности. Преступления и их совокупность – неотъемлемая составная часть преступной деятельности. Но некоторые виды преступлений и отдельные преступления выходят за рамки преступной деятельности и рассматриваются как отдельные проявления преступности. К ним относятся, например, все преступления, совершаемые по неосторожности.

Деятельность по расследованию преступления направлена на выявление, исследование материальных элементов его структуры, следов их проявления в окружающей среде, на основе которых познаются способ

совершения, мотив и цели деяния. Но изучить преступление не всегда означает познать преступную деятельность.

По-нашему мнению, криминалистика не должна довольствоваться исследованием только результатов преступной деятельности – преступлений. С учетом тенденций современного мира (глобализация, информатизация, развитие нанотехнологий, информационные войны) ее роль и назначение должны быть преобразованы.

Криминалистика возникла как результат потребности общества в научном обеспечении деятельности, направленной на борьбу с преступностью и преступлениями. Фактически сложилась ситуация следования криминалистики за преступной деятельностью. При этом реально изучаются ее результаты, т. е. преступления (их множество) и деятельность по раскрытию и расследованию, и на основе познания их закономерностей разрабатываются методические рекомендации противодействия преступности. Сокращение количества преступлений меняет статистику преступности в государстве, наносит точечные удары преступной деятельности, но в целом не оказывают на нее существенного влияния.

Криминалистике посредством своих приемов и методов необходимо оказывать опережающее воздействие на преступную, в том числе и коррупционную деятельность. Реализация этого должна основываться на уточнении объекта криминалистики и расширении ее предмета.

Учитывая двуединый объект криминалистики, его изменение нуждается в части правоохранительной деятельности, которая не должна ограничиваться только раскрытием и расследованием преступлений. Органы, осуществляющие противодействие преступности, должны быть ориентированы на изучение преступной деятельности. При этом следует учитывать, что преступная деятельность рассматривается как в узком, так и широком смысле. В узком смысле следует понимать преступную деятельность, реализуемую с целью совершения одного или нескольких преступлений. Эта преступная деятельность может быть изучена в процессе расследования отдельных или совокупности преступлений, совершенных одним субъектом или в составе группы. В широком смысле, как отмечено, необходимо понимать преступную деятельность как функциональное и жизнеобеспечивающее направление отдельной части общества.

Во-вторых, научно-технический прогресс, появление новейших технологий, развитие информационной сферы обусловили трансформацию и определили новые возможности для совершения преступлений. Это, в свою очередь, позволяет прогнозировать некоторые опасные тенденции, например, значительное увеличение совершения преступлений в информационном пространстве. Успех в деятельности по расследованию преступлений в информационной сфере, а равно и коррупционных преступлений зависит от наличия современной, научно разработанной

частной криминалистической методики. Для построения частных криминалистических методик в качестве информационной модели преступления чаще используется его криминалистическая характеристика. Но в настоящее время криминалистическую характеристику преступлений ряд ученых воспринимают как абстрактное понятие.

Низкий уровень практической значимости криминалистической характеристики преступления привел к пониманию необходимости осуществления познания преступлений на иной информационной основе. Такой основой служит криминалистическая структура преступления.

Помимо теоретического значения криминалистическая структура преступлений имеет важное практическое значение. Она определяет целенаправленность и последовательность в работе следователей.

Структура каждого вида преступлений различна. Отличаются характеристики и свойства элементов совершения уголовных преступлений. В преступлениях одного вида может различаться количественный состав элементов. В структуре коррупционных преступлений могут быть выделены такие элементы, как субъект, объект, предмет и средства преступного посягательства. Для некоторых преступлений рассматриваемой группы характерно наличие и такого элемента, как предмет преступления. Общая отличительная особенность этих элементов состоит в том, что все они характеризуются как материальные образования.

Знания о криминалистической структуре и ее основных элементах позволяют разработать рекомендации для правоохранительных органов, необходимые для своевременного выявления коррупционных преступлений, оптимизации первоначального этапа расследования, выдвижения и проверки следственных версий. Вышеизложенное позволяет сделать выводы.

Во-первых, глобализация влечет за собой много негативных явлений, связанных с противоправными деяниями. Глобальной проблемой остается коррупция и, в особенности, такая ее форма, как политическая коррупция.

Во-вторых, на передовом крае борьбы с коррупционными преступлениями находится криминалистика, современное состояние которой не способно обеспечить адекватное противодействие коррупции.

В-третьих, качественные изменения преступной деятельности коррупционной направленности определяют новые направления развития криминалистики: изменение представлений об объекте криминалистики и совершенствование методического обеспечения раскрытия и расследования коррупционных преступлений.

В-четвертых, уточнение объекта криминалистики определяет необходимость расширения предмета исследований в отношении преступной деятельности, рассматриваемой в широком смысле. Познание зако-

номерностей формирования преступной деятельности позволит обеспечить разработку адекватных мер противодействия.

В-пятых, в своем развитии криминалистика не должна ограничиваться только познанием коррупционных деяний. Изучая коррупционную деятельность, необходимо посредством криминалистических приемов и методов оказывать на нее опережающее воздействие.

Шидловский А. В.

ОТРАЖЕНИЕ НОРМ БЕЛОРУССКОГО И НЕМЕЦКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ НАКАЗАНИЙ

Важнейшим этапом в становлении основных институтов белорусского уголовного права было общегосударственное статутное законодательство Великого княжества Литовского [3–5]. Анализ уголовно-правовых норм Статутов ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. указывает на закрепление принципов законности, равенства всех перед законом, индивидуализации наказания, справедливости, а также целей и видов наказания.

В Статуте 1588 г. используются выражения «мают быти горлом караны», «головицзну платить винен», «шкоду платити», «отправу учинити» (разд. XI–XIV) [6, с. 470–612]. При этом в каждом конкретном случае название отражало определенные виды наказания. Так, термин «вина» обозначал имущественные наказания либо тюремное заключение, «покута» – телесные наказания и «ганьбаванне» [1, с. 145]. При определении меры наказания прежде всего учитывалось сословное положение лица.

Относительно исследуемого вопроса предварительно заметим, что в XV–XVI вв. наиболее известными немецкими уголовно-правовыми источниками признаны: Тирольский уголовный устав 1498 г., Бамбергское уложение 1507 г. Принимаемые уголовно-правовые нормы германского происхождения отличались от римского права и к началу XVI в. послужили основой принятия в 1532 г. Каролины – первого систематизированного Уголовно-судебного уложения «Священной Римской империи германской нации» [2]. Системообразующее правовое значение Каролины в подходах к установлению наказаний состояло в следующем.

Каролина отражала характерную для средневековья систему наказаний, в которой главная роль отводилась смертной казни в различных формах ее применения: повешение, четвертование, колесование, отсечение головы мечом, утопление, сожжение, погребение заживо, сажание на кол, забивание колями (например, за измену мужчину наказывали четвертованием, а женщину – казнили путем утопления). К основным видам наказаний также относились: телесные наказания (выкалывание

глаз, отрезание ушей, отсечение одной руки или пальцев, высечение розгами, терзание калеными клещами, волочение к месту казни), штраф, возмещение потерпевшему причиненного ущерба (обычно в двух-, четырехкратном размере), конфискация жилища, выставление к позорному столбу, изгнание из страны, тюремное заключение. Лишение свободы имело небольшое значение [2].

Порядок применения тюремного заключения согласно ст. 176 Каролины предусматривал, что заключенный должен содержаться при том суде, которым был обвинен и изобличен. Если он не мог содержать себя в этой тюрьме за счет собственных средств, то караульные деньги, полагающиеся тюремщику, должен был выдавать истец наличными в размере, определяемом судьей. В случае невозможности возместить издержки эта миссия возлагалась на государство (органы власти) [2].

Из содержания этих правовых документов следует, что законодатель устанавливал систему наказаний (основные: штраф, лишение свободы, телесные наказания, смертная казнь, лишение чести и прав, конфискация имущества; дополнительные: месть, изгнание, лишение наследственных прав, покаяние и пр.), предусматривал основания освобождения от уголовной ответственности.

Изначально в средневековом белорусском уголовном праве лишение свободы практиковалось в форме выдачи преступника потерпевшему в рабство либо для казни (в такой форме наказание применялось до середины XVI в.). В Судебнике Казимира 1468 г. была сделана первая попытка ограничить выдачу преступника или его жены и детей потерпевшему. Далее, Статут 1588 г. закрепил норму, допускающую передачу преступника или его жены и детей потерпевшему не в качестве «нявольнікаў», а для отработки определенной суммы денег [8, с. 207].

Лишение свободы в феодальном уголовном праве Беларуси применялось в двух основных видах: легкое – в верхней части замка и тяжелое – в подземелье с цепью на шее. Содержание осужденного оплачивалось им самим или его близкими либо потерпевшим, по обвинению которого преступник был приговорен к тюремному наказанию [8, с. 207]. Официально срок лишения свободы мог назначаться в пределах от 3 недель до 1 года и 6 недель. Фактически заключенного могли держать до тех пор, пока он не выплачивал штраф, не возмещал ущерб либо не представлял своего поручителя. Тюрьмы делились на обыкновенные, земляные и каменные [7, с. 653].

Таким образом, уголовно-правовые нормы Каролины 1532 г. в Германии и параллельно действовавших Статутов Великого княжества Литовского 1529 г., 1566 г., а позднее – Статута 1588 г., стали общеевропейским достоянием и имели руководящее значение при разработке законодательства и правоприменительной практики многих европей-

ских государств (Беларуси, Литвы, Латвии, России, Польши, Украины, Эстонии и др.) до XIX столетия.

Выделим общие черты и законодательные традиции современного белорусского и немецкого уголовного права, обусловленные влиянием фундаментальных исторических памятников права XV–XVI вв.: система наказаний в действующем белорусском УК разработана с учетом историко-правового трансфера основных видов наказаний из римского, средневекового белорусского и немецкого уголовного права; виды наказаний внутри системы делятся на основные и дополнительные; в отдельном законодательном блоке обособлена лестница наказаний и мер уголовной ответственности несовершеннолетних.

Отличие действующего УК Республики Беларусь от УК Федеративной Республики Германия в подходах к установлению дифференциации наказания и уголовной ответственности:

- УК Республики Беларусь является единственным уголовным законом, действующим на территории Беларуси (ч. 2 ст. 1 УК). УК ФРГ – это не единственный источник, наряду с ним действует «дополнительное» уголовное право (*Nebenstrafrecht*);

- по перечню видов наказаний: в ст. 48 УК Республики Беларусь – 10 основных видов наказаний, 2 – дополнительных и 3 – смешанных; в §§ 38–44 УК ФРГ – 2 основных вида (лишение свободы и штраф), 1 – дополнительный вид наказания (запрещение управлять транспортным средством) и дополнительные последствия (§ 45).

Список использованных источников

1. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: падручнік / Т. І. Доўнар. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2014. – 416 с.

2. Каролина [Электронный ресурс] // Средневековые исторические источники Востока и Запада. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XVI/1520-1540/Karolina/text.phtml?id=5935> – Дата доступа: 20.05.2017.

3. Статут Великого княжества Литовского 1529 г. / под ред. К. И. Яблонского. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1960. – 254 с.

4. Статут Великого княжества Литовского 1566 года. – М.: Изд. Имп. Моск. о-ва рос. истории и древностей, 1855. – 242 с.

5. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / гал. рэд. І. П. Шамякін. – Мінск: Бел. сав. энцыкл., 1989. – 573 с.

6. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588: Юбілейнае выданне / Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Юрыдычны факультэт: транскрыпцыя тэксту падрыхтавана С. А. Балашэнка, Т. І. Доўнар, Л. Л. Голубевай. – Мінск: Прынт-корп, 2010. – 612 с.

7. Уголовное право. Общая часть: учебник / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Минск: Изд. центр БГУ, 2014. – 727 с.

8. Юхо, Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапам. / Я. А. Юхо. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 270 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Абдурахманов Александр Амангельдыевич, доцент кафедры криминалистики, юридический факультет, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент.

2. Акчурин Александр Владимирович, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики, Академия ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

3. Александрова Ольга Павловна, доцент кафедры, Псковский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент.

4. Антилевская Юлия Александровна, государственный судебный эксперт отдела исследования оружия управления дактилоскопии, баллистики и портретной идентификации Главного управления криминалистических экспертиз центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

5. Асаёнок Борис Валерьевич, доцент кафедры криминалистики, юридический факультет, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент.

6. Берестень Владимир Ильич, профессор специальной кафедры ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь», доктор юридических наук, доцент.

7. Бодрова Юлия Вячеславовна, старший помощник Прокурора области, Прокуратура Псковской области.

8. Бондаренко Елена Николаевна, доцент кафедры русского языка и культуры речи, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат филологических наук, доцент по специальности «Русский язык».

9. Буданова Людмила Юрьевна, преподаватель кафедры организации режима и оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе, Псковский филиал Академии ФСИН России.

10. Василевич Григорий Алексеевич, заведующий кафедрой конституционного права, юридический факультет, Белорусский государственный университет, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь.

11. Василевич Дмитрий Григорьевич, начальник отдела по надзору за исполнением природоохранного и земельного законодательства управления по надзору за исполнением законодательства и законностью правовых актов Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

12. Васильченко Андрей Владимирович, доцент кафедры криминалистики, Уфимский юридический институт МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

13. Веренич Наталья Григорьевна, государственный судебный стажер-эксперт отдела культурологических экспертиз Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь.

14. Веренчиков Игорь Романович, доцент кафедры криминалистики, юридический факультет, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент.

15. Вишневская Валентина Петровна, главный научный сотрудник ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь», доктор психологических наук, профессор.

16. Гайнельзянова Венера Равилевна, старший преподаватель кафедры криминалистики, Уфимский юридический институт МВД России, кандидат юридических наук.

17. Гамбарова Евгения Александровна, ассистент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва.

18. Гареев Альберт Масгутович, профессор кафедры криминалистики, Уфимский юридический институт МВД России, доктор медицинских наук, профессор.

19. Григорович Василий Леонидович, доцент кафедры криминалистики, юридический факультет, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент.

20. Гусева Ирина Ивановна, заместитель начальника кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Владимирский юридический институт ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

21. Дедковский Андрей Александрович, доцент кафедры адвокатуры, УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат юридических наук, доцент.

22. Дергай Георгий Борисович, доцент кафедры криминалистики УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

23. Дмитренко Денис Иванович, старший преподаватель кафедры криминалистики, юридический факультет, Белорусский государственный университет.

24. Долгинов Сергей Данилович, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, юридический факультет, Пермский государственный национальный исследовательский университет, кандидат юридических наук, доцент.

25. Драгун Максим Дмитриевич, старший преподаватель, ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь».

26. Дулов Андрей Васильевич, профессор кафедры криминалистики, юридический факультет, Белорусский государственный университет, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Беларусь.

27. Ермолович Дмитрий Владимирович, начальник кафедры тактико-специальной подготовки факультета милиции, УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

28. Желобкович Александр Геннадьевич, адъюнкт УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

29. Жук Александр Васильевич, заместитель декана факультета доуниверситетского образования, Белорусский государственный университет.

30. Жук Мария Генриховна, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент.

31. Зиненко Юлия Васильевна, доцент кафедры криминалистики, Сибирский юридический институт МВД России, кандидат юридических наук.

32. Злобина Людмила Александровна, аспирант ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

33. Зорин Роман Георгиевич, доцент кафедры государственного управления и уголовно-правовых дисциплин, факультет экономики и права, Барановичский государственный университет, кандидат юридических наук.

34. Каменецкий Юрий Францевич, следователь по особо важным делам Центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

35. Карачевцев Ярослав Николаевич, помощник адвоката, г. Харьков, Украина.

36. Кирвель Виталий Казимирович, доцент кафедры конституционного и административного права, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

37. Климов Денис Александрович, старший преподаватель цикла уголовно-правовых дисциплин, УО «Центр повышения квалификации руководящих работников и специалистов Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

38. Климова Евгения Ивановна, заведующий кафедрой уголовного права и процесса филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» в г. Минске Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

39. Князев Игорь Михайлович, профессор кафедры, ГУО «Институт национальной безопасности Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

40. Ковальчук Александр Александрович, адъюнкт, УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

41. Копотун Игорь Николаевич, проректор по учебной части, Институт Службы внешней разведки Украины, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Украины.

42. Крамаренко Владимир Петрович, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики, Юридический институт Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, кандидат юридических наук, доцент.

43. Красиков Владимир Сергеевич, доцент кафедры криминалистики, юридический факультет, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент.

44. Кубарев Иван Владимирович, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и международного права, Донецкий юридический институт Министерства внутренних дел Украины, кандидат юридических наук, доцент.

45. Кухарьков Юрий Владимирович, доцент кафедры криминалистики, юридический факультет, Белорусский государственный университет, кандидат медицинских наук, доцент.

46. Кучин Олег Стасьевич, профессор кафедры криминалистики, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор.

47. Лемешко Егор Владимирович, преподаватель кафедры криминалистики, УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

48. Лузгин Иван Иванович, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики, Полоцкий государственный университет.

49. Лукьянчиков Евгений Дмитриевич, профессор кафедры информационного права и права интеллектуальной собственности, Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского», доктор юридических наук, профессор.

50. Лысенко Андрей Николаевич, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности и раскрытия преступлений, Харьковский национальный университет внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

51. Лысенко Ирина Вячеславовна, доцент кафедры права, Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», кандидат юридических наук, доцент, доцент.

52. Мазовка Алеся Сергеевна, старший эксперт, Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь.

53. Маховская Анастасия Андреевна, аспирант, Кубанский государственный университет.

54. Мишин Андрей Викторович, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, юридический факультет, Казанский (Приволжский) Федеральный университет, кандидат юридических наук, доцент.

55. Молоков Вячеслав Витальевич, начальник кафедры ИПДиСТ, Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск), кандидат технических наук, доцент.

56. Мороз Игорь Анатольевич, помощник Председателя Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

57. Мохорев Александр Николаевич, судья, Суд Советского района г. Гомеля (Республика Беларусь).

58. Нефедов Сергей Николаевич, начальник научного отдела методического и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности, Государственное учреждение «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», кандидат технических наук, доцент.

59. Низаева Светлана Рамилевна, преподаватель кафедры криминалистики, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский юридический институт» МВД России.

60. Никитин Юрий Александрович, доцент кафедры криминалистики, юридический факультет, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук.

61. Олиндер Нина Владимировна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, заведующий научно-образовательной лаборатории криминалистики и судебных экспертиз, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, кандидат юридических наук.

62. Орехова Екатерина Петровна, доцент кафедры криминалистики, юридический факультет, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук.

63. Пацкевич Александр Петрович, доцент кафедры криминалистики, УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

64. Петрова Ольга Валентиновна, доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора, юридический факультет, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент.

65. Петрусевич Максим Геннадьевич, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки факультета милиции, УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

66. Пономаренко Юрий Владимирович, доцент кафедры криминалистики, юридический факультет, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук.

67. Ревтова Светлана Юрьевна, доцент кафедры криминалистики, юридический факультет, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук.

68. Ритвинская Татьяна Юрьевна, старший научный сотрудник, ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь».

69. Родевич Валерий Чеславович, докторант научно-педагогического факультета, УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

70. Романов Валерий Иванович, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», кандидат юридических наук, доцент.

71. Романюк Дмитрий Александрович, старший преподаватель, УО ФПБ «Международный университет «МИТСО»».

72. Ропот Руслан Михайлович, старший преподаватель кафедры криминалистических экспертиз, следственно-экспертный факультет, УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

73. Рубис Александр Сергеевич, начальник кафедры специальных дисциплин УО «Государственный институт повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь», доктор юридических наук, доцент.

74. Руткевич Владимир Николаевич, старший преподаватель кафедры криминалистики, юридический факультет, Белорусский государственный университет.

75. Саковец Игорь Николаевич, начальник юридической службы, факультет внутренних войск, УО «Военная академия Республики Беларусь», магистрант.

76. Сальманов Азат Афтахович, заместитель начальника по экспертной работе Бюро судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения Республики Башкортостан, кандидат медицинских наук.

77. Сергеев Олег Дмитриевич, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Кемеровский государственный университет.

78. Сечко Инга Витальевна, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, факультет милиции, УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат психологических наук.

79. Силаев Семён Александрович, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Кемеровский государственный университет.

80. Скаков Айдаркан Байдекович, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор.

81. Соркин Геннадий Семенович, заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности, УО «Могилевский институт МВД Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

82. Талалаев Владимир Алексеевич, начальник кафедры юридических дисциплин, факультет внутренних войск, УО «Военная академия Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

83. Телеупов Ринат Жумабаевич, старший преподаватель, Казахстанский университет инновационных и телекоммуникационных систем, магистр юриспруденции.

84. Тихоненко Руслан Валерьевич, аспирант, юридический факультет, Белорусский государственный университет, магистр права.

85. Ткачук Татьяна Алексеевна, начальник кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания, доктор юридических наук, профессор.

86. Трефилов Александр Анатольевич, старший научный сотрудник, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук.

87. Тукало Алексей Николаевич, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности, факультет милиции, УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

88. Файрушина Римма Дамировна, преподаватель кафедры криминалистики, Уфимский юридический институт МВД России, кандидат юридических наук.

89. Харевич Дмитрий Людвигович, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности, УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

90. Хитев Алексей Павлович, старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания.

91. Хлус Александр Михайлович, доцент кафедры криминалистики, юридический факультет, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент.

92. Шабанов Вячеслав Борисович, заведующий кафедрой криминалистики, юридический факультет, Белорусский государственный университет, доктор юридических наук, профессор.

93. Шаматульский Игорь Александрович, старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности, факультет милиции, УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

94. Шемет Вадим Сергеевич, заведующий кафедрой теории и практики управления, УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат юридических наук.

95. Шидловский Андрей Викторович, заместитель декана по учебно-воспитательной работе, юридический факультет, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент.

96. Шиенок Владимир Петрович, профессор кафедры криминалистики, УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор.

97. Шумак Григорий Александрович, профессор кафедры криминалистики, юридический факультет, Белорусский государственный университет, кандидат юридических наук, доцент.

98. Шурухнов Николай Григорьевич, профессор кафедры уголовно-правовых и специальных дисциплин, юридический факультет, Московский гуманитарный университет доктор юридических наук, профессор.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ	3
Дулов А. В. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ КРИМИНАЛИСТИКИ.....	3
Шабанов В. Б. ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННО- КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	10
Шиенок В. П. ИНТУИЦИЯ В КРИМИНАЛИСТИКЕ. МЕТОДОЛОГИЯ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРОБЛЕМЫ	12
Шумак Г. А. НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ НАУЧНОЙ ШКОЛОЙ КАФЕДРЫ КРИМИНАЛИСТИКИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА	14
Раздел II. ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	18
Дергай Г. Б. МОЛЕКУЛЯРНЫЙ ФОТОФИТТИНГ – ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ДИАГНОСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КРИМИНАЛИСТИКЕ	18
Кирвель В. К. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ.....	20
Лузгин И. И. МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ АСПЕКТЫ ТЕХНИКО- КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ И СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	24
Мохорев А. Н. СРЕДСТВА ОБЩЕТЕХНИЧЕСКОГО НАЗНАЧЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТЫ СИСТЕМНОГО ОКРУЖЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ	26
Пономаренко Ю. В. ВЫБОРОЧНАЯ ВИДЕОЗАПИСЬ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ДОПУСТИМОСТЬ И ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ.....	28
Ритвинская Т. Ю. СПОСОБЫ ИНТЕГРИРОВАНИЯ ФОТОИЗОБРАЖЕНИЙ В ДОКУМЕНТЫ НА ПРАВО ПЕРЕСЕЧЕНИЯ ГРАНИЦЫ И ИХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ПРИЗНАКИ ...	30
Романов В. И. СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СУЩНОСТИ И ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ (СУДЕБНОЙ) ФОТОГРАФИИ	32
Романюк Д. А. ЭЛЕКТРОННЫЙ КОНТРОЛЬ РАБОТЫ СЛЕДОВАТЕЛЯ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	34

<i>Тихоненко Р. В.</i> РАБОТА СО СЛЕДАМИ НА МЕСТЕ ПРОИСШЕСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСПЕКТОРОВ ОХРАНЫ ЖИВОТНОГО И РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО ДЕЛАМ О БРАКОНЬЕРСТВЕ.....	38
Раздел III. ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	40
<i>Григорович В. Л.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ ЛАЗЕРНОГО СКАНИРОВАНИЯ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ.....	40
<i>Гусева И. И.</i> О ПЕРСПЕКТИВАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	42
<i>Князев И. М., Драгун М. Д.</i> ОБЫСК И ВЫЕМКА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О СОЗДАНИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ФОРМИРОВАНИЯ И ФИНАНСИРОВАНИИ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ.....	45
<i>Кучин О. С.</i> ЗНАЧЕНИЕ ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	47
<i>Петрусевиц М. Г.</i> НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАСКРЫТИИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ.....	49
Раздел IV. ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	52
<i>Берестень В. И.</i> КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРРУПЦИРОВАННОГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА.....	52
<i>Дмитренко Д. И.</i> МОДЕЛИРОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ГОЛОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ.....	55
<i>Жук А. В.</i> ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА.....	57
<i>Жук М. Г.</i> КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В МЕТОДАХ КРИМИНАЛИСТИКИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	59
<i>Зиненко Ю. В.</i> К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЯЖЕСТИ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	62
<i>Злобина Л. А.</i> ОСОБЕННОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ПОДЛЕЖАЩИХ УСТАНОВЛЕНИЮ В СВЯЗИ С РАССЛЕДОВАНИЕМ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА.....	64

<i>Каменецкий Ю. Ф.</i> ТИПИЧНЫЕ ВЕРСИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ПУТЕМ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ СЛУЖЕБНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ В БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЕ.....	66
<i>Карачевцев Я. Н.</i> РАССЛЕДОВАНИЕ ДТП, КОГДА ВОДИТЕЛЬ СКРЫЛСЯ С МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ.....	69
<i>Климова Е. И.</i> МЕТОДЫ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ.....	71
<i>Маховская А. А.</i> ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ УСТАНОВЛЕНИЮ, КАК ЭЛЕМЕНТ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕЗАКОННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	73
<i>Низаева С. Р.</i> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОБОРОТА ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ	75
<i>Никитин Ю. А.</i> ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ ИЗНАСИЛОВАНИЙ	77
<i>Олиндер Н. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ И МЕСТА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ ПЛАТЕЖНЫХ СРЕДСТВ И СИСТЕМ (КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	80
<i>Пацкевич А. П.</i> КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ХУЛИГАНСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ	83
<i>Сергеев О. Д.</i> СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ И ИХ РАЗРЕШЕНИЕ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПНЫХ НАРУШЕНИЯХ ПРАВИЛ ПРОМЫШЛЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	85
<i>Талалаев В. А., Саковец И. Н.</i> О СТРУКТУРЕ И СОДЕРЖАНИИ МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ НАРУШЕНИЙ УСТАВНЫХ ПРАВИЛ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ	88
<i>Файрушина Р. Д.</i> МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСТВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ КАК ОДИН ИЗ ЭЛЕМЕНТОВ ОБСТАНОВКИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ.....	90
<i>Шурухнов Н. Г.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ И ИННОВАЦИИ В РАЗВИТИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ РАССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ И ГРУПП ПРЕСТУПЛЕНИЙ ...	93
Раздел V. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	99
<i>Абдурахманов А. А., Веренич Н. Г.</i> СУДЕБНО-ИСКУССТВОВЕДЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ	99
<i>Антилевкая Ю. А.</i> О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СУДЕБНО- ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	101

<i>Бондаренко Е. Н.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА «ЛЖИ» КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	103
<i>Васильченко А. В., Сальманов А. А., Гареев А. М.</i> ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОГО ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ НЕОПОЗНАННЫХ ТРУПОВ	105
<i>Гайнельзянова В. Р.</i> НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ СУДЕБНОЙ АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ.....	107
<i>Долгинов С. Д.</i> ЭКСПЕРТИЗА ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ	110
<i>Мазовка А. С.</i> СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ 3D-ТЕХНОЛОГИЙ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ	112
<i>Мороз И. А., Орехова Е. П.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТИПОВОЙ МЕТОДИКИ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	114
<i>Нефедов С. Н.</i> МОДУЛИ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОМ ПРОЦЕССЕ: ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ НОВОГО РУКОВОДСТВА ILACG-19: 08/2014	116
<i>Рубис А. С., Ропот Р. М.</i> ДОСТОВЕРНОСТЬ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ ...	118
Раздел VI. ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ: НАУЧНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ.....	124
<i>Вишневская В. П.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	124
<i>Ермолович Д. В., Сечко И. В.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕТОДОВ ПРОФАЙЛИНГА В КРИМИНАЛИСТИКЕ И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	126
<i>Желобкович А. Г.</i> О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ МОШЕННИЧЕСТВЕ НА ВТОРИЧНОМ РЫНКЕ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ	128
<i>Ковальчук А. А.</i> КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ХИЩЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РЕКВИЗИТОВ БАНКОВСКИХ ПЛАТЕЖНЫХ КАРТОЧЕК	130
<i>Копотун И. Н.</i> СИСТЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГЕРМАНИИ	132

<i>Крамаренко В. П.</i> О НЕКОТОРЫХ ДЕТЕРМИНАНТАХ, ВЛИЯЮЩИХ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА, В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ.....	136
<i>Кубарев И. В.</i> О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ КОНТАКТЕ ПРИ ДОПРОСЕ....	138
<i>Лемешко Е. В.</i> ПСИХОФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	140
<i>Лукьянчиков Е. Д.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ РАССЛЕДОВАНИЯ	143
<i>Петрова О. В.</i> НЕКОТОРЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОБВИНЯЕМОГО/ПОДОЗРЕВАЕМОГО.....	145
Раздел VII. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ	
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	147
<i>Дедковский А. А.</i> ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КАТЕГОРИИ «ГРАЖДАНИН» В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПЕРАТИВНЫЙ ОПРОС»).....	147
<i>Климов Д. А.</i> К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ...	148
<i>Родевич В. Ч.</i> НЕКОТОРЫЕ СУЖДЕНИЯ О ПРАВОВОЙ ОСНОВЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУБЪЕКТОВ И УЧАСТНИКОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	150
<i>Сілаєў С. А.</i> ЗАБАРОНА ПРАВАКАЦЫІ ЗЛАЧЫНСТВАЎ І КАМПРАМІС У БАРАЦЬБЕ СА ЗЛАЧЫННАСЦЮ (АБ ЛАТЭНТАЙ КАЛІЗІІ НОРМАЎ АПЕРАТЫЎНА-ВЫШУКОВАГА І КРЫМІНАЛЬНАГА ЗАКАНАДАЎСТВА).....	152
<i>Соркин Г. С.</i> ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ «ОПЕРАТИВНЫЙ ОПРОС»: ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	155
<i>Ткачук Т. А., Хитев А. П.</i> НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	157
<i>Тукало А. Н.</i> ПРЕБЫВАНИЕ СРЕДИ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОМУ ЗАДАНИЮ КАК МЕРА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ОСНОВЕ	160
<i>Харевич Д. Л.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ АГЕНТУРНЫХ ОПЕРАЦИЙ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ.....	162

<i>Шаматульский И. А.</i> ПОНЯТИЕ РИСКА В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	164
<i>Шемякин В. С.</i> КОНЦЕПЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	166
Раздел VIII. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	169
<i>Акчурина А. В.</i> СПОСОБЫ, ОРУДИЯ И СЛЕДЫ СОВЕРШЕНИЯ ОСУЖДЕННЫМИ ДЕЙСТВИЙ ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИХ ИЗОЛЯЦИЮ ОТ ОБЩЕСТВА	169
<i>Александрова О. П., Буданова Л. Ю.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПО ИСПОЛНЕНИЮ ПРИГОВОРА ПРИ УКЛОНЕНИИ ОСУЖДЕННОГО ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА	172
<i>Бодрова Ю. В.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИНЯТИЯ ПРОКУРОРАМИ МЕР РЕАГИРОВАНИЯ ПО ФАКТАМ ВЫЯВЛЕНИЯ НЕДОСТАТКОВ ПРИ ПОДДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДАХ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	173
<i>Василевич Г. А.</i> ИСТОЧНИКИ МЕДИЦИНСКОГО ПРАВА	175
<i>Василевич Д. Г.</i> К ВОПРОСУ ОБ ЭВТАНАЗИИ	180
<i>Вереничikov И. Р., Асаёнок Б. В.</i> ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ПРИ ВЕДЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРОЦЕССА	185
<i>Гамбарова Е. А.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ИСТОЧНИК ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.....	187
<i>Зорин Р. Г.</i> НА ПУТИ УКРЕПЛЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ НАУК «КРИМИНАЛИСТИКА» И «УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС»	189
<i>Красиков В. С.</i> ДОЗНАНИЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ЭВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	192
<i>Кухарьков Ю. В.</i> ПРИЧИНЕНИЕ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ В СВЯЗИ С НЕОКАЗАНИЕМ И НЕНАДЛЕЖАЩИМ ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ	198
<i>Лысенко А. Н., Лысенко И. В.</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ	201
<i>Мишин А. В.</i> ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ СОДЕЙСТВУЮЩИХ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЛИЦ КАК АКТУАЛЬНАЯ ТАКТИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА.....	203

<i>Молоков В. В.</i> ПОЛУЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	205
<i>Ревтова С. Ю.</i> ОСОБЕННОСТИ ЗАДЕРЖАНИЯ КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ.....	207
<i>Руткевич В. Н.</i> О ПРЕСТУПЛЕНИИ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	211
<i>Скаков А. Б.</i> ПРОГРЕССИВНАЯ СИСТЕМА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ И ЕЕ РОЛЬ В ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ.....	215
<i>Телеунов Р. Ж.</i> ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН.....	219
<i>Трефилов А. А.</i> ОРГАНИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ОПЫТ ШВЕЙЦАРИИ	220
<i>Хлус А. М.</i> ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ КОРРУПЦИИ	223
<i>Шидловский А. В.</i> ОТРАЖЕНИЕ НОРМ БЕЛОРУССКОГО И НЕМЕЦКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ НАКАЗАНИЙ.....	227
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	230

Научное издание

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ И ИННОВАЦИИ

Материалы

**Международной научно-практической конференции,
посвященной 45-летию кафедры криминалистики
юридического факультета БГУ**

Минск, 12—13 октября 2017 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 30.06.2017. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 14,18. Уч.-изд. л. 14,24
Тираж 100 экз. Зак. 341.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/159 от 27.01.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в республиканском унитарном предприятии
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.